

Иван Кузмичев

ПОСТУПЬ ИМПЕРИИ

Поступь империи

Право выбора

Мы поднимем выше стяги!

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Иван Кузмичев

**Поступь империи: Поступь
империи. Право выбора.
Мы поднимем выше стяги!**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кузмичев И.

Поступь империи: Поступь империи. Право выбора. Мы поднимем выше стяги! / И. Кузмичев — «Издательство АСТ», 2024 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-161302-0

Тысяча семьсот седьмой год только начался. Русские войска бьются со шведами, убивают, гибнут, защищая Отечество. В Русском царстве беспокойно, а порой и страшно: постоянные бунты на окраинах огромного государства, набеги крымских татар чуть ли не каждой весной. Молодой, лишенный отцовского внимания и заботы царевич Алексей находится под опекой светлейшего князя Меншикова, столь же деятельного, как государь, и при этом почти не обращающего внимания на сына своего господина. Так случилось, что очередной поход в баню закончился для царевича странной потерей сознания, после чего очнулся он не таким, каким был еще несколько дней назад. В теле молодого наследника будущей великой империи оказывается наш современник Иван Пестерев, погибший от удара шаровой молнии. Какой путь избрать отныне молодому человеку: остаться прежним Алексеем, в котором разочаровался отец, или же выбрать трудный, опасный путь преобразований, продолжая дело Петра Великого?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161302-0

© Кузмичев И., 2024

© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Поступь империи	7
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	39
Глава 4	79
Глава 5	99
Глава 6	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Иван Иванович Кузмичев

Поступь империи

© Иван Кузмичев, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Поступь империи

*Кто к знамени присягал единожды, тот у одного и до смерти
стоять должен.
Петр Великий*

Пролог

*Пробуждение
Иван Пестерев*

Бывало, что утром голова раскалывается, а поводов нет? Да так сильно, что хочется открутить ее к такой-то матери?

Сейчас, именно в эту секунду в голове – пульсирующая боль, от которой не убежишь и не спрячешься. И хочется кричать, да горло сипит и не более; пытаешься сжать виски, но руки не слушаются. А вдалеке, словно в насмешку, размытое ощущение неги. Появится – исчезнет. Вокруг тьма. Потерян счет времени...

Безумие, как удав вокруг очередной жертвы, медленно обволакивает остатки разума, но чувствую: гаснут одна за другой искры чистого и светлого. Все поглощено мраком кроме одной самой яркой искры. За нее держусь, не даю окончательно раствориться.

Борьба продолжается до тех пор, пока ощущение неизбежности не перестало довлеть. То ли упорство, то ли случай помогли, но в какой-то момент тьма просто исчезла. Удав не получил в этот раз очередную жертву, но чувствую: не ушел, он просто выжидает, притих, выискивая малейшую брешь в обороне разума.

Голова перестала болеть, руки моментально коснулись лица, а свежий, чистый глоток воздуха сквозь стиснутые до скрежета зубы оживил горящие огнем легкие, неприятно прокатившись по всему телу.

«Сон!» – мелькнула радостная мысль. Своя кровать, мягкая и удобная. После пережитого тело ноет, как после двухчасового кроссфита. Однако глаза упорно не желают открываться. Поворачиваю голову...

«А-а-а! Сука! Да в чем дело?!» От мозжечка до копчика простреливает так, будто позвоночник решили встряхнуть и скрутить одновременно. Ору что есть силы. Да толку никакого: из горла лишь тихое сипение, и только.

Мысли, словно проржавевшие шестеренки, со скрипом сменяют одна другую. Что случилось? Где я? Почему никого нет?

Легкий сквознячок, пронесшийся по лицу, моментально сдул из разума намек на анализ ситуации. Через секунду слышу легкую поступь шагов, но по-прежнему не вижу идущего. Силюсь повернуть голову, да толку: боль и гудящая голова – все, чего добился ненужным порывом.

Между тем кто-то приблизился к кровати. Незвестные обсуждали мое состояние, кто-то из них даже потрогал липкой рукой мой лоб. Постепенно спор перерос в выяснение отношений. Причем говорили спорщики на странном ломаном русском, из десятка слов хорошо если тройку могу разобрать.

Однако стоящие надо мной люди не унимались, их «шепот» был прекрасно слышен, однако разобрать их слова я так и не смог, просто не улавливал смысл.

– Господа...

В горле сильно саднило, да так, будто я три дня питался льдом, сидя в холодной ванне.

– Да, Алешка? Ты только скажи, мы сразу исполним, – тихо донесся откуда-то справа чей-то искренне переживающий голос.

– Почему я ничего не вижу? – кое-как просипел я.

– У тебя была лихорадка, – ответил другой голос.

– А при чем здесь мои глаза? – недоуменно спрашиваю я. Насколько мне известно, при данной болезни с глазами проблем быть не должно.

– Дня два назад у тебя начали сильно слезиться глаза, даже в полутьме появлялись слезы, поэтому дохтур Бидлоо сделал повязку на глаза.

– Понятно. Долго я тут лежу?

Станный говор все больше и больше начинал меня смущать, даже неопределенность, мучающая меня, отошла на второй план.

– Уже вторая неделя пошла, царевич...

– Кто я?

Мне показалось? Это обращение...

– Царевич, – недоуменно ответили несколько голосов. – Алешка, неужто ты не помнишь ничего?

– Ничего не помню, да и не понимаю тоже ничего, – отвечаю я честно.

Никаких воспоминаний о последних днях у меня нет, словно их аккуратно стерли, но вот почему-то была уверенность, что царевичем я не мог быть точно. Я не понимал, что такое случилось и где вообще нахожусь. Одно мне было известно точно: здесь что-то не так.

«Так, надо собраться с мыслями и подумать. Что я делал вчера? Блин, прошло же две недели! Что же такого начудил-то? Черт! Помню, госы были, назначение в какую-то глушь помню. А что же дальше?» Стараюсь собрать все мысли в кучу, но ничего не получается.

Наконец в голове возникают разрозненные картины недавних событий...

Черный небосвод прорезают десятки голубых молний. Мой экспресс несется в ночи. Вокруг поезда бушует разъяренная стихия. Я сижу в купе, устало наблюдая за очередной вспышкой молнии, распоровшей темную завесу, хлещущую идуций поезд. Вот уже пара часов, как мне не удастся заснуть, с самого начала этой грозы. Говорят, что одиночество – плохой советчик, особенно в такие минуты. Быть может, если бы я ехал в купе не один, то не совершил бы этого нелепого, глупого поступка?

Я одеваюсь и выхожу в тамбур, для того чтобы поближе посмотреть на разбушевавшуюся стихию. Когда-то давным-давно я любил смотреть на ярость стихии, на завораживающие росчерки молний, на клонящиеся к земле верхушки берез, горизонтально падающие капли ледяной воды. Да, давно это было. Так почему бы вновь не вспомнить то чувство трепета перед мощью природы?

Свежая прохлада ворвалась в затхлую железную коробку, несущуюся неведомо куда и зачем.

– Хорошо-то как!

Делаю глубокий вдох, закрываю за собой дверь в вагон.

Белые рваные линии молний появились особенно близко, ослепив меня на пару секунд. По лицу стегнули холодные капли дождя. Проморгавшись, я увидел перед собой шипящий ярко-оранжевый клубок электрического разряда. Замерев в полуметре от моего носа, он медленно закружился вокруг своей оси.

– Ничего себе апельсинчик, – изумленно выдохнул я, глядя на первую в своей жизни шаровую молнию.

Вспышка! Сознание медленно меркнет...

Глава 1

Февраль 1707 года от Р. Х.

Дорога Москва – Суздаль

Где-то за стеной завывает зимняя вьюга, мириады яростных льдинок бьются в ставни. Пара лучин горит неровным от сквозняка пламенем. Ветхая крыша поскрипывает от силы стихии.

«Где это я? Помню, что на поезде ехал, но не останавливался в таких лачугах...»

Вокруг легкий полумрак, одна из лучин уже потухла. Красное пятнышко на фоне угла медленно меркло. В недоумении продолжаю осмотр комнаты. Топчан с соломой подо мной, кривенький стол с парой мисок неясной формы да лавка посередине комнаты. В стене небольшая выемка, видимо, для окна – мелкого, чуть больше ладони.

«Вот черт! Где же я? Ну не в деревне же! Да и шум этот достал уже! Завывает как зимой, а ехал я в июле. Чертовщина, япона мама».

Так и не определив, что происходит, решаю обследовать комнату лично, а там, глядишь, и вовсе выйти из нее. Стоило выбраться из-под одеяла, роль которого выполняли лоскуты серых шкур, сшитых в один кусок, мигом стало зябко, полчища мурашек в один миг пробежали по спине. Чуть ниже – странное чувство свободы. Нижнего белья нет...

Рядом с кроватью никакой верхней одежды не обнаружил. Обследовать комнату нагишом не хочется. Лучше подожду появления хозяев, глядишь, и остальное все прояснится.

А время шло, никто не появлялся. Никаких шумов, кроме завывания ветра за бревенчатой стеной, не слышно.

Под аккомпанемент природы повторно задремал, не дождался хозяев дома.

– Эй, Ермолка, скорей подгоняй скотинку, а то боярыч замерзнет – с нас старая Аглая шкуру на лоскуты порвет! – произнес кто-то басом рядом со мной.

Завываний вьюги нет, только снизу поскрипывает порой, да и постель подо мной немилосердно качается, словно колыбель.

– Лексей Борисович, и так уже с ног падаю, не могу больше... – взмолился молодой голос, шумно дыша от усталости.

– Но, родимая! – Хлесткий щелчок, и кровать дернулась чуть сильнее, чем прежде. – Смени меня, лентяй. Учись, как надо.

Чему следует учиться уставшему пареньку, так и не узнал. Сознание резко помутнело, свет померк. Тишина окутала лебяжьими перинами.

В следующий раз очнулся на мягкой кровати, куда приятнее той, что была до этого. Вылезать не хочется. Оглядываюсь по сторонам. На стенах пара светильников, чадящих в закопченный потолок. Комната заметно больше первой, да и опрятнее, на полу лежат шкуры животных. Выползаю из-под толстого одеяла, на теле смешная пижама. Около двери сапоги стоят. Не кирзачи, но странные. Непонятные.

Староверы, что ли, к себе прибрали? И зачем, спрашивается? А, ладно. Пока ничего не знаю, догадки строить не следует, только глупости придумаю...

Так, стоп, а где, спрашивается, та троица?! Не померещилось же мне все это?! Алешка-царевич какой-то, опять же. Шутки, конечно, люблю, но не такие жесткие. Хотя разберемся – авось и сам пошучу над кем.

В теле приятная расслабленность. Удивительно, но кушать не хочется, да и пить тоже. Однако стоило подумать об этом, как желудок недовольно уркнул, булькнул и требовательно занял.

– Блин, не было печали, – недовольно цыкаю языком, оглядывая комнату в поисках одежды.

Убранство куда богаче прежнего. Тут тебе и миниатюрная лавка возле двери, пара покрытых лаком стульев с красивой резьбой, стол из какого-то темного дерева. На стене вовсе висит живописная картина с изображением гор и нескольких людей верхом на конях. В углу притулился небольшой шкаф, заставленный книгами в потертых переплетах. Вот, собственно, и все, что было в комнате. Хотя нет, в другом углу – самый настоящий красный угол! С иконами и свечами. Офигеть же. Давно я такого не видел, в деревнях разве что.

– Что ж, потерплю, не кисейная барышня, не умру от недоедания, должен же кто-нибудь появиться.

О медсестрах я больше и не вспоминал, больно уж диссонировала окружающая обстановка с привычной атмосферой обители последователей Гиппократов.

Лежать под одеялом – дело нехитрое, особенно если в комнате тепло и даже немного душно. Легкий полумрак способствует полудреме. Желудок то и дело взбрыкивает – просит, зараза, кормежки.

Минут через пять дверь приоткрылась. Вошел, пятась спиной вперед, немолодой мужчина с остриженной под горшок совершенно седой головой, в старинном платье. Примерно такое, какое показывали в фильме про Ломоносова, даже вон рюшечки с рукавов свисают. Забавно, чесслово.

– Батюшка милостивый, очнулся, хвала Господу!

Улыбка дядьки неожиданно больно кольнула сердце, ведь так могут улыбаться только дорогому человеку... Но знаю, что его не знаю!

– Извините...

Пытаюсь разобраться, в чем, собственно, дело, но вместо нормальной реакции, ожидаемой мной, вижу, как он падает на колени, чуть ли не стуча головой об пол.

– За что же ты так со мной, батюшка милостивый?! Чем прогневал тебя? Неужто неугоден стал, защитник ты наш? – с дрожью в голосе спрашивает дядька, того и гляди из глаз покатятся слезы обиды и отчаянья.

– Да что происходит? Чем обидел тебя? Я же не помню ничего, с самого поезда ничего не помню, а ты тут на колени падаешь...

– Прости меня, батюшка, прости сирого, недоглядел я за тобой, каюсь, Алексей Петрович, сердешно каюсь, нет мне прощения!

«Млин! Китайца тебе в охапку!»

– А ну прекрати! Отвечай по существу: что случилось?!

Старик вскочил с колен, легкая тень улыбки промелькнула на губах, и, тяжело вздохнув, заговорил...

Мол, я, Алексей Петрович, батюшка и защитник всех юродивых, решил поехать к матушке своей, Евдокии Федоровне, в монастырь. Почему она там и вообще кто это такая, не понял. Дальше вообще странности одни. Оказывается, со мной поехали друзья: братья Колычевы, Нарышкины, пара духовных лиц во главе с протопопом Верхоспасского собора Яковом Игнатьевым и несколько слуг. Что, собственно, вся эта толпа делала рядом, также непонятно. Да плевать, самое интересное в ином – вернуться мы должны были в начале февраля!!!

«Какой февраль, твою мать?! Сейчас июль на дворе должен быть!» – едва не закричал я. Хорошо вовремя прикусил язык.

Тут сразу вспомнились завывания вьюги, морозный ветер, поскрипывание кровати, а вернее полозьев... Все странное и непонятное сплелось в узел, разрубать который ой как не хочется, а распутать нужно. И чем скорее, тем лучше.

Между тем история продолжалась.

Вся компания отправилась в суздальский Покровский монастырь. Пробыли в гостях неделю, затем отправились обратно. Гонца в Преображенское отправили сразу. Но затем, когда сроки нашего прибытия перешли все мыслимые границы, а нас все не было, отправили слуг с собаками и плутонг солдат в придачу. Прямо по пути, по которому мы возвращаться должны были.

Все бы ничего, да только одно подворье боярина Хлощина нашли сожженным дотла, людишек разбойного вида рядом и пару саней с богатым убранством. Надо ли говорить, что в том месте перевернули каждый камень, обошли все сосны. А найти царевича не смогли. Как, впрочем, и дружков, что в путь со мной отправились.

Не зная, что делать, поисковая команда проследила весь путь от монастыря до Преображенского, но следов больше не нашли. Однако через пару недель после пропажи нашей компании в ворота дворца постучал мужик с молодым парнишкой. В их санях лежал царевич Алексей. Я то есть.

Сами спасители куда-то пропали во время поднявшейся радостной суматохи. Их даже запомнить не получилось.

Три дня подряд шли службы в местных церквах, били в колокола и восхваляли милость Божью. О пропавших сотоварищах никто не вспоминал. Разве что их родичи, да и те, по-видимому, не могли придумать ничего лучше, как отслужить по ним службу за упокой...

– Достаточно, – негромко говорю старику. – Как зовут тебя, мил человек? Не помню ничего.

«Если все это шутка, то очень грамотно построенная шутка, если же нет и я правда какой-то царевич, да еще к тому же Алексей Петрович, то... – В голове тревожно щелкнуло, неприятная идея забрезжила на грани сознания. – То это полная опа!»

– Никифор я, батюшка, помощник ныне пропавшего Еварлакова, – поклонившись, представился старик. – Получается, что домоправитель новый.

– Домоправитель – это хорошо, – киваю ему. – Это замечательно, потому что очень хочу есть. Никифор, надеюсь, не дашь умереть от голода... царевичу? – пробуя на вкус новое слово, интересуюсь у старика, мысленно прикидывая, проколется он или нет.

Не прокололся, лишь улыбнулся и, как заправский фокусник, поставил на небольшой столик перед моей кроватью глубокую серебряную тарелку с ароматным бульоном.

– Спаситель, ей-богу, спаситель!

Сглатываю вязкую слюну. Никифор передал деревянную ложку. Желудок утробно рыкнул, требуя свое. Не медля, перебрасываю ноги на пол. Беру горячую тарелку и, обжигаясь, шумно хлебаю бульон.

Также Никифор поставил на стол тарелку с маленькими булочками, небольшой поднос с жареной птицей и пустой кубок, рядом с которым оказался серебряный кувшин с широким горлом.

– Что это? – киваю на кувшин.

– Сбитень.

Никифор между тем наполнил кубок, достал белое полотенце и замер рядом со столом. Не привык я есть, когда на меня человек в упор смотрит. Оно, конечно, и в солдатской столовой не сахар, да ведь там народу тьма, пережить можно, а тут...

– Никифор, расскажи: что без меня произошло, что в царстве нашем делается? – спрашиваю домоправителя, отрывая бедро птицы. – Ведь получается, что месяц без памяти был.

– Да почти ничего и не произошло, батюшка. Его величество Петр Алексеевич в граде своем новом навигации дожидается. Бояре наши тоже службу несут, вскорости приказы государевы исполняют, как и всегда, – кланяясь, ответил Никифор.

– Ну да, как всегда, как еще может быть... – задумчиво повторяю, медленно пережевывая жесткое мясо. – Принеси одежду и лохань какую-нибудь. Умыться надо.

– Как изволите, батюшка.

Никифор ушел, плотно прикрыв за собой дверь. В комнате натопили знатно, но тело все же пробивал легкий озноб. Видимо, умудрился заболеть. Если правильно понимаю ситуацию, то сейчас начало восемнадцатого века. В это время обычная простуда уносила столько жизней, что иным войнам и не снилось.

Между тем за окном поднималась заря, приятно освещая все розовыми тонами: проснулся рано. На краю разноцветного стекла переплетаются созданные морозом узоры, причудливо сочетающиеся в себе дикую красоту хаоса и гармонию природного изящества.

День предстоит насыщенный, особенно если учесть, что ничего не знаю об окружающей обстановке, мире, да и себе прежнем. Другое дело, что паники и мандража нет в помине, будто все происходящее в порядке вещей. А может, сплю до сих пор? Эдакий летаргический сон, вот и мерещится мне всякая хрень. Нет, не похоже, слишком все реалистично.

Размышлять над проблемами времени не было, Никифор вошел в сопровождении пары служанок, несущих в руках одежду: камзол, штаны и рубаху. Сам домоправитель нес черную широкополую шляпу.

Через десять минут мучений на мне оказались штаны чуть ниже колен, камзол (похожая на кафтан штуковина, только без обшлагов и боковых карманов), слегка укороченный и отлично сидящий по фигуре, алые чулки, кожаные ботфорты, галстук странной формы – и вот я готов к блужданиям по дворцу. Вот только епанчи-то у меня нет...

«Вот ведь задница! Откуда я все это знаю? И вообще, что такое епанча?» – с изумлением спрашиваю себя, стоя перед небольшим темным зеркалом с дефектными пятнами амальгамы. И тут же в голове как само собой разумеющееся пронесется: «Епанча – просторный плащ с рукавами и пуговицами по борту...»

– Ничего себе, – едва слышно шепчу под нос.

– Вы что-то сказали, ваше высочество? – спросил Никифор, почему-то не применив «батюшки». Видимо, не та обстановка.

– Нет, все в порядке. Ступайте.

– Как изволите.

Кланяются и тихо уходят, не забыв прикрыть дверь.

Постоял пару минут, приноравливаясь к новой одежде и ботфортам. Хотя все было сделано специально на меня, однако душой чуждость вещей все-таки ощущалась: мол, родное, но что-то не то, непривычное.

– Эх, как ни прячься, а отсюда нужно выходить, не вечно же здесь сидеть, право слово. – Глубоко вздыхаю пару раз: вдох – выдох, вдох – выдох... – С Богом! Авось русское «авось» не подведет. По крайней мере, я на это искренне надеюсь...

* * *

Март 1707 года от Р. Х.

Москва

Алексей Петрович

Не успел все обдумать, как в голове словно переключили тумблер, включая что-то. Перед глазами опустилась едва видимая пелена, открывающая неясные картины. С каждым мгновением они будто листаются с возрастающей скоростью. Следом за какофонией изображений хлынул поток информации. Часть, найдя место, растворилась под напором новой, более нужной и полезной. И даже в таком состоянии прекрасно понимаю, что многое придется постигать самому, без помощи странной пелены!

Говорят, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Эта аксиома правдива и для нехороших событий в жизни. Не знаю, сколько времени прошло с момента «вливания» информации, но вот времени для усвоения потребуется в разы больше. Сложилось впечатление, что к голове подключили питание в пару киловольт и без зазрения совести пропустили через мозги. Причем никто не смог бы поручиться за то, что они в скором времени не вытекут из ушных раковин...

Легкий дурман заволок сознание, погружая в мир сновидений.

Вот пронеслась мысль о царевиче, следом – о Петре Первом. Не осознавая, в чем дело, докапываюсь до дна, ворошу, стараюсь запомнить как можно больше всего. Воспоминания какого-то человека начали тесно вплетаться в мои собственные (порой даже нельзя отличить одни от других), навечно связывая друг друга.

Царевич... «Да что такое-то? Ну не царский же я сын! – смеюсь угрюмо мыслям, только вторая половинка противится. – Или все же он?»

Легкая дрожь постепенно сошла на нет. Приходит осознание того, что неизбежно отложилось все время: я в роли царевича – того самого, которого убил собственный отец. Пускай не своими руками, но сделано это было с его позволения точно. Да, именно Алексей, сын Петра Великого!

Но голова желает работать дальше, бросает в омут фантазий и желаний. А ведь каждый из нас мечтает оказаться в другом мире, быть не тем, кем является, примерить роль полководца или правителя! Так в чем дело? Пора поучаствовать в этом, раз уж судьба дала шанс!

После принятого решения с души сваливается тяжелый груз, неотвратимо тянущий на дно забвения. Теперь могу выпрямиться во весь рост.

«Коли так, то пора и мозги напрячь, вспомнить, что в истории было».

Кое-что припоминается. Вроде Алексей намеревался устроить заговор, правда, это стало стопроцентно известно только после допроса царевича в семнадцатом году, а может, и в восемнадцатом – блин, не помню. Но вот в реальности дела видятся в ином свете. Исходя из тех воспоминаний, которые мне достались, оказывается, что царевичу уже не раз делали такие предложения. Конечно, не напрямую, но такие, что узнай царь-батюшка – и все! Всем участникам придет полный абзац.

«Интересно, что же такого там говорили Алексею купцы и бояре?» – пришла в голову неожиданная мысль.

И тут же, словно прекрасно все понимающий метрдотель, разум приоткрыл часть воспоминаний Алексея, показывая светлицу одного из богатых домов, где сидят три человека – в старинных одеяниях, с большими ухоженными бородами.

– ...Царевич, говорили тебе раньше и сейчас повторим: будь ты нашим царем. Много добра бы людям принес, не стали бы людишки тогда роптать, как ныне, – с неким укором сказал самый молодой из сидящих бояр.

– Я не могу идти против отца, – отвечает Алексей. – Батюшка мой...

– А никто и не зовет против царя идти, ты только встань во главе нас, твоих слуг преданных, а мы все сделаем, – вставил слово второй боярин, в бороде которого уже проявилась седина.

– Если государь узнает про это, не сносить мне головы, бояре. Бог милостив, но не батюшка, – перекрестившись, ответил царевич.

Следом за Алексеем перекрестились и бояре. Двумя перстами.

– Что ж, будем ждать, когда сам все поймешь, царевич, пусть и не сейчас, – сказал самый старший из троицы, тяжело вставая со своего места. – Вот только как бы поздно не было...

– Спасибо на добром слове, бояре, я подумаю...

«Ага, вот оно что, за такой разговорчик могут и к железному столу привязать, вгоняя под ногти раскаленные иглы. Нет, так закончить не хочу! Жить – оно всяко лучше», – говорю себе. Но тут второе «Я» дополнило едва слышно: «Но не по-всякому жить-то...»

То, что реформы Петра не поддерживались большинством из прежнего боярства, а для населения Руси были вообще тягостны, знаю из истории. Но вот как это недовольство проявлялось, явилось новостью. Одно дело – читать, а совсем другое – видеть эти лица. Хотя не буду скрывать: недовольство вполне обосновано.

Мало того, заговорщики предлагают вернуть развитие Руси в старую колею. Глупцы! Не понимают, что Европа не станет просто смотреть на Россию и стоять в сторонке, не пытаясь отхватить кусочек-другой от огромного государства. Конечно, у нее и своих проблем хватает, но ведь лет через десять, если мне не изменяет память, году так в пятнадцатом, кое-кто из них может и провести «разведку боем». Хотя пара бояр понимают нужды перемен, но при этом хотят оставаться самобытными...

Что ж, с этим можно согласиться. Правда, Петру глубоко фиолетово на мнение зажиточных купцов и бояр. Государь, как говорится, закусил удила на почве европейских обычаев и западных традиций, часть которых с каждым годом все больше и больше переключивается на Русь. Конечно, это встретило ярое противодействие со стороны простого люда, да и не простого тоже. Будь моя воля, не стал бы так кардинально менять жизнь...

Я же теперь царевич! Ага, которому прочат место главы заговора, а точнее, марионетки, и который так основательно подорвал доверие отца, что и думать о чем-то большем, чем о пьянстве, у моего визави не хватило ума... Весело.

Но все же, почему нужен именно заговор? Можно ведь переговорить с некоторыми купцами да и намекнуть на то, что стоит поддержать царя в паре начинаний, а взамен выпросить льготы для себя. Все-таки люди дельные и предприимчивые, должны понимать, что проще содействовать царю и при этом делать все по своему пониманию. И в том, что они делают, их никто не сможет обвинить, ведь указы царя-то будут выполняться! Вот только как убедить купцов и бояр?

Да, задача. Может, просто переговорить с ними по душам?

Бред, никто не воспримет всерьез человека, который не заслужил уважения, а я, увы, таковым пока и являюсь. Но надеюсь это положение дел исправить. Как? Вопрос другой, пока главное – подумать о том, какие аргументы предоставить заговорщикам, да так, чтобы хотя бы часть из них задумалась о том, чтобы последовать моему совету.

Тогда что же сделать? Увы, пока не знаю.

Надо набраться сил перед завтрашним днем – все-таки первый день в роли наследника престола.

Как ни странно, проснулся рано утром, вместе с петухами. Горланистое «кукареку!» оповестило все окрестные дома о наступлении нового дня. Спать не хочется – словно лимит на пару дней вперед выполнен, – и можно спокойно просыпаться.

«Странно, за собой такого раньше не замечал», – делаю мысленную «пометку на полях».

Оглядев комнату, вижу на столике супницу, от нее идет одуряющий аромат мясного бульона. Сейчас он слаще французских духов и желанней холодной кружечки кваса после бани.

Не откладывая в долгий ящик столь аппетитный завтрак, выбрался из-под теплого укрытия. Накинул на плечи халат, аккуратно висящий на плечиках стула. Взял небольшой половник и аккуратно налил в серебряную тарелку, одиноко стоящую рядом с супницей.

Увы, но насладиться бульоном не дали. В комнату вошел пожилой камердинер – Никифор, как услужливо подсказала сдвоенная память. Он остановился, держа в руках чистое полотенце.

– Ваше высочество, вы уже встали? – удивился он.

Видимо, это было необычно. Крайне. Брови на мгновение взлетели вверх, показав крайнюю степень удивления. При этом он не забыл поклониться.

– Как видишь, Никифор, – улыбаюсь как можно дружелюбней. – Принеси лучше чего-нибудь существенней...

– Простите, ваше высочество, что принести? – переспросил он, не поняв.

– Мясца неси.

– Конечно, сей же час, ваше высочество! – обрадовался он, намереваясь скрыться за створками полуоткрытых дверей.

– И... Никифор, – бросаю ему.

Он тут же остановился.

– Не ставь на стол ничего хмельного. Хорошо?

– Как будет угодно вашему высочеству, – ответил камердинер.

Распрямившись, Никифор ушел, плотно прикрыв за собой дверь, оставив меня в одиночестве. Оно продлилось недолго – буквально через пять минут двери тихо отворились. В них вошла пара слуг. Они как можно скорее и незаметнее расставили на столике передо мной с десяток разнообразных блюд. Хорошо хоть порции были небольшие, иначе даже не знаю, как бы они это все донесли. Но услужливая память вновь дала о себе знать, намекая на то, что крепостные – это и не люди вообще, и нечего на них обращать внимание...

«Ну уж позвольте! Так дело не пойдет! – возражаю появившейся в голове мысли. – Могу допустить, что большинству людей просто-напросто требуется кабала для самой жизни. Они не понимают, что им необходимо в этой жизни. Но это ведь не причина, чтобы сгноить их, держа в черном теле, да и относиться к ним как к животным неправильно! Свои же, славяне».

Не успел закончить с первым блюдом – чудесно зажаренным зайцем, а может, и кроликом, если таковые уже появились, – как двери вновь открылись. В комнату вошел молодой парень, который был мне смутно знаком. И точно. Приглядевшись, я вспомнил, что уже видел его в своем сне.

– Алексей, как рад, что с тобой все в порядке! Ты даже себе не представляешь! – искренне сказал Василий, усаживаясь напротив меня и бесцеремонно принимаясь за принесенную мне еду.

«Спокойно! – командую себе. Только бы не сорваться. – Блин, но все-таки неприятно ведь! Хотя разрешения спросил бы, что ли!»

Видно, на моем лице слишком явно проступили злость и раздражение. Василий отложил зажаренную ножку барашка.

– Что-то случилось? – беспокойно спросил он.

– Нет, все в порядке.

Уняв раздражение, пытаюсь улыбнуться, вот только улыбка, скорее всего, была больше похожа на оскал. Да и лицо внезапно побледневшего Василия говорит о том, что все-таки часть моих эмоций вырвалась наружу.

– Не ко времени, видать. Проведать тебя приходил, Лешка. Пойду я...

– Иди, коли хочешь, – не стал удерживать его, прекрасно понимая, что вполне могу не сдержаться и сказать что-нибудь лишнее.

– Сегодня после обеда ребята хотят веселье устроить, с медведями и цыганами. Тебя ждать? – спросил приятель прежнего Алексея.

Принял решение о том, что эти «ломти» мне вовсе не нужны. Они могут принести немало бед не только мне, но и еще неокрепшей Руси.

– Мне еще нездоровится, Василий, отдохните за меня тоже.

– Хорошо, выздоравливай скорее. Нам тебя не хватает, Алешка!

– Конечно, самому надоело валяться, – честно отвечаю ему.

– Тогда пойду, пожалуй?

– Иди.

Василий перед дверью оглянулся и быстро встряхнул головой, словно прогонял навязчивые мысли.

«Что-то увидел ведь, – подумал я, медленно жуя. – Значит, выбора нет. Если они так хорошо знали старого Алексея, то меня наверняка раскусят. Что ж, придется признать, что мысль отгородиться от них удачна. Мне нужны люди – преданные и верные соратники».

Оставшись один, наверное, не смог бы сдержать рвущийся крик отчаяния. Вот только в голове постоянно мелькали образы незнакомых людей. Этого хватило, чтобы заставить себя сражаться со слабостью.

Шли минуты, очередной пласт информации обрабатывается, а я завис над пропастью. Слава всем, что счастливые моменты прожитых лет разгоняют мрачные тучи суровой реальности.

Внезапно в воспоминания детства влетают картинки чужого прошлого, с каждым мгновением становящиеся все ближе, родней! Но от этого знания на душе остался горький осадок утраты чего-то важного, родного – единства с самим собой, которое является для каждого самым тайным и нужным в брэнной жизни!

Воспоминание 1

Несусь на коне по зимнему лесу, словно за мной гонится сам черт. Деревья мелькают по сторонам. Скачка длится, по ощущениям, не меньше пары часов – до тех пор, пока не увидел впереди подворье. Только тогда позволил коню перейти с галоп на аллюр. Перед воротами вообще останавливаюсь и спрыгиваю на землю. Поводья подхватывает мелкий парнишка.

Бреду в дом. Чувствую неприятный осадок на душе, заставляющий постоянно оглядываться назад, искать неизвестного наблюдателя. Но неприятные мысли отодвинулись на второй план, стоило увидеть вышедшего из приземистого здания Василия Нарышкина.

– Алексей, айда к нам в баньку! – закричал он, улыбаясь словно дурачок.

– Сейчас, дайте хоть раздеться.

– Давай, давай, а то у нас тут сбитень стьнет!

– Иду уже, – отвечаю я, заходя в просторные палаты дома.

Скидываю пропитанную холодным потом рубаху и тяжелый кафтан, взамен накидываю на голое тело легкий полушубок. Не дожидаясь повторного приглашения, иду по стьлому двору к стоящей чуть в стороне от дома бане, весело пускающей в черный небосвод красные искры.

Внезапно в голове пронесся ряд непонятных образов, словно я смотрю чужими глазами со стороны. Вот непонятная железная коробка движется без упряжи, а вот миловидная дама, сидящая напротив в столь вульгарном виде, что, наверное, она как минимум падшая девушка, о чем-то весело щебечет. «Да, таковых здесь не хватает», – пронеслась знакомая мысль и вновь исчезла, открывая следующий ряд картинок.

Так продолжалось всего несколько секунд, но во время этих секунд мне стало как-то не по себе.

– Чертовщина какая-то! Пора быстрее в баньку, расслабиться, выпить, с холопками повеселиться, – говорю себе, чуть ли не бегом преодолевая расстояние до дверей бани.

Но что-то не дает открыть дверь, какое-то непонятное чувство мешает, говорит, что не стоит этого делать...

Но человек – такая скотина, что старается делать все наперекор, в том числе и себе. Рука ложится на гладкую ручку двери, медленно тяну на себя ставшую такой тугой дверь. Может, из-за того, что дверь пристыла? Да, вполне возможно...

Наконец удается приоткрыть ее до такой степени, чтобы протиснуться в щель между косяком и дверью. Еле-еле пролезаю, смотрю на освещенный толстыми восковыми свечами предбанник. Радостные крики друзей перекликаются с веселыми женскими голосами.

Но не успеваю подойти к лавке, как радостный шум стих. В голове слышится тихий непрекращающийся звон. Пара секунд – и он прекратился. А следом глаза закрылись. По голове больно ударило, и сознание померкло.

Подошли к концу вторые сутки бодрствования. А понятней не становится. Остается лишь ждать. Время покажет.

Глава 2

Март 1707 года от Р. Х.

Иван Пестерев – Алексей Романов

Первые потуги

Начиная с третьего дня, как я очнулся, прежние друзья Алексея начали странно посматривать. Им невдомек, почему царевич не принимает участия в забавах, столь любимых до непонятной болезни. Плюс ко всему непонятно, зачем были вызваны из ближайших деревень учителя.

Так прошла пара дней, пока ко мне вдруг не явилась (дабы поинтересоваться моим самочувствием, а заодно и тем, почему это я вдруг резко изменил своим привычкам) целая делегация во главе с верхоспасским попом Яковом Игнатьевым. Быть может, я и ответил бы всем им как-нибудь понятнее, придумал бы что-нибудь этакое, чтобы они надолго от меня отстали, но вот когда эти пришедшие с перегарной вонью заморыши начали чуть ли не кричать на меня – вот тут мое терпение лопнуло. Я понимаю, что конспирация и все в этом духе – дело важное, но вот самоуважение для меня все же стоит на первом месте.

В итоге пятерку моих бывших друзей вышвырнули гвардейцы, предварительно наградив каждого из них зуботычиной. На следующий день все пятеро пришли извиняться, но их, естественно по моему личному приказу, не пропустили, оставив околачиваться возле дворца.

Следом за этим неприятным инцидентом наступил черед других, пусть мелких, но все же уязвляющих мое самолюбие случаев. Кои начались с приезда моего номинального воспитателя Александра Меншикова, назначенного таковым самим царембатюшкой...

В один из дней, ближе к обеду, когда был сделан перерыв между занятиями, ко мне в комнату зашел молодой мужчина, одетый по последнему слову европейской моды: в сером парике, темно-синих туфлях, с каким-то бантиком и в темно-зеленом камзоле, поверх которого был небрежно накинут меховой плащ. Легкий прищур глаз и чуть надменная улыбка, говорящая людям: мол, давайте копошиться, а я посмотрю на вас сверху...

«Алексахка Меншиков, – тут же всплыло в моей памяти. – Вот ты какой, полудержавный властелин, как сказал Александр Сергеевич. Пожалуй, в нем действительно что-то есть», – внимательно приглядевшись к гостю, подумал я, убирая на край стола перо с чернилами.

– Добрый день, ваше высочество, – слегка кивнул он головой, словно сделав мне одолжение. – Я тут проездом в Москве, решил вот своего воспитанника проведать, разузнать, что да как... Может, помощь какая тебе нужна?

Светлейший князь даже не пытался скрыть своего отношения ко мне как к давно списанной шахматной фигуре, в руках которой нет ни силы, ни власти. А если знать о его близости к Петру и пронырливости, его уверенность могла быть вполне обоснованной.

– Наш государь-батюшка изволит тебе проверку знаний устроить... через пару месяцев. Смотри, если все так же будешь с монахами болтать да девок дворовых мять, вломит он тебе, как в прошлый раз, опять неделю сидеть не сможешь.

Сказал и ухмыльнулся, внимательно смотря мне в глаза, ожидая там что-то увидеть. Однако через несколько секунд игра в гляделки прекратилась, Меншиков отвел глаза в сторону, подойдя к открытому настежь окну с видом на площадь.

«Вот урод! – удивился я, глядя на него. – Давненько так со мной не разговаривали, очень давно, еще со школьной парты. Правда, тогда у собеседника был разбит нос и не хватало пары зубов после разъяснительной работы. – Что ж, коли так, он хочет сам...»

– И что из этого? – спросил я, не отойдя в полной мере от его хамского поведения.

– Да то, что опять неудовольствие от царя получишь. Тогда поймешь, что да как...

– А тебе-то какое дело, булочник? – как можно дружелюбней улыбнулся я ему, глядя в краснеющую от моих слов физиономию. – Помочь мне чем-нибудь желаешь?

Быть может, мне не стоило этого говорить, но в тот момент я буквально наслаждался видом краснеющего лица будущего генералиссимуса. Хотя услышать мои слова никто не мог, да и желающих совершить данное действие (при обнаружении, конечно) по головке не погладят, скорее приласкают батогами, к примеру. Но все-таки светлейший князь Ижорский был явно недоволен моими словами, будто до того, как я реквизировал тело прежнего Алексея, царевич не отличался непокорностью и исправно терпел унижения.

«Странно, такого просто быть не может, здесь явно что-то не то. Видимо, Петр последний раз действительно сильно осерчал на сына, если уж фаворит столь пренебрежительно относится ко мне», – сделал я себе мысленную пометку, намереваясь чуть позже обдумать открывшуюся информацию.

Встав со своего места, Меншиков уже было открыл рот для ответа, но, видимо, кое-что вспомнив, тут же его закрыл, лишь зло выдохнув сквозь сжатые до скрежета зубы, прищурил глаза и вышел из комнаты, оставив меня наедине с самим собой.

Говоря о чередке маленьких неприятностей, я нисколько не преувеличивал то, чему сам стал свидетелем, порой искренне удивляясь тому, что видели мои глаза. Еще не успела осесть пыль с ботфорт светлейшего князя, почти что вылетевшего из моего дворца разъяренным барсом, как я решил устроить себе перерыв и провести рекогносцировку местности. То есть познаться с Первопрестольной лично.

Первым делом я обратил свое внимание на военное искусство, в частности, на открывшуюся пару лет назад Пушкарскую школу, в которой готовили унтер-офицеров артиллеристов. Все же довольно интересно поглядеть, как предки готовили элиту армии.

К моему глубокому огорчению, самих занятий по артиллерийскому делу я не застал – быть может, в силу того, что добрался до школы только к обеду, а быть может, и из-за того, что оные ведутся не так часто, как это требуется. Как я заметил, основное время в школе отдавалось муштре и заучиванию правил. Хотя до петровского устава было еще далеко, кое-какие артикулы, сиречь инструкции, уже существовали, вот оными как раз и пользовались учителя будущих командиров невысокого полета.

Все бы ничего, да и в школе, как я заметил, люди учатся толковые, буквально схватывают все на лету. Но вот методика преподавания была столь ужасной, что мне поневоле захотелось поправить какого-то немца, на ломаном русском языке с горем пополам объясняющего русским солдатам азы обращения с пушками и мортирами. Однако я вовремя сам себя одернул: все же вмешиваться в дела обучения не стоит, раз уж репутация у меня прежнего была не просто плохой, а я бы сказал, аховой.

Ближе к вечеру, когда основные занятия уже прошли, а будущие унтер-офицеры постигали азы математики, я отправился обратно во дворец, думая о том, почему до сих пор в Москве остается только одна такая школа. Если не считать, конечно, Школу математических и навигационных наук, дающую в основном ценные кадры для флота. Да и, честно сказать, преподают в ней преимущественно иноземцы, хотя лучше было бы поставить толковых русских младших офицеров-артиллеристов. Во-первых, им будет много проще объяснить азы артиллерийского искусства, во-вторых, опытом поделиться не менее важно, чем знаниями.

«Хотя, быть может, здесь нехватка офицеров много острее, чем мне кажется», – подумал я, спрыгивая с седла. Ноги нестерпимо ныли, а копчик болел с такой силой, будто по нему проскакал табуна лошадей. «Надо подумать над всем этим...»

Рука самопроизвольно потянулась к седалищу, бережно потирая его. Увы, но от прикосновения ладони боль только усилилась и вовсе не желала утихать. «Черт! Когда же она пройдет?» – спросил я сам себя в который уже раз за последние дни. К сожалению, навыки верховой езды не только не передались мне от настоящего Алексея, но и, словно в насмешку, стали столь

отвратными, что зарабатывать очки в этой дисциплине мне приходится через боль ягодиц и стиснутые от боли зубы.

Кое-как добравшись до облюбованного мной кабинета, я приказал Никифору подать мне к ужину разбавленного вина.

Как ни печально, но думы о словах Меншикова к вечеру не оставили меня, они усилились, с каждым часом становясь осязаемей, словно были вытканы из воздуха. Утолив первый голод, я, отослав стоявших в дверях слуг, принялся за работу, которую сам себе и нашел, не желая терять драгоценного времени. «Что ж, коли у меня осталось два месяца, то, пожалуй, стоит поплотней заняться своей подготовкой. Спасибо князю за предупреждение, а то бы так и опростоволосился перед государем», – хмыкнул я про себя.

У меня самого были планы, так сказать, освоиться постепенно в этом времени, но раз уж обстоятельства вынуждают, то придется нестись на гребне волны, а не под ней.

Не засиживаясь допоздна за потертыми книжицами с очертаниями границ известных в это время земель, я оставил на желтоватых страницах недавно заведенного дневника пару заметок.

– Никифор! – крикнул я в пустоту приоткрытой двери кабинета.

– Да, ваше высочество? – тут же раздалось из темноты.

Следом сразу появился сам камердинер, неся колеблющийся в подсвечнике огонек, едва разгоняющий окружающий его мрак.

– Пригласи ко мне завтра пару мастеров-плотников, – попросил я его, убирая в ящик стола документы вместе с письменными принадлежностями. Что делать, душа требует порядка.

– Как будет угодно вашему высочеству, – поклонился седовласый мужчина.

– Спасибо. Думаю, ты свободен до обеда: кроме плотников, мне никто не потребуется, – немного подумав, сказал я ему, вставая из-за стола и сладко потягиваясь: рутина писанины изматывает не меньше тяжелого физического труда.

– Как будет угодно вашему высочеству, – повторил камердинер, кланяясь вновь.

Не давая никаких новых распоряжений, я пошел к себе в спальню, благо пройти надо всего метров двадцать. Увы, но уже очень давно меня не посещали сновидения, видимо, забыв дорогу к моему разуму. Хотя, может, оно и к лучшему...

Просыпаться на рассвете в этом времени стало для меня таким же нормальным атрибутом, как и чашка огненного чая с утра в том времени. Не откладывая в долгий ящик физнагрузку, сделал легкую разминку, сгоняя дремоту, преследующую любого только что вставшего с постели человека. Уже почти неделя как я тут во вполне вменяемом состоянии, а самому кажется, что происходит что-то не то...

– Чего же мне не хватает-то? – чуть слышно спросил я сам себя, напрягая мозги, но они пока отказывались давать хоть сколько-нибудь приемлемый ответ. – Ну и ладно, пока это дело подождет.

Стараясь не производить много шума, я продолжил свою физзарядку, прерванную из-за непонятной мысли. Но как я ни старался не шуметь, все-таки привлек внимание, наверное, вечно бодрствующего Никифора, который тут же зашел в спальню, неся в руках кувшин с теплой водой и чистое полотенце. В его глазах уже не было того непомерного удивления, которое было в тот момент, когда он увидел меня делающим упражнение на пресс, зажав ступни под первым попавшимся проемом у шкафчика, стоящего возле кровати.

Да, шуму было изрядно, но после того как с камердинером была проведена разъяснительная работа и отосланы все служанки, с прочими «прелестями», полагающимися наследнику престола, я вздохнул свободно, согласившись только на условие, которое в категоричной форме выставил покладистый камердинер: он сам всегда будет прислуживать мне с утра. Благо

я таки сумел добиться того, чтобы все «умывания и притирания» были сведены к минимуму – кувшину с теплой водой и одному полотенцу.

– Мастера ожидают вас, ваше высочество, – сказал Никифор, после того как я умылся и вытерся полотенцем.

– Отлично, – улыбнулся я своему отражению в маленьком серебряном тазике, стоящем на треноге, словно языческий жертвенник. – Пусть их проводят в Большой кабинет и принесут что-нибудь перекусить: думаю, они вряд ли успели поесть дома...

– Но, ваше высочество, это же мужики...

Непонимание, смешанное с негодованием, столь явно отразилось на лице камердинера, что я поневоле на мгновение растерялся.

«Блин, забыл совсем, куда я попал, – хлопнул я себя по лбу (мысленно, естественно). – Вот только отступить сейчас – значит признать, что я неправ, а делать этого я ни в коем случае не должен. Пусть уж чудачком меня считают, чем какие-нибудь подозрения появятся».

Вот только мысль о том, что мое поведение изменилось столь разительно в сравнении с поведением настоящего Алексея, что в первую пару дней от меня шарахались, словно от прокаженного, растаяла под напором тех идей, которые громоздились в моей буйной на фантазии голове. Как бы только эти фантазии к худому не привели...

– Мне надо повторить? – слегка приподнял я левую бровь.

– Нет, ваше высочество, – стушевался камердинер, уходя выполнять приказ.

«Надо быть осмотрительнее... и жестче: пусть лучше у них будет страх передо мной, чем скрытая насмешка в глазах», – пришла в голову новая, не совсем приятная мысль, тут же озвученная моими губами. Увы, но я попал в реальность, а не в сказку, с неба здесь ничего не упадет – ну, разве что стая птиц «подарок» пришлет...

Накинув пару петель на камзоле, я пошел к ждавшим меня плотникам, прикидывая в уме, как бы подходчивей объяснить им, что мне требуется. А именно – нормальный планшет, на котором можно разместить большие карты местности, да и не только карты. И по возможности их должно быть штук пять: по одному в спальне и кабинетах плюс два запасных, припасенных на будущее.

«Думаю, пока этого хватит, а там, в случае чего, придумаем еще что-нибудь», – сказал я сам себе, прицепляя перевязь со шпагой.

Еще одна моя боль... и радость. Да, именно так: фехтование для меня пока только бесполезная наука, которой овладеть нет времени, хотя возможностей хоть отбавляй. Вот только мне почему-то кажется, что скажи я о том, что не умею обращаться со шпагой, меня не поймут: все же владению клинком благородных учат с детства, а тут почти двадцать лет – и такое заявлять...

– Надо придумать какое-нибудь оправдание, иначе век мне быть неучем. Но это дело не сегодняшнее, может потерпеть, сейчас надо думать о другом, – прошептал я себе под нос, спускаясь в приемный зал.

Солнце ярко освещало стоящую напротив окон троицу. Три плотных мужика стояли с неестественно прямыми спинами, чуть в стороне от них замерла пара слуг, готовых по одному моему движению принести ранний завтрак.

– Доброе утро, – поприветствовал я мужиков, смотря, как один из трех мастеров дергает другого за рукав.

– И вам, ваше высочество, утро доброе, – с поклоном ответили мастера.

– Я думаю, не стоит терять времени, так что давайте сразу перейдем к делу, – сказал я сразу же после слов приветствия, глядя на бледные лица мастеров.

«Да, это, кажется, был перебор, все же стоило оставить их где-нибудь внизу, да там и поговорить. Что ж, учтем на будущее», – мысленно продумал я сложившуюся ситуацию.

Взглянув на плотников, я даже засомневался, не тройняшки ли сидят передо мной. Правда, присмотревшись, можно заметить, что отличия все же есть, да и возраст у каждого из сидящих за столом плотников различный.

К слову сказать, разговор о нужных мне планшетах пошел именно так, как я и предполагал. Войдя в привычную для себя стихию, ремесленники немного оттаяли, стали более разговорчивыми и теперь хоть что-то могли сказать. Так как мастера действительно были таковыми, то проблем никаких не возникло, разве что объяснять форму и размеры пришлось минут пятнадцать, плюс ко всему записать все это на бумаге. Так что когда солнце уже всю освещало улицы Первопрестольной, трое братьев-мастеров уходили из дворца с лицами, полными благоговения, словно побывали не у наследника престола, а в райских кущах. Да, чужая душа действительно потемки.

Сам же завтрак так и остался остывать в углу зала: за обсуждением дел я совершенно забыл о нем, так что труды слуг оказались напрасными. Хотя почему это? Все-таки я с утра еще ничего не ел. По одному моему слову завтрак перенесли в кабинет, где я попутно изучал книгу «Военное искусство. Кавалерия». Увы, имя автора сего трактата я так и не нашел: оно нигде не было указано.

Стараясь не засиживаться за завтраком, я отправился к себе в комнату, чтобы подготовиться к дальнейшему обучению, которое начиналось для меня в половину девятого утра – как раз в то самое время, когда организм окончательно просыпается и готов функционировать.

Скинув камзол с плеч, я уселся в кресло, тут же вытаскивая из стоящего рядом стола расписание занятий. Увы, но пока я только начал свой путь в роли наследника, поэтому не смог толком приноровиться к здешней манере обучения. Часть того, что говорилось (причем большую часть) учителями, преимущественно иностранцами, я знал и сам, но вот пока не решил, как себя вести в такой ситуации: продолжать прикидываться незнающим человеком или же закончить обучение. Последний вариант может негативно сказаться на мне самом: все же прозначки Петра должны внимательно следить за каждым моим шагом.

– Так, что там у нас сегодня? – задумчиво водил я пальцем по бумаге, ища нужный день. – Ага, вот, нашел: цифирь, фортификация, география. Что ж, не самый худший набор.

На первых занятиях с приставленными ко мне учителями меня посещали мысли о том, что я оказался в своем родном университете, с теми же напыщенными преподавателями, считающими себя пупами земли. М-да, было такое, проходили, и не раз. Что ж, пусть и дальше продолжают в том же духе, от меня не убудет. Хотя нет, почему это? Я же не плебей какой-нибудь, царевич как-никак. Еще, правда, следует научиться вести себя должным образом.

Что ж, подождем, посмотрим...

* * *

Середина апреля 1707 года от Р. Х.

Москва

Алексей Петрович – Иван Пестерев

Первые знакомства

Весна с каждым днем все рьяней вступает в свои права, отбирая землю, клочок за клочком, у лежащего повсеместно серого снега, с неохотой уступающего столь нужную ему территорию. Март пролетел, и уже середина апреля. Мое обучение постепенно свелось к тому, что я стал изучать только те предметы, в которых не имел хороших познаний.

К таким «черным» наукам отошли география государства Российского, военная наука и навигация, выбранная мной не в силу интереса, а чисто из корыстного побуждения. Царь-батюшка, грезящий флотом и морем, обязательно должен добавить мне пару баллов при про-

верке. Само же море меня не только не прельщало, но и отталкивало. Да, вот такой я сухопутный человек, привыкший топтать землю и ни в коем случае не плавать, хотя необходимость флота я понимаю как никто другой, все же дитя двадцать первого века.

В силу своего характера и жгучего желания поскорее разделаться с надоевшими мне делами, я разбавил свое время приятными для меня часами тренировок по фехтованию и изучения Москвы со всеми ее достопримечательностями, которых, правда, было не столь и много. Но был еще один момент, который меня радовал: наконец-то мне удалось познакомиться с теми людьми, которые, как я надеюсь, впоследствии смогут стать моими друзьями.

Я, конечно, реалист и всегда считаю, что личный интерес у человека должен быть на том уровне, который он сам себе желает. И вот если мнение окружающих совпадает с его собственным, то со всей смелостью можно сказать: это именно тот человек, который при нужном подходе будет держаться своего «хозяина», пускай и неявного, до конца жизни. Ведь что такое верность? Это нечто эфемерное, рождающееся со временем, когда один человек, узнав, поняв другого человека, с которым он находился определенный промежуток времени, заключает сам с собой пакт, разрушить который может только он сам. Суть же оногo пакта сводится к тому, что он обязуется быть с выбранным соратником до конца жизни.

Поэтому пустых иллюзий насчет того, что пара найденных знакомых, с удовольствием поддерживающих со мной беседу, делает это просто так, я не питаю. За все в этом мире надо платить, будь то товар или же чувство стоящей за тобой силы. Вот только нужно правильно назначить ту сумму, которая не больше действительной, иначе нужного эффекта как такого может и не быть.

Да, пара человек, заинтересовавших меня, – молодой помещик Александр Баскаков, не знаю как сумевший откосить от армии, и датский дворянин барон Артур Либерас, приехавший «на ловлю счастья и чинов», как писал Александр Сергеевич, но в итоге открывший токарную мастерскую. Быть может, они когда-нибудь смогут стать теми собеседниками, с которыми я могу говорить на любые темы, не видя непонимания и глупости в их глазах.

«Эх, как же мне не хватает моих товарищей...» – пришла в голову грустная мысль.

– Ваше высочество не отвлекайтесь, пожалуйста, – попросил меня барон Зильмунд, преподаватель по фортификационному делу, увидевший, что я гляжу в окно, пропуская мимо ушей его замечания. Его еще в прошлом году нанял мой наставник Никифор Вяземский, в силу желания моего номинального батюшки, государя российского Петра Романова.

К счастью, отвлечение на уроке, да и, что скрывать, откровенное пренебрежение науками у прежнего Алексея было делом обыденным, ведь он сам писал про себя: «Труда никакого понести не могу». Честно сказать, первый урок с бароном Зильмундом прошел абы как: слушать ломаную русскую речь мои уши отказывались напрочь, улавливая лишь десятую часть из сказанного. На втором занятии после первых десяти минут тархтенья я попросил учителя перейти на его родной язык, немецкий то есть, все же навыки владения оным у царевича были очень даже хорошими, так что больше проблем с пониманием материала не возникало.

Мое предложение немец встретил с небывалым воодушевлением, поняв, что ему больше не придется ломать свой и без того корявый язык. Все-таки русский язык слишком сложен и могуч для большинства иностранцев, в отличие от того же грубого гортанного наречия пруссов и прочих жителей немецких княжеств. Извините, но не могу без содрогания вспоминать времена, когда в России дворяне говорили на французском, порой толком не зная своего родного языка! Отщепенцы!

Так, стоп, успокоиться...

– ...Данная схема изображает оборонное сооружение – редут. Правда, его применение мало помогает слабым войскам, сильные же армии Европы предпочитают в большинстве своем открытый бой ровной фалангой, – вещал барон.

– А почему же именно слабые проигрывают? Может, просто командование у них плохое? – спросил я тогда у немца, рассказывающего мне азы инженерного дела с таким видом, будто делает мне одолжение. Мразь!

«Ничего-ничего, дай только чуток времени освоиться с этим раритетным знанием, да на отлично все это сдать Петру, а потом можешь катиться на все четыре стороны», – зло думал я.

– Потому что, ваше высочество, у слабых солдат все слабое, в том числе и командиры...

– А как вы считаете: наши войска слабые? – спросил я немца.

– Я такого не говорил, – замялся с ответом барон Зильмунд.

– Но подумали, – завершил я его фразу. – А знаете ли вы, барон, что через полвека русские воины будут стоять у границ Пруссии? И мало того, именно они будут тем весомым аргументом, который будет играть в Европе одну из главных ролей?

– Простите?

Глаза немца стали столь большими, словно человек на мгновение превратился в филина.

– Да это я так, мысли вслух. Дорогой барон, продолжайте, – спокойно ответил я ему.

«Вот так-то, теперь пусть следит за собой, фашик! Стоп, никаких Гитлеров и Ко еще нет, поэтому необходимо отбросить ненужную враждебность. Да, сказать-то легко... Блин. Вот так появляется предвзятое отношение, из-за которого потом начинаются войны на пустом месте».

– Так вот, редуты, – вновь вернулся к своему предмету барон, глядя на меня так странно, будто заново меня узнал. – Они также применяются...

К своему большому удивлению, азы фортификации, как, впрочем, и все остальное, что сумел мне дать немец, я усвоил за... пару дней. Да, с фортификацией в этом времени определено проблемы, хотя даже самые искусные полководцы об этом не догадываются. Что ж, не будем их расстраивать, пусть потом сюрпризом будет.

Человек двадцать первого века все эти знания получает еще с малых лет, только девяносто девять процентов людей не знают, а может, и не понимают, что им дают фильмы, передачи, книги, компьютерные игры в конце концов. И именно здесь, за одиночной партией, я понял, что все эти «аборигенские» знания мне известны чуть ли не наизусть. Поэтому можно догадаться, что цифирь я не учил вовсе. А зачем, когда здесь уровень знаний надобен только за пятый класс или за шестой – не суть, главное, что трудностей с этим у меня не возникло.

Другое дело – фехтование. Ну скажите мне, какой мужчина откажется от уроков владения холодным оружием? Мне таки удалось получить себе в учителя одного из офицеров Лефортовского полка – Оливера Браувера, настоящего доку в этом вопросе. Помучившись со мной в первый день занятий, Оливер лишь удрученно покачал головой и сказал, что начать мое обучение необходимо с самых азов. Но я был скорее рад такому повороту дел.

Так начались мои ежедневные тренировки по фехтованию – моя боль и моя радость...

– Ваше высочество, к вам просятся господа барон Либерас и Александр Баскаков, – негромко сказал мне Никифор, когда я после обеда сидел у себя в кабинете, в сотый раз просматривая карту России.

Ну и мала же она по сравнению с империей начала двадцатого века! Где раскинувшаяся от океана до океана страна, которой боялись и с которой считались все в мире?

– Я же просил тебя, Никифор, впускать их без проволочек, – не отрываясь ответил я камердинеру. – Пусть войдут. И принеси нам, пожалуйста, разбавленного вина и что-нибудь легкого перекусить.

– Как изволите, ваше высочество, я обязательно исправлюсь, – сказал Никифор, в который раз обещающий мне одно и то же.

– Нет, ты представляешь?! Да они совсем там с ума сошли!

Сильный голос двадцатилетнего парня разорвал тишину моего кабинета, словно лихой налет донских казаков на крымский городок.

– Почему же? – поинтересовался у входящего в комнату Александра тридцатилетний иностранец, с интересом смотрящий на своего молодого собеседника.

– А как еще назвать последний указ Ближней канцелярии? Как можно отдавать наши мануфактуры на откуп иностранцам?

Гнев помещика был столь велик, что он даже забыл приветствовать меня, а это случалось очень редко: все-таки, хотя образование на Руси стало обязательным совсем недавно, уважение к старшим, будь то прожитые годы или же право рождения, прививается с младенчества.

– Мне кажется, что это как раз и нормально. Ведь посуди сам: если дать иностранцам право выкупать производства, то Россия получит возможность развивать их, не используя свои собственные ресурсы, – ответил барон.

– Да? А как же пошлины? Ведь получается, что тогда и поступлений в казну будет во много раз меньше! – продолжил Александр.

– Это неизбежная цена за продвижение современных машин и развитие Руси в целом, дорогой друг, – улыбнулся датчанин.

– Слишком велика цена, барон! Да вы не хуже меня это знаете, – продолжал настаивать на своем Александр Баскаков.

– С этим я вынужден согласиться. Условия, на которых покупается все нынешнее производство, просто ужасные. Налогов будет минимум, а развития – почти никого. Не знаю, куда только смотрела ваша Ближняя канцелярия, когда его принимали, – согласился с помещиком Артур.

– Подробнее, пожалуйста, друзья, – попросил я их, сам не до конца понимая спор, точнее, толком его не зная.

Надо заметить, что оплошность с приветствием вошедшие гости исправили тут же, кивнув мне, и сели в стоящие у стены кресла – конечно, получив на это мое разрешение.

– Расскажи лучше ты, Артур, я не могу про такое говорить без содрогания, – уступил роль рассказчика барону молодой помещик.

– Мы были на площади, смотрели в Охотном ряду клинки, когда на трибуне появился глашатай со свитком, – начал рассказывать барон Либерас, миновав прелюдию. – Зачитал он не обычный указ, а «Указ о вольностях в торговле и ремеслах». В сем документе говорилось примерно следующее. Во-первых, теперь иностранцам разрешается заниматься на территории Руси не только торговлей как таковой, но и ремеслами.

– Так они и до этого, приезжая сюда, занимались тем, чего их душа требовала, – перебил я барона, не до конца поняв его.

– Они приезжали как наемные рабочие, теперь же могут основывать свои собственные фабрики, при этом нанимать рабочих или же покупать крепостных.

– Стоп! Как это они могут покупать крепостных?! – искренне удивился я, причем мое удивление потихоньку перерастало в негодование. – По закону, в России иностранцы не имеют права иметь крепостных как таковых, только слуг.

– Вот именно. И это еще не все. Теперь иностранцам разрешается открывать рыболовные, обувные, швейные и коннозаводческие фабрики и заводы. При этом им открыт доступ к образованию кумпанств совместно с русскими купцами и ремесленниками, что позволяет им влиять на производства, в прошлом недоступные для них, – продолжил барон, набивая трубку табаком.

Что делать, приходится мне мириться с такими вещами, вот только одно условие я все же поставил курильщикам: заниматься сим действием можно лишь возле открытого окна.

– Правда, надо заметить, что, покупая крестьян, они обязаны приписывать их к какому-нибудь заводу или мануфактуре. Так что можно сказать, что все правила соблюдены.

– Да они совсем с ума сошли?! Как только отец узнает, он этот указ сразу же разорвет! – распалился я не на шутку.

– Не порвет, Алексей, и ты прекрасно знаешь почему. Он сам дал власть в руки Ближней канцелярии, так что все, что она предлагает, принимается сразу же. Да и набирались в нее только те люди, которые преданы нашему государю-батюшке, – заметил Сашка, играя с небольшой указкой, лежащей возле полутораметрового планшета.

– Тогда разгонит их, – гнул я свою линию.

– Вот это более приемлемый вариант, правда, маловероятный. Ведь царь много времени проводит в разъездах, и управлять Москвой и прилегающими землями без канцелярии ему будет очень неудобно. Так что, скорее всего, он оставит все как есть, – не согласился Баскаков. – Единственное, что можно вытребовать у нее, это, пожалуй, расширить владения русских кумпанств и одиночных собственников. А вообще, если честно, то мне кажется, что канцелярия от самого царя получила приказ на оглашение данного указа: все-таки такие решения даже старейшие бояре не стали бы принимать самостоятельно.

– Все-таки ты, наверное, прав, – подумав, сказал я Александру. – Но как жаль, что они не видят дальше своего носа!

– Это точно! – согласился со мной Сашка. – Друзья, вы даже не представляете себе, что можно сделать и каких доходов добиться, имея всего-навсего одних только животных.

– Я слышу речи не столь дворянина, сколь купца? – улыбнулся я.

– Приходится, Алексей, куда уж деваться, если никто не хочет думать в этом направлении, – чуть смущенно ответил помещик.

– Ты же знаешь, что я очень даже ценю новые идеи, а уж если при этом можно еще и заработать, так это очень даже здорово.

– Ну, мало ли, вдруг за день, что мы не виделись, ты изменился, – улыбнулся молодой помещик. – Недавно, сидя в трактире вместе с князем Волконским, я услышал, как двое купцов из Харькова говорили о том, что царь обещает освобождение от налогов тем, кто первым наладит производство шерсти и баранины.

– Это получается, что завод не будет вовсе облагаться налогами? – с сомнением спросил барон Либерас, недоверчиво глядя на Баскакова.

– Нет, конечно, – покачал головой тот. – Царь обещал освобождение от налогов на десять лет тем, кто первым сможет предоставить стадо в десять тысяч голов, дающее не менее двухсот пудов шерсти. И это еще не все. Тот, кто сможет наладить суконное производство, сможет получить заказ от государя на изготовление сукна для пошива солдатских мундиров!

– Да, условия просто замечательные, ничего не скажешь. Вот только мне почему-то кажется, что раз уж обещано так много, то выполнить сие не так-то уж и просто? – не попался я на удочку.

Конечно, кое-какие блеклые воспоминания о грандиозных Петровских реформах в промышленности и сельском хозяйстве, а также о тех мерах, которые, если верить школьному учебнику, предпринимал Петр для их поднятия на должный уровень, жужжали где-то над ухом. Но все равно какое-то смутное соображение мешало просто так согласиться со столь аппетитной наживкой.

– Если это так перспективно, то почему же тогда за это дело не возьмутся те же самые купцы? – задал появившийся вопрос Артур.

– Просто для того, чтобы осуществить такое мероприятие, а тем более организовать эту фабрику, нужно много денег. Очень много, – печально сказал граф.

– И сколько же надо? – поинтересовался я.

– По самым скромным моим подсчетам, нужно около двадцати тысяч рублей, – удрученно сказал молодой помещик.

«Да и как не расстроиться, если эта сумма была равна чуть ли не одному проценту годового дохода России?» – с изумлением подумал я, успев за последнее время ознакомиться с

наиболее важными аспектами жизни Руси-матушки, в том числе и с ее законами, и, главное, ее тратами.

Прикинув в уме так и эдак, я решил, что, даже хорошенько затянув пояс, по-любому не смогу найти такую сумму.

– Что ж, это мероприятие, пожалуй, не по нам.

– А зачем нам сразу столько, друзья? – спросил нас барон, хитро улыбаясь. – Ведь, как я понял, нам пока хватит и небольшого стада...

– Отары, – поправил датчанина Александр.

– Что? – не понял тот.

– Говорю, не стадо, а отара. – Но, видя, что барон по-прежнему никак не поймет, разъяснил: – Скопление овец и баранов называется не стадом, а отарой.

– Ах, вот ты о чем! – улыбнулся барон. – Не это главное. Нужно, чтобы можно было понемногу прикупать животных, а для этого требуется место, причем даже я, не берясь за подсчеты, могу сказать, что места необходимо очень много.

– Да, отаре в десять тысяч голов... Это сколько же гектаров свободной земли потребуется? – спросил я сам себя, мысленно прикидывая возможную площадь.

– Много, очень много, – согласился Сашка, смотря на нас. – Но я учел все это, и покупать землю не потребуется, никаких дополнительных расходов не предвидится. В моем имении под Рязанью, где Мещера огибает Оку, этого самого места хватает! А уж про условия и говорить нечего, места волшебные. Для начала самое оно будет. Хотя потом, конечно, придется прикупить землицы, но ведь и прибыль с будущей отары обещает быть немаленьким. Расходы оправдаем легко, а там чистая прибыль пойдет.

– Тогда, похоже, можно и попробовать, – ответил барон спустя пять минут, видимо, хорошенько взвесив все возможности.

– Но как же быть? – спросил Александр Баскаков. – Денег-то все равно нет.

Первый запал затух, а проблема по-прежнему оставалась.

– О деньгах не волнуйся, часть я тебе дам, благо пока имеются в достатке, – сразу понял я сомнения помещика. – Вся прибыль с этого дела будет идти тебе, только, естественно, при нескольких условиях.

– Каких условиях? – тут же спросил Александр.

– Во-первых, большая часть денег без каких-либо проволочек пойдет на расширение хозяйства. Впрочем, ты так и хотел сделать, но подтвердить сие не помешает. Во-вторых, любой заказ государства нашего ты будешь выполнять за полцены от рыночной, все равно окупаться он будет в разы как минимум. Согласен?

– Конечно, согласен! Ваше высочество, огромное спасибо за помощь!

Еще немного, и молодой помещик мог бы, наверное, прослезиться, но вовремя взял себя в руки. Все-таки, зная его меньше месяца, я даю ему немаленькие деньги не то что без расписки – без возврата вообще. Казалось бы, действительно рискованный шаг, вот только я уже мысленно прикинул возможные расходы и ту прибыль, которая косвенно сможет поступать мне при нужном раскладе, и, восхищенно цокнув языком, решил, что игра стоит свеч. И еще как стоит! Впрочем, о деньгах я рановато задумался, нужно еще пройти аттестацию у Петра, иначе все пойдет прахом...

«Блин, ну и мысли у меня появляются! – немного грустно подумал я. – Ну не может власть так менять! Тем более оной у меня вовсе нет, разве что призрачный шанс может появиться...»

– Вот только я один не потяну это дело. Может, дорогой барон, ты мне поможешь? – с надеждой спросил Баскаков у барона Либераса.

– А что, пожалуй, и соглашусь. Но только при одном условии, – немного подумав, сказал Артур, хитро подмигнув мне. – Я вношу свою лепту в казенную часть, в равной доле с той, которую выделит тебе на хозяйство его высочество – так сказать, на всякий случай. Да и с

большими средствами дела пойдут быстрее. Все-таки мои доходы, благодаря царю-батюшке и моим мастерам, позволяют выделить полтысячи рублей, а может, и больше.

– Условия твои, дорогой барон, просто очень заманчивые. Такие, что даже и не верится, право слово! – удивленно хмыкнул Баскаков, улыбаясь. – Что ж, коли так, то тут и думать не о чем...

– Отлично! Тогда можно обмыть это дело за кружечкой-другой холодненького пива, – предложил я друзьям, встретившим мое предложение с небывалым энтузиазмом.

До сих пор все наши совместные посиделки были безалкогольными. Таково было мое желание и даже, можно сказать, условие, выставленное с самого начала. Я сделал так из осторожности и из желания посмотреть на их поведение вне застолья. Никто не мог гарантировать, что, например, эта пара приятных молодых людей, не является, как здесь говорится, «подсылами». От кого? Да от кого угодно. Алексашки, прежних недозаговорщиков – мало ли доброхотов... Друзья, кажущиеся хорошими по пьяной лавочке, у царевича уже были.

«А уж коли надо, то можно и поменять обстановку вместе с условиями. Царевич я или кто, в конце-то концов?» – улыбнулся я про себя.

– Вот только выбор трактира за вами, судари, – передал я инициативу более «зажиточным» москвичам.

– Я тут недавно побывал в одном прелестном заведении, оно тут всего через пару улочек расположено, можно в него заглянуть, – намекнул барон, с хитринкой глядя на нас.

– Решено. Артур сегодня за провоза того, – вынес я свой вердикт.

Но первый настоящий выход в ночную жизнь Москвы начала восемнадцатого века состоялся уже в надвигающихся сумерках. Мы не могли остаться равнодушными к стараниям моего повара, чьи кулинарные изыски наверняка превосходили любую трактирную стряпню, а утонченных ресторанов в Москве еще нет и долго не предвидится. Баскаков, конечно, попытался превратить тихие посиделки в настоящую пьянку, но не встретил искренней поддержки в этих своих планах ни от меня, ни от барона.

В питейном заведении, разомлев от духоты и нескольких кружек пива, Артур с Александром предстали передо мной во всей красе. И, честно сказать, приятно удивили меня, хотя сами они об этом и не узнали. Если Александр откровенно надирался в традиционной русской манере, то Артур был гораздо сдержаннее.

– Знаете, друзья, мне князь Болконский недавно рассказал, что он встречался с одной сударыней (естественно, он не назвал ее имени). Так вот она поведала ему о том, что скоро к царю нашему приедут посольства от Молдавии и Валахии, – немного заплетающимся языком сказал молодой помещик, заливая в себя новую порцию слабоалкогольного напитка.

– Эка новость. Об этом и так все знают, скоро сами османы узнают, – не удивился этой новости барон, нагоняя Александра в винопитии и попутно обгладывая жаренную заячью ножку.

– Знать-то знают, но вот о том, что наш государь все же собирается им помощь оказать, мало кто догадывается, – хитро подмигнул мне мелкопоместный дворянин.

– Отец ни за что на это не пойдет, – ответил я помещику, прекрасно помня, что Прутский поход был в одиннадцатом году, а не в седьмом.

Легкий дурман в голове завис на одном уровне и не поднимался выше, не получая должной подпитки. Все же напиваться не входило в мои планы, и тем более не входило в планы предстать в нелицеприятном свете перед глазами своих собеседников. Честно говоря, мои первоначальные опасения, что тело царевича окажется слабым на это дело, не оправдались, если не считать самого начала посиделок, когда организм чуть ли не требовал новой порции алкоголя.

«Главное – воля!» – так, кажется, говаривал подполковник Тимошкин, будучи сосудом, до краев наполненным этой самой эфемерной субстанцией, столь же необходимой военному человеку, как доблесть, смекалка и стойкость. Особенно стойкость. Всегда и везде. На поле

боя, за праздничным столом, да и в постели, что немаловажно. Это была одна из его любимых шуток. Вот эту самую волю мне и пришлось мобилизовать, чтобы лишь казаться выпившим.

– Я согласен с его высочеством. Шведы слишком сильны, чтобы оставлять их без внимания. Их ни в коем случае нельзя оставлять одних, иначе они могут таких дел натворить, что придется долго их исправлять, и не факт, что получится, – внезапно сказал датчанин.

– А как же Саксония и Дания? – заинтересовался я.

– Ваше высочество, неужели вы забыли, как при Фрауштадте Карл саксонцев разбил? Саксония до сих пор отойти не может да еще постоит шведской армии у себя оплачивает. Про своих же собратьев я вообще молчу, – ответил мне барон. – Так что кампания по освобождению славян если и будет, то только после того, как государь Петр Алексеевич разберется с Карлом.

– И как можно скорее, иначе наша экономика окончательно влезет в одно очень интересное и темное местечко... – добавил я про себя.

– Увы, но это так, – согласился барон. – Эта война подорвала все прекрасные начинания царя, и, если честно, я даже не знаю, сможет ли он вскоре преодолеть все те трудности, что появились.

«Это что же, я вслух все это сказал? Непорядок, надо за собой следить», – хмуро заметил я сам себе, опрокидывая в горло остатки пива.

– Время. Для этого нужно время, – тихо сказал Баскаков, как я понял, вполне сносно разбирающийся в состоянии тех дел, которые сейчас творятся на Руси в области экономики.

Все же имение заставляет глядеть чуть дальше своего носа, а если хочешь еще и быть обеспеченным, то и дальше своей руки!

– А почему именно время, друзья? – нарочито удивленно посмотрел я на сидящих в задумчивости товарищей. – Ведь можно же как-то помочь отцу? Необязательно же только ждать...

– Ваше высочество, мне кажется, разговор зашел немного не туда, – тихо сказал барон, оглядывая полумрак трактира, в котором уже давно были заняты все столики, а народу становилось только больше – того и гляди, на головы друг другу полезут.

– Пожалуй, ты прав, Артур, что-то я разошелся немного, – кивнул я ему. Все же место, действительно, не совсем подходящее.

Больше не возвращаясь к этой теме, мы продолжили сидеть в питейной, вот только дружеская атмосфера куда-то мгновенно испарилась. Быть может, оно и к лучшему, времени обдумать мои слова им все равно потребуется немало, так что при следующей встрече они определенно все взвесят и уже смогут дать мне ответ на мое предложение, пускай высказанное и не полностью, и под легким хмельком. Ну, это ничего, не дураки же они, право слово...

– Что ж, друзья, думаю, мне пора, – сказал я час спустя, чувствуя, что тело готово упасть в первое попавшееся блюдо. – Да и пиво, честно говоря, здесь паршивое. Сбитень много лучше будет.

– Не такое уж и плохое. Я еще чуток посижу, – сказал Баскаков, глядя пьяными глазами на молоденькую служанку, стреляющую в его сторону глазками.

– Да, мне, думаю, тоже пора, заодно и его высочество провожу до половины пути, – пробормотал барон, придерживаясь рукой за стол.

Через пару минут, кое-как встав со своих мест и добравшись до выхода, мы попытались залезть на наш строптивый четвероногий транспорт, что у нас в конечном итоге получилось. Правда, пришлось потратить немного больше времени на сие действие, нежели обычно.

Темные улочки Москвы, освещенные лунным светом, то еще зрелище. Здесь при «удаче» можно нарваться на большие неприятности, особенно если увидят, что путник одинок и беззащитен. Сквозь легкий хмель почему-то всплыли в памяти воспоминания одного из приближенных Петра, участвовавшего в начале века в чистке столицы от чересчур разошедшихся бандитских шаек, окончательно распоясавшихся от творимого ими произвола. Так вот, по его

словам, бороться с шайками приходилось специально отряженным солдатским командам. И вешали пойманных татей десятками, без всякого разбирательства.

– Ваше высочество, можно скажу начистоту? – неожиданно спросил барон, прервав обсуждение каких-то дворцовых сплетен. Из его голоса потихоньку начал исчезать пьяный угар, и понемногу стали различаться интонации.

– Да, конечно.

Остатки хмеля выветрились из головы, и теперь, если не считать легкой слабости, я вполне подходил на роль трезвенника.

– Раньше, еще буквально пару месяцев назад, я искренне недоумевал, почему у такого деятельного и умного правителя столь непохожий на родителя отпрыск. Хотя, вынужден признаться, такое частенько случается в европейских королевских домах, – начал датчанин, из голоса которого окончательно выветрились признаки хмельного состояния.

«Мне бы так! – завистливо вздохнул я мысленно, отмечая про себя все это. – Молодец, сумел правильно подгадать время для нужного разговора, который по трезвому состоянию потянул бы не менее чем на ссылку, точнее на высылку. Впрочем, послушаем, что там он мне скажет, авось что интересное услышим...»

– Но теперь я начал присматриваться к тебе и понял, что был, по-видимому, неправ, и в тебе та же кровь, что и твоим отце, и твои деяния будут сравнимы с его. Я хочу, чтобы ты знал: если ты действительно готов сделать то, о чем говорил, то один помощник у тебя есть. Скажу честно: теперь, после нашего близкого знакомства, я искренне уважаю тебя, – завершил фразу барон.

– Знаешь, Артур, я рад, что ты оказался человеком, который понимает больше, чем показывает. Я думаю, твоя преданность мне и России будет тем первым кирпичиком, на котором впоследствии будет стоять крепкий и прочный дворец, – ответил я ему.

– Но также я вынужден сказать тебе, Алексей, что страну на одних плечах не поднять, – заметил датчанин, видя, что его слова упали на благодатную почву. – Вот только вряд ли государь станет доверять нам с тем же пылом, что и Лефорту...

– Эх ты загнул, Артур, – усмехнулся я. – Ты что же, себя с Лефортом решил сравнить?

– А чем черт не шутит, ваше высочество? Может, и я на что сгожусь, – не спасовал барон, глядя куда-то в сторону.

– Что ж, если действительно желаешь помочь мне в этом нелегком деле, то я буду только рад, – искренне сказал я ему, окончательно вербуя своего первого сторонника в этом мире.

На это барон Либерас ничего не сказал, лишь кивнул головой, подтверждая свое решение, да перед самой развилкой заметил как бы между прочим:

– Не знаю, насколько ты хороший лицедей, царевич, но я твой без остатка.

И поехал к себе домой, в немецкую слободу.

– Непрост, – усмехнулся я, поворачивая коня в сторону дворца.

Проехав пару сотен метров, я заметил чуть в стороне от дороги, возле стены одинокого одноэтажного домика, шевеление каких-то теней. Стараясь не выдать своей осведомленности, я как бы невзначай положил левую руку на эфес шпаги, слабо отливающий золотом, видимым только с пары метров.

«Уф, кажется, пронесло», – с облегчением выдохнул я, проехав мимо замеченного мной дома.

Вот только закон подлости еще никто не отменял, и буквально через пару секунд дорогу впереди перегородили трое рослых детин с кавалерийскими пиками наизготовку. «И где вы их только достали?» – удивился я.

Тем временем сзади послышались тяжелые шаги двух человек. Бросив туда взгляд, я увидел, что там застыла пара таких же детин, у одного из которых в руках была допотопная, судя по рдеющему во тьме фитилю, пищаль.

– Сымай барахлишко, вашбродь! – нагло сказал мне один из троицы, стоящей в десяти метрах перед моим конем.

– Гоп-стопщики, мать вашу, – ругнулся я едва слышно, понимая, что вряд ли удастся уйти просто так, без боя. Полагаться на то, что меня отпустят, даже отдай я все ценное, наивно и глупо.

– Эй, ты глухой? – спросил все тот же хам.

– Со смердами смысла нет разговаривать, – ответил я ему, беря в правую руку притороченный к седлу пистоль.

– Экий неугомонный попался, – хмыкнул кто-то сзади меня.

Полубернувшись, я увидел, что «герой» с пищалью уже готов сделать выстрел, но ожидает четкого приказа от номера первого: видимо, говоривший и был главным в этой шайке. Не дожидаясь, пока стрелок получит свой приказ, я выхватил пистоль, притороченный к седлу, и, не целясь, выстрелил навскидку.

Как ни печально было осознавать этот факт, но тех навыков, которые я получил за прошедший месяц, едва хватило на то, чтобы задеть стрелка, хотя довольно-таки сильно. Свинцовая пуля вошла в плечо, наверняка размозжив ключицу, все же расстояние было слишком маленьким, чтобы кость могла уцелеть.

Натянув поводья, я постарался повернуть коня к оставшемуся в одиночестве противнику позади меня, но руки дрожали, и я слегка переборщил с натяжкой поводьев, в результате чего вместо поворота конь встал на дыбы. Говорить о том, что я смог бы удержаться на бьющем воздух четвероногом друге, и смысла нет. Короткий полет и удар о неровную мостовую столыцы выбил воздух из моих легких, но, как ни крути, рефлексy сработали правильно, тут же поднимая меня на ноги: времени на то, чтобы оклематься в полной мере, попросту нет!

К моему счастью, бандиты не ожидали столь необычного развития событий, видимо, до этого времени наталкиваясь все больше на торгашей и ремесленников, не могущих постоять за себя. Вот только уроков фехтования в течение всего одного месяца явно недостаточно для того, чтобы я мог противостоять четверке рослых детин. Разбойники бросились ко мне со столь радостными лицами, что я едва успел встать в защитную позицию: о перезарядке пистоля не могло быть и речи.

– Ну что, допрыгался, рябчик? – зло спросил меня главарь.

– А при чем здесь сия птица? – удивился я.

– А при том! – выдохнул он, неожиданно атакуя меня в шею.

Но уроки Оливера Браувера не прошли для меня даром, и казацкая сабля, неизвестно как оказавшаяся в руках разбойника, встретилаcь с моей шпагой, чуть не выбив искры, словно в каких-нибудь голливудских фильмах. Рука тут же онемела.

«Идиот! Ты еще пулю зубами поймать попробуй! – сдерживая стон, ругнулся я сам на себя. – Плохо, видимо, я учил уроки Оливера».

Не опечалившись первым промахом, главарь полез в новую атаку, только теперь уже при содействии своих братьев по ремеслу. Выдвинулся чуть в сторону копейщик, главарь встал напротив меня, с правого и левого боков меня начали обходить оставшиеся без дела разбойники, обнажив короткие, полуметровые клинки, столь удобные в толчее, но никак не на открытой местности.

– Хилое у вас оружие-то, судари, – насмешливо сказал я им, чувствуя, как по спине заструился ручеек предательского холодного пота, а коленки начали трястись.

«Ты кто такой?! А ну взял себя в руки!»

Но никакие воззвания к самому себе не помогали. Первый смертельный бой, на который я обрек себя, был не таким уж и романтическим, как обычно сие действие описывается в книжках. Почему-то по всему моему телу начали бегать мурашки, не давая успокоиться.

Однако через мгновение я почувствовал, как слабость уходит, оставляя лишь часто бьющееся сердце, готовое вырваться наружу через сдерживающие его ребра. Хлынул в кровь поток адреналина, и я, даже не до конца понимая, что же, собственно, делаю, бросился к самому слабому, на мой взгляд, противнику, пытающемуся обойти меня с левой стороны. Словно кто-то шепнул прямо в ухо: «Вперед!» – спуская с цепи зверя, сидевшего до этого момента внутри меня.

Не ожидавший от меня такой прыти бандит упал на мостовую с рассеченной головой.

– Действительно, прыткий, – сплюнул главарь, занимая позицию напротив открывшегося прохода и закрывая мне последнюю лазейку. – Ну как, отдашь Богу душу без сопротивления, вашбродь?

– Наглые разбойники пошли! – восхитился я, делая пробный выпад в сторону главаря.

Но реакция у того была не в пример лучше, нежели у его недавнего подчиненного, залившего своей кровью небольшой пяточок вокруг себя.

– Хватит трепаться. Бей его, ребята! – ни с того ни с сего заорал главарь, первым кинувшись ко мне.

Только сейчас я понял, насколько плохо мое фехтовальное искусство. Его едва хватало на то, чтобы отбиваться от сыплющихся с трех сторон ударов далеко не лучших фехтовальщиков России.

Больше не было никаких слов и угроз, лишь надсадное сопение уставших людей и вяло текущая по моей правой руке кровь – кавалерийская пика смогла-таки вынырнуть в неподходящий для меня момент и задеть предплечье, оставив несерьезную, но кровавую рану. Вот только кровь-то шла, и рука понемногу слабела и немела, заставляя меня все чаще и чаще сжимать кулак, из последних сил разгоняя кровь в венах.

– Что, плохо тебе? Надо было раньше соглашаться, тогда бы жизнь тебе оставили. А теперь извиняй, но не уйти тебе живым: много достойных людишек ты, вашбродь, загубил, – улыбнулся щербатым ртом главарь, опуская на пару секунд саблю.

В стороне около стены дома вяло ворочался раненый в начале боя разбойник, сжимая рукой потертый кафтан.

– Это вы-то достойные людишки? Да вас и дерьмом-то не назовешь – только как похвала звучать будет! – словно выплюнул я слова, сберегая сбившееся дыхание.

«С физкультурой у наследника явно были проблемы», – мелькнула на грани сознания мысль, отмечая вполне очевидную истину.

– Да мы тебя... – начал было подельник главаря.

Но тут же замолчал, падая на мостовую, прерванный одиноким выстрелом, разорвавшим наступившую на пару минут тишину.

– Держитесь, сударь, я иду! – крикнул кто-то неизвестный, скачущий ко мне на помощь.

Уже наметив меня в качестве своей жертвы, разбойники вдруг оказались той самой дичью, за которой охотились. От растерянности главарь ничего не успел скомандовать, за что и поплатился своей жизнью. Его голова покатилась по серым камням московской улицы, орошая мостовую на своем пути алыми каплями. Оставшийся в меньшинстве бандит, бросив пику, юркнул в отнорок возле стены дома, скрываясь от сабли всадника.

– Ушел, шельмец! Ну да черт с ним. Вы целы, сударь? – спросил меня пришедший на помощь всадник, оглядывающий пространство вокруг нас.

– Благодаря вашей помощи... сударь. Простите, но не знаю вашего имени, – ответил я ему, разрывая край кафтана.

– Да у вас, сударь, ранена рука! Давайте я вам помогу, – спрыгнув с коня, сказал неожиданный спаситель.

– Спасибо. Признаться честно, перебинтовывать самого себя крайне неудобно, – облегченно выдохнул я, давая незнакомцу возможность оказать первую помощь.

– Извините меня за мои манеры. Поручик гвардии Преображенского полка Кузьма Астафьев, – представился по всей форме мой незнакомец, разве что каблуками башмаков не щелкнул.

– Это что же, преображенцы возвращаются в Москву? – удивился я.

– Нет, я по ранению сюда прибыл, – улыбнувшись, ответил Кузьма, слегка морщась.

Приглядевшись, я заметил, что под дорожным плащом левая рука немного угловата, словно находится в лубке. Заметив мой взгляд, поручик откинул полу плаща и показал аккуратную повязку – наверняка делал мастер своего дела.

– Наш полковой лекарь Михеич постарался, – с некоторой гордостью сказал Кузьма, словно прочитал мои мысли.

– Простите, если лезу не в свои дела, но как же так получилось, что вы оказались ночью на улочках Москвы? – задал я пришедший в голову вопрос.

– Да вот из-за этого вот! – угрюмо сказал поручик, показывая перевязанную руку. – Разболелась не к месту, пришлось захватить в ближайшую деревеньку, махнуть пару чарочек.

– Все понятно. Раз так, то приглашаю вас к себе. Как говорится, мой дом – твой дом, – улыбнулся я, глядя на бравого вояку, которому от силы дашь лет двадцать, да и то с натяжкой. – И никакой отказ не принимается!

Видимо, поручик собирался отказаться – для проформы, так сказать: мол, мы такие гордые и все такое. Вот только мне почему-то кажется, что вряд ли у него в Москве есть жилье; скорее всего, приехал сюда на лечение с запиской от лекаря, в полковой штаб. Но раз уж я сразу поставил данный вопрос ребром, то и отказываться нет смысла.

«С норовом мблodeц-то», – удовлетворенно заметил я про себя, проникаясь каким-то уважением к Кузьме, не побоявшемуся с раненой рукой прийти на помощь незнакомцу.

Сев на своих коней, стоявших в паре десятков метров от места схватки, мы тронулись в путь, попутно разговаривая на нейтральные темы. До дворца было чуть меньше сотни метров, и деревянные домишки с резными ставнями и небольшими изгородями постепенно редели, открывая проплешины на улочках Москвы, а потом и вовсе исчезли.

Когда перед нашим взором оказалось только одно здание, поручик удивленно посмотрел на меня.

– Извините, сударь, но я, кажется, забыл поинтересоваться вашим именем, – как-то виновато сказал Кузьма.

– Все в порядке. Наследник престола Российского царевич Алексей, – улыбнулся я ему, глядя, как брови поручика медленно поднимаются вверх...

* * *

Конец апреля 1707 года от Р. Х.

Москва

Алексей Петрович

– За проверку не волнуйся, Артур, – в очередной раз сказал я сидящему напротив меня барону. – Лучше расскажите мне, друзья, как там идут дела с поиском нужного нам места?

– Вот так всегда, – вздохнул барон.

– Давай рассказывай, барон. Интересно же, – вставил свое слово поручик Преображенского полка, ставший моим постоянным гостем и хорошим собеседником, не лишенным ума. Именно из-за этого качества я не позволил ему покинуть мое жилище и теперь все чаще и чаще видел перед собой не пару доверенных лиц, а троих, с весельем смотрящих вокруг себя.

– Этот вопрос не ко мне, им Сашка занимался, – передал барон инициативу Александру, усаживаясь удобнее в кресло и взяв со стола небольшую кружку со сбитнем. Этот русский народный напиток с успехом заменил нам на наших небольших посиделках вино и пиво.

Впрочем, наши посиделки несколько раз разбавлялись и приглашенными «со стороны» знакомыми барона и помещика Баскакова, причем выбор падал на тех людей, которые были не склонны к подхалимажу. И, надо заметить, данный подход был правильным и, главное, именно таким, который требовался мне. Нельзя сказать, что все приходящие на наши питейные вечера были толковыми и нужными людьми, большая часть приходящих быстро выбраковывалась, но все же...

Нет, я не проводил никаких психологических тестов и прочей зауми – ни в коем случае! Я просто решал для себя, нравится мне этот человек или нет, после чего шла беседа на самые разнообразные темы, вплоть до ведения хозяйства, в ходе которых выяснялось, понимал ли оный собеседник, о чем говорит. После этих двух этапов следовал следующий, который, к моему сожалению, прошли всего трое, причем двое из них не до конца.

В чем же заключался этот последний этап проверки на годность для меня? Все очень просто: человек приглашался на беседу в кругу тех лиц, которые уже состояли при мне в качестве ближайших соратников и к мнению которых можно порой прислушаться.

Так уж получилось, что мое ранение вызвало несколько событий, окончательно расставив на свои места приоритеты моих будущих соратников.

Как только мы вместе с Кузьмой зашли во дворец и поднялись на второй этаж дожидаться лекаря, срочно вызванного Никифором, в двери дворца ввалился барон Либерас, требуя у слуг сказать, здесь ли его высочество. Но вместо ответа один из служек, молодой парнишка-конюх, проводил барона к нам.

Вот тогда-то я и увидел растерянные глаза датчанина, успокоившегося сразу же, как только он увидел меня в относительной целостности и безопасности.

– А я-то уж подумал... – расслабился он, опускаясь на одинокую тумбочку, стоящую чуть ли не на самом проходе.

– Беспокоился? – удивился я.

– О потерянных возможностях, – хмыкнул Артур, переведя дух. – Я, как услышал выстрелы, сразу бросился обратно, да, видать не успел чуток. Только трупы обнаружил и одного калеку, валяющегося в крови.

– Что прошло, то прошло. Знакомьтесь, господа: барон Артур Либерас и поручик гвардии Преображенского полка Кузьма Астафьев.

Познакомленные поклонились друг другу, показывая, что они познакомились.

– Прощу меня извинить, судари, но я вынужден вас оставить, Никифор проводит вас в ваши покои. И тебя Артур в том числе, – криво улыбнулся я, чувствуя, как немеет правая конечность.

– Конечно, – ответили они.

Я же встал и пошел к себе в спальню, глядя из окна на то, как пятеро гвардейцев из пары десятков постоянно находящихся при мне вылетают на улицу под предводительством своего командира – капитана Михаила Нарушкина.

Прошло уже больше недели с той поры, а воспоминания схватки порой продолжают будоражить кровь. Хорошо хоть уроки фехтования с Оливером не пришлось прерывать в связи с ранением, все же рабочая рука у меня левая, а не как у большинства.

Встрепенувшись, я сбросил оковы задумчивости и посмотрел на Сашку, несущего в руках небольшую кожаную сумку, до поры до времени одиноко лежащую на столе рядом с входом.

– Недавние разговоры на наших посиделках воплотились в жизнь, друзья! – счастливо сказал Александр, демонстрируя нашей компании закрытую сумку.

– Потрогайте ему лоб, – предложил сидящий рядом с бароном Николай Волков, сын купца, входящего в Золотую сотню (сто самых богатых купцов Руси, которые до прихода к власти Петра держали почти все сферы торговли, в том числе и внешней).

– Мысль здравая, – согласился я с данным предложением, с улыбкой глядя на молодого рязанского помещика.

– У вас что, такая же короткая память, как у придворных дам?! – нахмурился Сашка, но тут же улыбнулся, увидев, что мы всего лишь шутим.

– Давай, показывай скорей, что ты там принес, – сказал Кузьма, заинтересованно поглядывая на закрытую сумку.

Как-то в один из вечеров, когда мы сидели впятером, попивая пиво, зашла речь об элитных войсках стран Европы и Азии. Кто-то привел в пример янычар Османской империи, упоминая о том, как они воспитываются, чьими детьми являются, кем были, до того как стали этими самыми янычарами, и многое другое в этом же духе. Затем стали перебирать другие примеры. Но дальше разговоров дело не заходило. Не было еще четкой идеи, на которой стоило бы заострить внимание.

«Пожалуй, раз Петр соизволит лично устроить этот опрос своего единственного наследника и чада, то кое-что можно и выбить себе в пользование. Но об этом пока рано думать», – мысленно разложил я по полочкам свои стремления.

И вот тут оказывается, что не один я занят думами о том, чем бы заняться! Сейчас яркий пример одного человека с торжеством открывает свою суму, доставая исписанные листы превосходной бумаги.

– И? – удивленно посмотрел на сотоварища барон.

– Это именно то, что нам нужно!

– А что нам нужно? – тут же спросил Артур, улыбнувшись.

– Да вы, сударь, издеваетесь надо мной? – нахмурился помещик Баскаков.

– Ни в коем случае! – поднял руки вверх барон. – Продолжайте, прошу вас.

И вот, когда мы выпили уже изрядно, да еще к тому же напарились в превосходно пропаренной баньке с березовым веничком, начали дискутировать на различные мужские темы.

«Пора!» – решил я, наконец доставая из принесенного с собой тубуса свернутые листы бумаги.

– Нашел я тут кое-какие интересные заметки по устройству и жизни не только янычар, но и старых греческих военных поселений. Почитал и решил, что вам эти бумаги тоже могут показаться интересными, – на полном серьезе сказал я, раскладывая бумаги на столе.

– Если так, то можно и посмотреть, может, и вправду мысль какая дельная появится, – сказал Кузьма, беря в руки один из листков с надписью сверху «Спарта».

Артур и Николай взяли лежащие рядом бумаги по янычарам, Александр же задумчиво листал ветхие страницы, описывающие войска Александра Великого.

– Сколько нового порой можно узнать из давно забытого старого, – бегая глазами по буквам, сказал Николай, делая заметку у себя в дневнике.

– Что есть, то есть. Эллины многого достигли, в том числе и в военном искусстве, – соглашаюсь, чувствуя, как закрываются глаза. – Други, пожалуй, нам стоит прерваться до завтра, бумаги можете взять с собой для ознакомления.

– Так и сделаем, а то у меня уже мушки перед глазами мелькать начинают, – устало откликнулся Кузьма.

Наши посиделки не могли закончиться очень рано, но все же благодаря стойкости присутствующих нам удалось оказаться в своих обиталищах до полуночи.

Через пару дней после наших посиделок к нам в компанию попал друг Николая Волкова Михаил Лесной, которому едва исполнилось девятнадцать лет, один из младших сыновей боярина Первака Лесного. Не сказать, что из него идеи сыпались будто из рога изобилия, скорее наоборот. Вот только сами замечания, которые он с удовольствием вставлял по некоторым обсуждаемым нами вопросам, говорили о многом.

Что же до идей... Думаю, у нас найдется кому их предлагать. Да и его незамутненный преобразованием Петра разум в будущем поможет взглянуть на нашу деятельность через призму разных направлений к подходу в управлении государством. Ведь именно при Петре началась ломка наших исконно русских традиций...

Как бы то ни было, наша компания занималась тем, что корпела над неким аналогом еще не созданного Военного устава Петра Великого, правда, надо заметить, пока еще не получившего столь говорящее прозвище.

Для чего все мы это делали? Не знаю, да и мало мы тогда думали, что будет дальше. Просто хотелось создать что-то чистое и светлое, чтобы потом можно было сказать, гордо выпячивая грудь вперед: мол, вот поглядите, это мое!

На следующий день мы засиделись до полуночи. Спорили, ругались, кричали, доказывали друг другу, что точка зрения оппонента неверна и в корне неправильна. Перья противно чиркали по бумаге, выводя буквы совершенно новой «химеры». Баловство взрослых мужей понемногу переросло в нечто большее, готовое вылупиться при малейшей трещине «яйца». Правда, сама работа – кропотливая, скучная, но от того не менее важная, чем сама идея, – только началась, высасывая силы из меня и моих соратников, штат которых немного увеличился, включив в себя еще и Михаила, с жадным энтузиазмом взявшегося за новую, необычную работу.

В итоге на следующий день мы встретились сразу же после моих занятий. Из-за вчерашних споров у всех были осипшие и охрипшие голоса, но это отнюдь не остудило наш пыл.

– Друзья, а для чего мы все это делаем? – спросил всех Кузьма, отрываясь от написанных своей рукой строк устава.

Его усталые глаза переходили с одного друга на другого, высматривая что-то.

– Как для чего?! – изумился Александр. – Для того, ясное дело, чтобы помочь нашему государю-батюшке в его непосильных заботах!

– Ну да, это как раз и понятно. «Служи царю своему, как самому себе, будь предан ему, как родному отцу...», – прочитал строчки из устава Кузьма. – Но для чего все это? Разве у нашего государя нет своих помощников?

– Помощники-то есть, поручик, но вот служат они моему батюшке пусть и верно, но отнюдь не бескорыстно, порой так извращая его начинания, что и смотреть тошно, – сказал я Кузьме.

Про себя же подумал, что если все получится, как я хочу, то в случае нужды можно и гвардии кое-что противопоставить, а если уж вспомнить о техническом прогрессе...

«М-да, вспоминать действительно придется», – подумал я, вспоминая недельные трепыхания над чертежами казнозарядного штуцера и сами воспоминания о первых нормальных винтовках, которые начали производить только во второй половине девятнадцатого века.

– Да и тебе самому не хотелось бы быть немного больше, чем просто поручиком или даже капитаном гвардии? – спросил Кузьму барон, глядя тому в глаза.

– Если бы я этого не хотел, то не сидел бы здесь, – ответил поручик Астафьев.

– Тогда и нечего смущать нас тут! – весело сказал Сашка, посыпая песком черные строчки на бумаге.

– Да я и не смущал, кажется, – буркнул сын боярина Микулы.

– Тогда, раз уж устав написан, то надо его кому-то вручить. Тем, для кого он будет самой нужной книгой на протяжении жизни, – шевеля затекшими руками, сказал я.

– А что тут думать? Раз уж в уставе везде упомянуты витязи, то пускай и будет у нас... Корпус витязей, – предложил Николай, делая пометки в дневнике, постоянно носимом с собой.

– Нет, не совсем так. Раз уж мы хотим помогать русскому государю, то и название нашего детища должно не только говорить об этом – оно должно кричать, – не согласился я с предложением Николая.

– Пускай тогда будут Русские витязи, – предложил Кузьма.

– А вот это уже что-то. – Обкатав на языке словосочетание, я понял, что смысл и звучание вполне годятся для названия корпуса. – У кого-то еще есть предложения?

– Нет, это наиболее подходящее, – сказал Николай. – Вот только, принимая его, мы в случае успеха в будущем не сможем привлекать в корпус другие народы и национальности...

– Я об этом уже думал и пришел к выводу, что это неизбежно и даже необходимо. Те отроки, которые войдут в корпус, должны чувствовать свою избранность. Пускай сначала они не поймут этого, но со временем станут настоящим оплотом наших идей, причем не каменным, а живым, несущим наши мысли в себе, – подумав, сказал я, глядя подбородок рукой.

– Тогда необходимо записать в устав, отдельно от всего, условия набора в корпус, чтобы ни у кого впоследствии не возникло ненужных вопросов, – оторвавшись от завитушек на бумаге, задумчиво сказал Николай.

– А что, если так: «Русские отроки тринадцати-четырнадцати весен могут, с позволения родительского и собственного желания, поступить в сей корпус, воплощающий узы братства и русского единства, для служения Царю, Вере и Отечеству»? – предложил я свой вариант приписки.

– Хорошо, но не слишком ли напыщенно? – спросил Артур.

– Нет, это как раз самое оно, – ответил за меня Кузьма. – Любой отрок мечтает о том, что именно он будет богатырем, пускай большая часть их и понимает, что это вряд ли возможно. Но корпус как раз и станет для них той самой отдушиной, куда они смогут пойти для осуществления своих мечтаний.

Глаза поручика блестели, словно именно он должен сейчас сделать свой выбор и ему никак не больше четырнадцати весен.

«А ведь для Кузьмы-то это и не игра вовсе, пускай и взрослая...» – огорошило меня свалившееся откуда-то сверху откровение.

– Но отроки вырастают, и у них появляются взрослые мысли... – добавил ложку дегтя в нашу бочку меда Михаил, о чем-то напряженно думавший все это время. – И, честно сказать, потом они могут стать проблемой не хуже стрельцов...

– Ну ты сравнил. Скажешь тоже, стрельцы, – презрительно сказал Александр.

– Нет, Саша, Миша прав. – Я не разделял подхода моего друга помещика к данному делу, благо пример тысячелетий был перед глазами. – В любой, даже совершенной группе людей начинается увядание, как моральное, так и идейное, что приводит к бунтам и прочим ненужным государству потрясениям. А все из-за чего?

– Из-за плохой начальной мысли? – спросил Николай.

– Не только. Признаться, я об этом как-то не подумал. В основном же гниение замкнутых обществ начинается с того, что перестает вливаться свежая кровь, – сказал я, подходя к столу со снедью.

Все же ужина как такового у нас нет, поэтому приходится питаться вот такими вот налетами на гору продуктов, заботливо приготовленных в углу залы.

– Прямо как образование болот, – хмыкнул Кузьма. – Вода в озере перестает быть хоть сколько-нибудь проточной, и оно постепенно зарастает камышом, потом и вовсе кустарником, а там, глядишь, уже и непролазное зеленое месиво.

– Суть, в принципе, верная. Так вот, именно дабы наша вода всегда была чистой и проточной, необходимо в фундамент устава заложить те идеи, которые никто не смог бы поколебать! – наконец сказал я друзьям, напряженно думающим о новой поставленной задаче.

– Но разве это не то же самое, что говорится в нерушимых правилах Устава витязей? – наконец спросил барон Либерас.

– Эти аксиомы включают в себя лишь малую часть того, о чем я говорю. Вот, к примеру, первая из них: «Никогда витязь не предаст брата своего, будь то ласки прелестниц или пытки врага!» – с этим все понятно. Вторая: «Витязи служат только России, а ни в коем случае не самим себе!» – вот тут уже могут возникнуть кое-какие вопросы. И третье правило, самое спорное и нужное: «Витязь никогда не может быть забыт: где бы он ни находился, он остается им всегда!».

– Извратить можно все что угодно, лишь бы голова работала, – сказал Николай. – Но вот и дальше вводить какие-то ограничения в устав я не считаю нужным. Конечно, человек я не военный, но уверен точно: одни запреты ничего не сделают, нужно вводить негласные правила постепенно, как бы «одевая» будущий корпус, до тех пор пока наша задумка не воплотится в жизнь.

– Дельно, – согласились с Волковым друзья. И даже у меня, вечно ищущего подвох в ворохе новых предложений, не нашлось ни единого возражения.

– Что ж, тогда, пожалуй, можно приниматься за те дела, которые мы распределили между собой, – с улыбкой сказал я. – Но перед тем как разойтись, друзья, давайте хорошенько перекусим, а то ведь и ужин мы пропустили...

Мое предложение было встречено на ура, тем более что раз основное дело было дописано и сделано, то можно все это действие завершить одной давней русской традицией – обмывкой! Честно сказать, не ожидая такого поворота событий, я попросту свалился под стол через пару часов этой катавасии. Хорошо хоть спать меня уложили на одинокий диванчик, стоящий рядом со шкафом с книгами. Правда, он больше подходил для сидения, нежели для сна, но ведь дареному коню в зубы не смотрят!

Глава 3

Начало мая 1707 года от Р. Х.

Алексей Петрович

Жизнь или смерть. Реальность престолонаследия

В учебе и заботах пролетели последняя неделя апреля и пара майских деньков. Друзья занялись своими делами, попутно выискивая возможности для воплощения в реальность нашего умственного труда. Кто-то поехал к себе в поместье – изучать проблему на месте. Кто-то ищет нужную ему информацию на базаре. Увы, но ежедневные посиделки пришлось отменить, и за прошедший неполный десяток дней мы с соратниками собирались всего раза три, причем отдых от каждодневных забот каждый раз перерастал в обсуждение того, чего каждый из нас достиг в выбранной для себя области.

Правда, при всем нашем энтузиазме мы не можем решить одну-единственную проблему – возможность моего провала при проверке знаний Петром. С одной стороны, конечно, все зависит от меня самого, но вот так ли это на самом деле? Не знаю, мало ли что там царю-батюшке на ушко шепчут.

Как бы то ни было, но дни шли, не спрашивая соизволения остановиться, и опускать руки с моей стороны было бы по крайней мере глупо, поэтому я и отдавал все свободное время повторению изученного материала. Все же я решил не рисковать и не приступать к новому: мало ли что может случиться. Перепутаю – и все, пиши пропало, надежды летят в тартарары, а Уставом витязей можно смело подтереть одно место.

Увы, но никаких майских праздников, по старой привычке ожидаемых мной, здесь не было. Разве что церковные были, да я как-то не сподобился узнать, какие именно. Так что для меня бывшие-будущие майские праздники прошли в тишине и уюте, в компании с картами по географии и парочкой новеньких учебников по навигации. Правда, надо заметить, что порой тишину нарушали звон клинков и топот ног в тренировочном зале, специально оборудованном для фехтования.

Не знаю почему, но я никак не мог выбрать, что мне больше нравится из холодного оружия. Выбор колебался между плавным изгибом сабли и смертоносной прямою шпаги. Вот только воспоминания говорят мне о том, что вскоре шпаги вовсе, так сказать, сойдут на нет. Да и, честно говоря, штык на винтовке много лучше подойдет пехотинцу, нежели метровая металлическая полоска. Так что, думаю, в скором будущем от одного оружия придется отказаться, прежде всего из чисто практических соображений, и перейти на саблю, все же много удобнее она для всадника...

Зато я уже с гордостью могу сказать, что Оливеру, моему учителю, больше не удастся в течение пяти секунд выбивать из моей руки оружие. После почти двух месяцев занятий я, при хорошем раскладе, могу продержаться минуту, а то и больше. И при этом постоянно, как говорит учитель, расту в искусстве. Я же, признаться честно, за собой пока мало что замечаю, разве что упоение схваткой немного опьяняет, но это на самом деле не совсем хорошо, можно и дырку в бок получить в реальной-то схватке.

Фехтование – с утра, науки – до и после обеда, а вечером – «свободное время», проводимое мной за картами Руси и учебниками по баллистике и тактике, а также другой разнообразной литературой. Примерно такой распорядок дня я выбил для себя у моего второго «Я», ленивого и не желающего перетруждаться индивидуума. Пришлось пообещать самому себе, что, после того как я сдам экзамен, в течение недели не подойду ни к какой литературе, в том числе и к картам. Только после этого второе «Я» успокоилось.

Проходили часы, ускоряясь с каждым мгновением, словно паровоз, начавший свой путь. Неуклонно приближался обещанный Меншиковым приезд Петра с проверкой. Зная, что госу-

дарь очень скрупулезно относится к знаниям, причем в любой области, я старался повторить все то, в чем чувствовал хоть малейшую слабость, но увы, охватить какую-либо новую информацию уже не мог, понимая, что этим только поставлю под удар то, что уже знаю.

Надо, правда, заметить, что я попросту не смог бы охватить все это, если бы не школьные азы, давшие кому-то через силу, а кому-то и нет самые нужные и «вечные» знания на всю жизнь. Да, вспомнишь «школьные годы чудесные» – чуть ли не слеза наворачивается. Я раньше даже представить себе не мог, что соскучусь по этому дурдому, в котором был заперт в течение десяти лет. Однако нате вот, получите и распишитесь.

Правда, не сказать, что моя районная школа была такой уж плохой, нет, ни в коем случае. Знания там в пору моего ученичества вколачивали будь здоров, порой и указкой кое-кому перепадало, не без этого. Просто, оглядываясь назад, в свое прошлое, понимаешь, что, когда дети собираются в ватагу, с ними начинают происходить удивительные метаморфозы. Вот вы знаете, зачем юнцам охота узнать, как действует серная кислота на шерсть пойманной кошки? Или, к примеру, как высоко подскочит учитель, если сядет на гвоздик-десяточку? Вот и я о том же – психбольница отдыхает.

Однако знания все же остались и никуда не делись, помогая мне сейчас справляться с насущными проблемами, которые день ото дня только прибывают, а никак не уменьшаются.

«Я должен сразить его сразу же, чтобы у него самого появилась идея проверить меня на чем-то большем, нежели обычная зубрежка! Все-таки отец, создатель всего нового, должен по достоинству оценить желание наследника идти по его стопам», – твердил я сам себе каждый час, буквально заколачивая усвоенный материал в голову.

И вот в один из вечеров, когда дневное светило окончательно скрылось за горизонтом и вечер плавно начал переходить в ночь, я услышал, как во внутреннем дворе раздался грохот десятков подков, с мелодичным перезвоном выбивающих замысловатую дробь на мостовой.

Невзирая ни на что, я заставил себя сидеть за столом и прислушиваться к тем звукам, которые раздаются за дверью. С каждой секундой дрожь накачивала все сильнее, особенно это было заметно, если посмотреть на мои ладони – словно у студента первокурсника, пришедшего на свой первый экзамен в зимнюю сессию.

На столе рядом со мной лежит маленькая указка, приготовленная специально для того, чтобы показывать на карте, удобно расположившейся на изготовленном московскими мастерами планшете. Да и, честно сказать, сам планшет должен заинтересовать Петра, все же плотник он изрядный...

– Как науки постигает? – раздался в коридоре бас до боли знакомого человека, заставивший отголоски памяти встрепенуться.

В голове ударил молот, на мгновение меня дезориентируя. И тут же, не давая передышки, перед глазами на долю секунды вспыхивает солнце. Непроизвольно закрываю их, чувствуя, как проваливаюсь куда-то вниз.

Пустая комната, в ней горит одинокая свеча. Дверь открывается, и заходит пара человек, один из которых – я сам, второй же – Петр, мой государь и батюшка в одном лице. Он берет меня за локоть и ставит на колени, кладя мои локти на стоящую передо мной лавку. Сам же уходит в угол и берет стоящую в углу плешку с замоченными в студеной воде розгами.

– Ты будущий царь, сын! – ярится Петр, выхватывая первую розгу. – Так что же ты, собака, не учишься?! Ты же все мои начинания загадишь!

– Но, батюшка, я не мог... – попытался возразить я, отчего царь еще больше взъярился.

– Не мог? Да ты, видимо, за дурака меня держишь?! Уже целый год прошел, а ты не только цифирь толком не знаешь, так еще и с дружками своими непотребствами занимаешься! И делать, кроме этого, ничего не желаешь!

– А сам-то...

– *Что?! – Хлесткий удар по лицу, я падаю на пол, с разбитой губы по подбородку медленно стекает алая капля. – Молчать! Если и в следующий раз так будет, то прикажу тебе отречение от престола подписать!*

Сказав это, Петр забрасывает платку с розгами в угол и уходит из комнаты, оставляя меня наедине с самим собой. Я лежу на полу, слезы горечи и обиды застилают глаза, в голове дурман, все это смешивается с болью и унижением: «Меня, царевича – и бить?!» Пытаюсь подняться на колени, но нет, не получается, только лишь губы-олады еле-еле шевелятся, посылая тихим голосом проклятия в спину ушедшему самодержцу...

Вынырнул я до неожиданности быстро: вот еще вижу спину Петра из воспоминаний, а уже через мгновение перед моим взором только входная дверь.

«Так-с, понятно, почему Петр так относился к своему нелюбимому сыну, все-таки *так* учиться, как он, просто нельзя», – успел подумать я, мимоходом «вспоминая» грандиозные попойки Алексея с друзьями. Об учебе он знал лишь то, что она нужна его отцу, но никак не ему самому.

За дверью послышался знакомый голос Никифора Вяземского:

– Ваше величество, его высочество справляется замечательно, зело примерен стал, постоянно с книжками сидит, все учит и учит...

Нотки гордости за своего воспитанника слышал даже я, сидящий вдалеке от разговора.

– Да ты никак насмеяться надо мной вздумал, Никифор?! – изумился Петр.

– Как можно, ваше величество? Я никогда бы не сподобился обмануть вас, – смиренно ответил Вяземский.

– Что ж, ежели солгал мне, то спрошу по всей строгости и отправлю в Азов – стены от татарвы защищать! Мне лжецы никоим образом не нужны, – напоследок сказал царь, толкая дверь в мой кабинет.

Увидев Петра, я тут же встал и поклонился ему, припоминая слова приветствия.

– Доброго здравия тебе, батюшка, – сказал я царю в поклоне.

Петр недоверчиво посмотрел на меня, словно я замыслил какую-нибудь гадость.

– И тебе, сын, здравия побольше, а то расхворался ты сильно что-то, – сказал с прищуром государь.

Окинув взглядом комнату, Петр недоверчиво хмыкнул и, сев в кресло напротив стола, тут же начал набивать трубку табаком.

– Сашка говорил тебе, что я приеду знания твои проверять? – спросил меня царь, прикуривая от стоящей на столе свечи.

– Говорил. Месяца два тому назад.

– Хорошо, коли так. Что ж, сын, можно и начать спрашивать тебя? Али ты опять учудить чего готов? – с усмешкой спросил Петр.

– Смею надеяться, что не разочарую тебя, батюшка, – через силу улыбнулся я. Мне пришлось задавить в себе зарождающийся страх перед царем, пришедший от остатков сознания прежнего Алексея во мне.

Внимательно посмотрев на меня, Петр бросил задумчивый взгляд на карту, висящую на планшете, после чего взял лежащую на столе небольшую указку.

– Чудно, – хмыкнул государь. – А это что за доска висит? – ткнув указкой на планшет, спросил Петр, с интересом разглядывая его.

– Эта доска названа планшетом, и нужна она для удобства рассмотрения карт и чертежей, батюшка, – ответил я ему, вставая с места. – Вот, к примеру, здесь есть специальные держатели, два сверху и два снизу, а также по три держателя с боков, все они могут ездить по планшету, чтобы в случае нужды держать меньшую карту или чертеж, чем тот, для которого он предназначен.

– Эх каково! И откуда же сие у тебя появилось, сын? – удивленно посмотрел на меня царь, подошел к планшету и начал горизонтально водить один из держателей.

– Сделали его московские мастера, батюшка.

– А задумка чья?

– Моя, – спокойно отвечаю.

– Удивительно и зело странно, но пока это оставим, – чуть нахмурившись, бросил Петр в пустоту.

Я же тем временем откинул висящую карту Азовского побережья обратно, открывая вид побережья для любого желающего.

– Вижу, интерес у тебя появился к делам нашим. Похвально, но, помимо него, надо и понимать, что да как. Вот, к примеру, видишь вот этот мыс? – ткнул он на северное побережье Азовского моря, много западнее самого Азова. – Почему, ты думаешь, там до сих пор нет нашей крепости?

– Как это почему? – удивился я вопросу. – Ее строительство обойдется России явно не в один грош, да и татары не позволят ее построить, набегу они устраивают с завидной регулярностью.

– Хм, действительно, есть такое, – согласился Петр, дергая мочку левого уха. – Но на самом деле там другая причина. Впрочем, о ней, возможно, мы поговорим с тобой много позднее, если за ум возьмешься...

«Прохладные отношения у Петра с сынишкой-то были, даже жалко парня. И ведь не скажешь, что глупый был, ни в коем случае. Просто отец – тиран, вот и весь сказ...» – грустно подумал я, повернув голову к карте.

– Видно, ума у тебя прибыло, сын, может, одумался, наконец. И это хорошо. Но кое-что все же мне интересно. Помнишь, что я тебе обещал в последний раз? – спросил Петр, раскуривая потухшую трубку.

– Конечно, батюшка.

– Тогда вот тебе задачка. В двух капральствах по двадцать пять солдат, а в третьем – тридцать пять. После боя в каждом капральстве убыла ровно пятая часть. Так сколько солдат осталось в трех капральствах? Ответствуй, – хитро прищурившись, приказал Петр, поглаживая себя по коленке.

«Детсад, етить его налево! – хмыкнул я. – Однако и чересчур умным быть не стоит: пусть государь видит, что я и рассуждать могу, да к тому же здраво!»

– Раз в двух капральствах число людей одинаковое, то мы их сложим вместе, для удобства счета, и получим ровно полсотни. А так как убыла пятая часть, то эту полусотню поделим на пять, получим число убывших, то есть десять. Но также есть и третье капральство, где число солдат тридцать пять... Делим его на пять и получаем... семь. Итого сорок плюс двадцать восемь – ровно шесть десятков и восемь, или шестьдесят восемь, ежели кратко молвить, – сделав вид, что напряженно думаю, поведал я «сокровенное» Петру.

– Здравомыслишь, еще и словечко новое – ишь ты, кратко! Молодец! – крикнул государь, выпуская изо рта облако дыма. – Но это не все еще. Скажи мне, сын, что ты можешь мне о мудрецах греческих сказать? Чем занимались они, пользу нам принося?

– Увы, батюшка, но имен я знаю мало, только Пифагора да Аристотеля. Но также было много других мудрых мужей, кои основали такие науки, как риторика (краснословие по-нашему), механика (искусство разные машины создавать), геометрия (наука измерений). Многие механизмы Аристотеля приносили пользу самим грекам еще в дни жизни одного мужа, как в мирное время, так и время военное, к примеру...

– Хватит, вижу, что готовился, сын, – с некой гордостью сказал Петр, обрывая меня на полуслове. – Теорию ты вроде знаешь, а как ты это на практике применить сможешь?

– О чем это вы, батюшка?

– Знания тебе для чего нужны? – с прищуром глядя на меня, спросил Петр.

«Хм, а действительно, зачем? И ведь ответить надо быстро, иначе нехорошо получится. Что можно ему такого сказать, чтобы интерес проявить? А что, может, и получится! Точно, это и скажу».

Прикинув в уме, что такое «сокровенное» можно поведать Петру, я мысленно улыбнулся.

– Возьмем, к примеру, орудийные снаряды.

– А что в них такого, чтоб на них глядеть? Граната, ядро и картечь, вот и все, – хмыкнул Петр.

– Так-то оно так, но вот взять гранату и поставить ее рядом с ядром – для сравнения. Ведь ядро и летит дальше, и бьет точнее, хотя и не так хорошо, как граната. Разве не так, батюшка?

– Так.

– Да и осколки ее разлетаются на маленькой площади, из-за небольшого количества пороха внутри ядра. Но с помощью математики и баллистики можно сделать такой снаряд, который будет лететь дальше и точнее и иметь большую начинку пороха, чем ранее, – с улыбкой сказал я.

– Не верится что-то мне в это.

– Дело в том, батюшка, что надо сделать не ядро, а продолговатый снаряд, в котором все и разместить...

– Делали такой уже, ничего хорошего не получилось, – тут же потеряв интерес, расслабился Петр.

– И все же я настаиваю на том, что такой снаряд много лучше, его надо было только довести до ума, – гнул я свою линию.

– Нет, не верю. Разве что сам увижу оный снаряд, вот тогда и поговорим об этом...

Главное – не дать собеседнику заскучать и совсем «закостенеть», необходимо постоянно подогревать его любопытство, а уж с Петром сие вдвойне необходимо.

– А еще можно для удобства сделать мешочки под порох с единичным зарядом, дабы не тратить время на измерение нужного количества...

– А ведь точно! Так много удобнее, и скорострельность повысится! – согласился царь, возбужденно встав со своего места.

– Именно так, батюшка. Но это не все. Я хотел бы спросить тебя: на каком расстоянии картечь может поразить врага?

– Не больше сотни саженей, сын. Мало, конечно. Бывает, только по одному выстрелу пушки дать успевают, ежели на них кавалерия наскочит, – немного грустно ответил государь. – Зато сразу целые капральства из строя выбывают!

– А что, если я предложу тебе, отец, способ поражать врага картечью не на сто саженей, а на триста? – слегка прищурив глаза, спросил я Петра.

– Зело благодарен буду тебе, сын!

– Только для этого мне надо еще пару проб сделать и кое-что рассчитать, батюшка, – добавил я тут же. – Не успел к твоему приезду все, что хотел сделать...

– Ничего, главное, что за ум взялся...

Следующая пара часов ушла на то, чтобы обсудить устройство снаряда с картечью, а также затронули и артиллерию как таковую, разбирая по полочкам насущные вопросы и проблемы.

Наконец очередь дошла до действительно важного прожекта...

– ...Такого быть не может! – возмутился царь.

– Может, батюшка, – продолжал я настаивать на своем.

– То, что про новую пороховую смесь вызнал, хвалю и одобряю! Должен признать: про нарезные пушки – это тоже необычно! Столь необычно, что я прикажу изготовить парочку таких и проверить твои слова, сын. Но вот в то, что ты говоришь, не верю!

– А почему не веришь, отец?

– Да потому что быть такого не может, чтобы фузилер делал *пять* выстрелов в минуту! Он даже двух выстрелов сделать не сможет! – заявил царь, ударяя кулаком по столу.

Прежний я вздрогнул бы и согнулся, теперь же встретил возмущение отца легкой, но почтительной улыбкой.

«Жаль, с артиллерией я немного лопухнулся. Увы, но все запомнить нереально, хотя хотелось бы, – подумал я про себя. – Ну кто же знал, что еще в начале века Петр все орудия если не привел к единым стандартам, то сделал большой шаг к этому? Вот и я не знал. Но ничего, про винтовку-то он точно не знает».

– И чего ты улыбишься? – грубо оборвал мои мысли государь.

– Просто случай вспомнил забавный... Что же насчет выстрелов, то я говорю, что может фузилер делать их, а при хорошей подготовке и все девять сможет. – И я серьезно посмотрел на Петра, в возбуждении ходящего по комнате.

– Я бы знал про такой способ, если бы он существовал. Нет такой фузеи, чтобы делать из нее больше выстрела в минуту, – заключил Петр.

– Что ж, батюшка, тогда я рад, что смогу показать тебе кое-что интересное, но только чуть позже. Сейчас я хотел бы узнать у тебя: нужно ли России грозное оружие? Столь сильное и мощное, что армия, обладающая его секретом, сможет побеждать всегда и везде, если только это будет зависеть от нее самой, конечно? – спросил я государя.

– Говори! – свистящим голосом сказал Петр, облакачиваясь о стол и чуть ли не утыкаясь лицом в мое лицо.

– Читая один алхимический трактат...

– А ты свою душу не боишься загубить, читая такие книжки? – хмыкнул царь, перебивая меня и чуть отстраняясь назад.

– Нет ничего такого в том, что я читаю их, отец. В Господа Бога нашего я верую столь же истово, как и ранее, – ответил я царю, перекрестясь.

– Верю, продолжай.

– В этом трактате я обнаружил одну смесь, опасную тем, что она взрывается сильно при малейшем на нее давлении... – многозначительно закончил я.

– И что? Пороха тебе не хватает? – потеряв интерес, спросил Петр.

– А ты представь, батюшка, что у пушки не будет стоящих рядом с ней бочек пороха, не будет долгой перезарядки орудий, все сведется к тому, что орудийный расчет будет только вставлять снаряд и делать выстрел, – заманивал я перспективами государя.

– Как ты назвал обслугу?

– Что? Ах да, орудийный расчет, – повторил я.

«Тормоз, блин! Совсем голову потерял! Ты еще про самолеты с минометами заговорил бы!» – ругал я сам себя.

– Занятно, а главное, точно как – расчет. Ну да ладно, не это ведь главное. Все, что ты говоришь, только прожекты и фантазии, сделать все это нет никакой возможности, – тяжело вздохнул царь, о чем-то задумавшись.

– А если смогу?

– Да как ты сможешь-то? – на автомате спросил Петр и тут же опомнился. – Как?!

Глаза самодержца горели мрачным огнем, готовые выплеснуть сотни молний разом, только бы получить свое.

– С помощью той смеси, про которую я только что сказал. Но есть одна проблема, – с сожалением сказал я царю.

– Какая такая проблема? – нахмурился он.

– Производство сей смеси сложно и опасно для жизни людей: она же взрывается чуть ли не от малейшего ветерка.

– На Руси людишек много, – мрачно сказал государь. – А насчет опасности... Каждый год на пороховых заводах люди гибнут. И не один-два, а сотни.

– Если наладить производство сей смеси, то мы получим удивительный по силе состав, который и потребуется для новых видов оружия, – закончил я.

– Какие еще новые виды? Не заговариваешься ли, сын?

– Нет, отец, я долго об этом думал и кое-что даже начертил, сделал наброски, которые, правда, еще надо долго приводить в порядок и только потом по ним создавать само оружие...

Минуты сливались в один мутный поток, в который зашли мы вместе с государем, забыв о том, что еще совсем недавно наши отношения были более чем прохладными. Усталые глаза с небывалым интересом смотрят на разложенные бумаги, на которых вырисовывается едва видимый в ночи чертеж с маленькими пометками на полях страниц.

– Что это? – наконец спросил Петр, обращая на меня свой взор после чуть ли не десяти-минутного разглядывания чертежей.

– Казнозарядная фузея, отец, – ответил я, прекрасно понимая, что эти эскизы всего лишь подобие настоящего механизма, устройство которого я описал, надеюсь, достаточно подробно, вот только пропорции и сами детали необходимо еще дорабатывать. – Конечно, ее необходимо довести до ума и испытать...

– А при чем здесь та смесь? И выстрелы?

Даже изучив новое оружие, государь все равно не понимал предназначения фузеи.

– Дело в том, батюшка, что вот эта игла, – указал я на внутреннее устройство затвора и спускового механизма, – резко выдвигаясь вперед при помощи пружины, которая, в свою очередь, сдерживается курком, должна будет пробить ту смесь, которая и воспламенит порох внутри фузеи, без участия кремниевого замка.

– Ну допустим, что так и будет. Вот только все равно потребуется много времени, чтобы ссыпать отмеренный порох в эту нишу... – допытывал меня государь.

– Вот тут-то и начинается самое интересное, батюшка. Не потребуется ничего насыпать в нишу.

– Как так? – удивился Петр. – А как же ты пулей из ствола выстрелишь? Щелчком?

– Нет, – не поддержал я шутки царя. – Каждый заряд будет отмерен и помещен в специальное хранилище. Я назвал его патрон, вот он-то и позволит делать не менее пяти выстрелов в минуту. Только, отец, я не хотел бы пока открывать все секреты, пусть это будет сюрпризом. Хорошо, батюшка?

– Знаешь, сын, с каким настроением я ехал сюда? – подумав немного, тихо спросил меня царь, глядя на меня совершенно другим взглядом, нежели тот, который был в начале проверки.

– Нет, отец.

– Я не ожидал от тебя ничего хорошего и дельного, и даже заверения некоторых людей о том, что ты наконец взялся за ум, не разубедили меня. Но сейчас, поговорив с тобой, я увидел другого человека, – так же тихо сказал Петр. – Ты не был таким...

– Я знаю, батюшка, – как можно спокойнее сказал я. – Но, побывав на краю смерти, я стал о многом думать иначе.

– Но ведь ты всегда был шибко верующим, и этого никак нельзя не помнить, – хмуро бросил Петр, намекая на протопопа Якова, который так ярко настраивал Алексея против родного отца и его реформ.

– Явление было мне, отец, – тихо сказал я. – Я умирал... или думал, что умираю, и в страдании пришло мне понимание моей прошлой жизни и моего истинного предназначения.

– Странные речи ведешь, сын, – довольно буднично сказал Петр, успокаиваясь. – А я уж было думал: что с тобой такое случилось, что ты за голову так внезапно взялся? Тогда у меня к тебе главный вопрос.

– Конечно, батюшка.

– Как ты думаешь, чего я всего больше жду от тебя?

Говоря это, Петр отвернулся, обводя глазами комнату.

– Чтобы я не был камнем, который давит на твою душу, отец.

Вымолвив эти слова, я заметил, как резко спал с лица Петр, вдруг опустивший плечи и немного наклонивший голову. Словно мои слова сняли с его плеч и души тяжесть, которая доселе упорно не давала ему покоя.

– И как ты это себе теперь видишь?

– Помогать тебе во всех начинаниях твоих, во всю меру моих способностей.

– Похвально, – крикнул государь, не ожидавший такого ответа.

«Видимо, я действительно выбил Петра из колеи, раз он отказался от роли сурового начальника и отца в одном лице, приехавшего распекать нерадивого сына», – осенило меня.

– А что, пожалуй, действительно, пора тебя к делам государевым приобщать, – хлопнув по столу, что заставило меня вздрогнуть от неожиданности, сказал царь после пяти минут раздумья.

– Это как же, батюшка? – спросил я его.

– А так. Намедни мне жалобы на воеводу рязанского поступили, да и доходец с тех земель невелик, так что отправлю тебя туда воеводой. Но так как ты наследник, то поедешь моим наместником, с правами такими же, как и у меня. Но при одном условии, – строго сказал Петр, словно до последнего ожидал неповиновения.

– Каким?

– Даю тебе год. Делай что хочешь, правь, как хочешь, но по истечении сего срока я должен увидеть хотя бы один образчик этой фузеи, причем работающий, другие не приму! – сказал Петр, поднимая на ладони эскиз фузеи.

– Конечно, батюшка, – склонил я голову в послушании. – Но как же так, батюшка? Ведь для ее создания потребуются большие деньги...

– Не беспокойся, все доходы с земель Рязанских к тебе будут поступать, на год я освобождаю их от любых налогов и доходов в пользу казны. Создавай свою фузею, сын, – махнув рукой, ответил царь. – Если же понадобятся сверх меры деньги, то разрешаю тебе изыскивать их самому, где хочешь и как хочешь. Лишних у меня нет, да и выделить их я все равно не смог бы: Карл не желает мириться, да и нам оно ни к чему, поэтому все идет на войну. А теперь мне пора, завтра же в Воронеж в доки поеду, надо свои корабли посмотреть... И еще, отправляйся в Рязань как можно скорее, все бумаги о подвластных тебе землях я пришлю завтра.

Посмотрев на царя, я увидел, что в карих очах самодержца загорелись новые огоньки надежды, тут же сметенные непостоянством характера Петра, которому и ночь не была помехой для его новых свершений.

Уже уходя, государь развернулся и сказал как бы в пустоту:

– Я рад, что возле тебя больше нет той падали, что ютилась при тебе раньше.

После ухода государя я сидел в пустом кабинете и чувствовал, что в душе появилось непонятное чувство смятения. Оказывается, мне действительно понравилось общаться с государем: пускай он немного грубоват и непреклонен, но его тяга ко всему новому поражала.

Я не заметил, как ночь сменилась предутренними сумерками, с каждой секундой становящимися все светлее и чище.

– Никифор! – позвал я камердинера.

– Да, ваше высочество, – тут же появился он из-за двери.

– Прикажи подать завтрак, – устало говорю камердинеру, поглаживая глаза.

– Как вам будет угодно, – поклонился камердинер, мягко закрывая дверь за собой...

«Кажется, все...»

Через полчаса я блаженно лежал на кровати, сожалея о том, что сегодня вряд ли удастся отдохнуть. Уже на перине в голову начали лезть совершенно дикие мысли – к примеру, не стоит

ли заняться делами, собираться в дорогу и многое другое. Однако идеи не успели превратиться в действия по той причине, что чуть ли не через час после восхода светила ко мне во дворец пришли друзья.

Они смотрели с таким любопытством, что мне даже смешно стало. Словно дети, право слово!

– И как? – наконец не выдержал Кузьма, теребя в руках перчатку.

– Все замечательно! – Губы сами по себе превратились в улыбку.

– И все? – обиженно надулся Сашка. – А рассказать?

– Да и рассказывать, в принципе, нечего, – сказал я, усаживаясь на диван в приемном зале, куда мы все вместе перебрались сразу же, как только мои соратники появились во дворце. – Если говорить вкратце, то царь-батюшка остался мной доволен.

– ?

– Не смотрите на меня так, – полушутя сказал я рассевающимся полукругом друзьям. – Хорошо, есть еще один приятный момент... или неприятный – я сам еще толком не определился с этим...

– Из тебя слово и клещами не вытянешь! – хмуро сказал Николай.

– Отец отправляет меня в Рязань, быть ее наместником в течение двух лет или больше. После этого срока отец обещал еще раз переговорить со мной на пару интересных тем.

Бесенята буквально выпрыгивали из моих глаз, норовя забраться в ошеломленные, широко распахнутые очи пятерых товарищей.

– Это что же, у тебя получилось?!

– Да, Миша. Поэтому я прошу сегодня ни о чем не думать, а только отдыхать и праздновать пускай маленькую, но победу! Правда, наш царь-батюшка приказал как можно скорей отправляться в Рязань, так что, думаю, уже дня через три придется уезжать отсюда... Эх, а жаль, – с некоторым сожалением вздохнул я, но тут же сбросил с себя появившуюся тоску.

– А нам с тобой ехать? – как-то по-детски спросил Кузьма.

– Я никого неволивать не буду, друзья, но, честно сказать, мне очень хотелось бы видеть вас рядом с собой, – с теплой улыбкой ответил я на вопрос поручика. – Что же до тебя, Кузя, то мне кажется, можно перевести тебя ко мне в подчинение, тем более и ранение у тебя есть, так что, думаю, проблем не должно возникнуть.

– Ну, коли так... – тут же повеселел поручик. – То тогда отдыхаем!

Веселый крик пронесся по залу, проникая в каждый уголок, тут же растворяясь в новом восторженном и неукротимом всплеске радости нашей небольшой компании!

* * *

9 мая 1707 года от Р. Х.

Рязань

Алексей Петрович

Первые плоды

Передо мной лежит целая стопа различных бумаг с указами царя, назначениями, отчетами о проделанной работе, делами свеженазначенных на различные должности дворян и тому подобным. Все это предстояло перебрать, со всем ознакомиться, вот только как не хотелось этого делать!

Второй день начинался для меня самым настоящим кошмаром. Но надо признаться хотя бы самому себе, что вчерашний день, полный сумбура и головной боли, в какой-то мере принес мне чуточку удовольствия, того самого, когда человек чувствует себя нужным в этом мире.

Свои наброски по инновациям пришлось убрать в дальний ящик рабочего стола, взятого из прошлой резиденции и поставленного в рязанский дворец, смотрящийся по сравнению со своим московским собратом до безобразия угрюмо. «Зато он много удобнее, и половина комнат не нужны!» – пришло мне в голову занятное оправдание, имеющее право на жизнь.

Как бы то ни было, на проекты по созданию паровой машины вкупе с зачатками чертежей винтовки пришлось наложить «печать бездействия», готовую сломаться в ту же секунду, когда насущные вопросы управления Рязанью и прилегающими к ней землями будут решены хотя бы частично.

Вот и сейчас я сижу в облюбованном кабинете, пытаюсь разобраться с корябусами официальных документов, однако у меня мало что из этого получается. Хорошо, что друзья взяли помогать с разъяснением указов государя да плюс к этому решили составить смету подвластных мне отныне земель. Честно сказать, узнавать все эти подробности мне было попросту лень, да и времени катастрофически не хватало.

А тут еще и вопрос о корпусе встал в полный рост. Как ни крути, а такие дела надо решать как можно скорее и качественнее, во избежание каких-либо осложнений в будущем.

– Итак, что мы имеем на сей день? – задал я сам себе риторический вопрос. – Буду говорить открыто, раз уж сам с собой разговариваю. Во-первых, земли под своей рукой. Конечно, не большие, если учитывать, что в моем времени Рязанская область раза в три больше была, но и не маленькие. Это уже что-то. Во-вторых, есть планы на ближайшее и не очень будущее, готовые реализоваться нашими общими усилиями. Это тоже хорошо, планы – дело святое. В-третьих, насколько я помню, полезными ископаемыми земля не обделена, правда, судя по всему, денег на их разработку пока нет, и это плохо. В-четвертых, мне достался, по заверениям соратников, не самый плохой управленческий аппарат. Но, честно сказать, меня эти «достойные люди» не воодушевили, скорее наоборот. И это если брать во внимание только тех, кого я увидел в первый день – человек двадцать, не больше.

Картина немного удручающая, и с этим надо бороться. Вот только как? Изгнать всех продажных чинуш? Не поможет, только окончательно все испорчу. Вот разве что постепенно вводить верных и нужных мне людей, но на это уйдет не менее трех лет. Хотя, если постараться, то и за два управиться можно. Конечно, без ущерба для основной нашей деятельности. Что ни говори, деньги нужны, и это факт, вот только где их найти? С крестьян не стрясеешь, да и ни к чему это, народ озлоблять. Разве что с торгашей... Нет, этих и так немного, пусть лучше хоть какое-то разнообразие в это болото приносят. Разве что лес сбывать... Нет, денег за него много все равно не выручишь, только пупки надорвешь. Надо искать другие ходы...

Мысли постепенно переплетались, собираясь в один пучок, делаясь единым и неразрывным целым. Где-то на краю сознания мелькал расплывчатый силуэт нужного мне решения проблемы с деньгами. Пытаясь ухватить за хвост эту идею, я погружался в себя все глубже и глубже, теряя связь с реальностью. И вот когда вблизи меня замелькал этот желанный «хвост», я почувствовал, что мое лицо горит, словно я упал на угли догоревшего костра.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на полу, хорошенько приложившись о ровную поверхность деревянного настила. «Так и шею сломать недолго», – пришла в голову незамысловатая мысль.

– Ладно, пора и соратников проведать, а то уйти ушел, а когда вернусь, не сказал. Может, у них дела получше идут – чем черт не шутит?

Кряхтя, я поднялся на ноги, сбивая с камзола и штанов несуществующую пыль. Привычка, знаете ли: упал – отряхнись.

Пройдя по коридорам, я остановился напротив двери одного из самых больших залов дворца – Приемного зала, в данный момент используемого не совсем по назначению, зато с большей пользой.

– Хорошо, хорошо! Перехожу к делу, которое поручили мне, как самому ответственному и сообразительному! – услышал я насмешливый голос Александра Баскакова.

– В мечтах, – хмыкнул Артур, не перебивая зарвавшегося друга.

– После того памятного разговора я поручил своему управляющему в поместье найти подходящее местечко для расположения корпуса...

– Говори теперь! Те три дня, что ты тут без нас провел, наверняка в пьянках прошли да забавах с девками румяными? – поддел молодого помещика поручик Астафьев.

Тихо открыв дверь, я пробрался за спиной рассказчика и присел на маленькую тумбочку возле дверей, сделав знак заметившим меня молчать и не показывать этого.

– Не без этого, – гордо выпятив грудь, сказал Сашка. – Так вот, проехал Гришка, мой управляющий, по землям Коломенским, Тамбовским, но увы, так ничего и не нашел.

– Когда только успел-то? – удивился Николай.

– Так я письмецо сразу ему отписал, со всеми указаниями, так что времени у него хватало, – хмыкнул Сашка, довольный своей прозорливостью.

– И как, нашел? – поинтересовался Михаил.

– Нет.

– Так что ты тогда перед нами тут целое представление устроил? – потеряв интерес, спросил Артур.

– Подожди, уважаемый барон, не спеши, что ты такой нетерпеливый? – осадил датчанина Александр. – Узнав это, я решил навестить свое поместье, все же не так часто появлялся там в последнее время. Провел там день, другой да и отправился обратно к вам, когда на границе своих владений увидел одинокую дорогу, уходящую в лес. Ну и решил я проехаться в тот лесок, благо время еще было не позднее. Проехав пару верст в лес, я увидел деревню в двадцать дворов, расспросил старосту про те места. Выяснил, что рядом с деревенькой есть пара больших полей, оставшихся еще с тех времен, когда деда этих людей решили очистить под поля прилежащие земли, да вот не смогли этого сделать. Что уж там случилось, я не спрашивал, главное, что места там довольно глухие, людишки особо не шастают. И, самое главное, до Рязани верст тридцать, не больше!

– Что-то у тебя больно гладко все получается, – засомневался я, вставая со своего места. – Прямо по всем требованиям подходит сие место. И тебе крестьянские души, природа, и люд простой не будет хаживать. В чем же подвох?

– Везде ему подвох мерещится, – улыбнулся Сашка.

– А ты хочешь сказать, что его нет? – переспросил я его.

– Да как сказать. Единственная загвоздка в том, что деревенька эта, Петровка, лежит наполовину в моих землях, а наполовину – в землях боярина Первака.

– Не того ли самого? – улыбнувшись, спросил я помещика Баскакова.

Как-то Сашка, когда мы сидели с ним вдвоем, рассказывал мне, что приключился с ним один конфуз на почве любвеобильности и непостоянства. Суть сего конфуза была в том, что полюбил он года два назад одну боярскую дочку и решил на ней жениться, но случилось так, что ощутил на себе ее норы горячий и руку крепкую из-за той же любвеобильности. Вот тогда и решил молодой дворянин, что женушка не отличается тем смирением, которое он предполагал в ней ранее, и решил он от нее отказаться.

Да вот беда, отец этой девушки был до недавнего времени боярином Золотой сотни, так что влияние и деньги имел в достатке. Естественно, что такого надругательства над семейной честью папаша простить не смог и начал мстить по-своему, то есть по финансовой части, где выкупая, где просто-напросто перекрывая дорогу продукции деревенек молодого помещика, к пятнадцати годам оставшегося без родителей.

Но сам Александр, восемнадцатилетний юноша, воспитанный теткой и пожилым приказчиком, оказался не лаптем деланный и сумел выйти из ужасного положения. Он сделал все

очень просто: наладил прямой бартер между городом и своим поместьем, где отрядил место под склады и постоянную упряжь заводных лошадей. В итоге доходы помещика не уменьшились, а наоборот, увеличились почти на четверть, тем самым давая крестьянам «выход на более высокий экономический уровень», как добавил бы мой современник-экономист, и это лишний раз доказывает, что Сашка – человек умный и прагматичный, пускай и не получивший должного образования.

– И как же так получилось-то? – спросил я его.

– Да он еще тогда через подставных людей успел выкупить часть тех земель, которые пришлось заложить, чтобы наладить свои дела в поместье. Хорошо хоть часть, а не все. Дела у меня тогда совсем плохи были, – грустно добавил он.

– Получается, что о деревеньке своей ты не знал...

– Да почему не знал-то, Кузьма? Все я знал, просто забыл о ней. Да и не буду же я по всем своим землям разъезжать да оброк собирать, на это Гришка есть. Да и о том, что землицу у меня Первак выкупил, я узнал только тогда, когда приехал в поместье бумаги собрать для передачи деревеньки его высочеству.

– Неплохо, – крикнул я. – За подарок спасибо. Но ведь если это половина, то нужно вторую как-то добывать.

– Да, к сожалению, как объяснил мне Гришка, все эти поляны находятся на территории боярина Первака, – немного удрученно сказал помещик.

– Други, а почему бы нам моего отца не привлечь к этому делу? Думаю, у него найдутся свои рычажки для того, чтобы надавить на боярина, – предложил Николай, глядя на меня.

«Вот тебе и первый звоночек, Ваня. За помощь придется расплачиваться, и как бы цена эта слишком большой не была, – хмуро подумал я. – Хотя почему бы и нет? Рано или поздно все равно связи потребуются налаживать. Годом ранее – что ж, такова судьба, значит».

– Я согласен. Устрой нам встречу с твоим отцом, Николай. Точнее, узнай, когда ему удобно, а я посмотрю, в какое время у меня будет окно, да оповещу его об этом, – сказал я купеческому сыну.

«Не хватало еще к худародным царевичу ездить!» – пришла неожиданная мысль из глубин разума.

– Хорошо, завтра же отправлюсь к отцу и переговорю с ним. Думаю, он в случае нужды отложит свои дела для встречи с тобой, ваше высочество, – согласился Николай.

– Ладно, с этим вроде бы решили. А вот как быть с постройкой зданий и учителями для будущих витязей (которых, кстати говоря, тоже пока не наблюдается)? – спросил я друзей.

– Насчет постройки не беспокойтесь. Я обещал взяться за это дело, так что все будет как надо, – успокоил всех Михаил. – Архитектор уже работает, а мастеров мы и в Рязани найдем, все же город не глухой, со столицей рядом.

– Отлично, допустим, и этот вопрос решили. Правда, такую маленькую деталь, как деньги, мы пока еще не обговаривали, но это оставим на потом. А как быть с учителями для витязей? Ведь собираемся мы набрать не десяток юнцов и даже не полсотню, а полтысячи сразу! Откуда возьмем столько нужных нам преподавателей? Не говоря уже об одежде и прочих немаловажных вещах? – загрузил я соратников, сбросив груз забот об этом проекте на них.

– Пока тебя не было, мы подумали и решили, что лучше всего основную часть учителей набрать из числа ветеранов, не забранных на станции гонять молодых солдат, ведь найти полсотни таких вояк не составит труда. И это будут именно те учителя, которые постоянно будут находиться рядом со своими подопечными. Скажем, на полсотни – по одному такому ветерану...

– Нет, каждому из ветеранов надо давать двадцать пять человек, не больше, – оборвал я Артура.

– Почему? – удивились все.

– Есть у меня одна идея, как подготовить витязей, но пока о ней рано говорить, слишком много всего для нее требуется. Так что давай, Артур, продолжай, – махнув рукой, попросил я барона.

– Хорошо, будем ставить ветеранов во главе двадцати пяти юнцов, которым предстоит проходить азы боевой подготовки под их началом. Сами же науки будут преподавать несколько учителей, приглашенных из Рязани и Москвы, – закончил Артур.

– Учителя – это хорошо. Но все они должны быть из Рязани, так надежнее, да и мне будет спокойнее. А вот скажите, друзья, где вы возьмете учителя по богословию?

– Увы, но именно этот вопрос остался нерешенным, – сказал Сашка. – Мы можем сказать только одно: нам нужен такой батюшка, у которого не будут догмами застланы глаза. Но увы, я даже не знаю, где такого найти.

– Ну, с этим, я думаю, проблем возникнуть не должно, – сказал Артур.

– Ошибаешься, барон, сильно ошибаешься, – возразил я ему. – Наши святые отцы в большинстве своем слепые котята, идущие на зов отца-патриарха. Кто-то из них фанатик, а кто-то – глупец. Пускай местоблюститель патриаршего престола, бывший рязанский епископ Стефан Яворский, поставленный государем-батюшкой во главе Православной церкви, и мог бы нам помочь с решением этой проблемы, но ведь нам-то нужен свой человек. И чтобы при этом он мог разделить наши взгляды, а не служить из-под палки.

– Я не согласен, – сказал Николай. – Слишком многие знатные люди придерживаются старого толкования веры наших отцов и дедов, вот среди них вполне возможно найти подходящего человека.

– Нет, такой подход не для нас, Николай. Я не хочу ссориться с отцом, тем более что только-только начал налаживать с ним отношения, кстати говоря, и без того холодные. Поэтому в случае появления таких идей, которые могут повлиять на мои отношения с государем в худшую сторону, лучше до поры до времени держите их при себе, даже если они кажутся вам правильными, – поставил я жирную точку в появлении нежелательных идей.

– Как скажешь, ваше высочество, – согласились со мной друзья.

– Что ж, раз у Стефана помощи просить нельзя, я сам попробую разобраться с этим. Может, найду кого-нибудь интересного. Вы же вместе с остальными поищите в семинарии подходящую кандидатуру, – подумав, сказал я сидящим соратникам. – Но это дело только для кого-то одного. Остальные, помимо своих дел, должны будут начать подбирать первых витязей, думаю, лет пятнадцати-семнадцати, не старше и не младше. Но это дело терпит, и месяца три у нас есть, так что не спешите. Главное – решить насущные проблемы. Опять же, надо будет изыскать деньги на все это, иначе я попросту пупок надорву и Рязань вместе с ее землями по миру пушу, а сам окажусь где-нибудь в Азове, на стене с мушкетом.

– Давайте я попробую с этим справиться, есть у меня один знакомый в тамошней канцелярии, про каждого ученика семинарии подноготную знает, – вызвался Николай. – А ты, ваше высочество, лучше уладь это дело в верхах. Ведь, как я понимаю, для того, чтобы наше детище признали, нужно согласие светской власти в твоём лице и согласие иерархов Церкви, в крайнем случае, одного из них, желательно не ниже епископа, раз уж с местоблюстителем не получается.

– Дельная мысль, – согласился я. – Значит, так: я беру на себя улаживание этих вопросов, вы же, как и договорились, всю рутину взваливаете на себя.

– Ну, не только на себя, – улыбнулся Артур. – Я думаю, мы сможем найти десяток-другой надежных людей, которые будут держать язык за зубами. Так что, ваше высочество, ищи места, куда будешь пристраивать своих ретивых сторонников.

– Да какие сторонники-то? – возмутился я. – Я что, против отца иду, по-вашему? Мы, кстати говоря, все вместе одно дело делать будем!

– А мы не отрицаем. Вот только есть одно но: когда человек перестает зависеть от государства (а именно это и происходит, когда у него появляется достаточное количество денег), на него начинает коситься эта самая власть, точнее, власть имущие, и чем большим богатством он будет обладать, тем подозрительней будут эти взгляды. Я думаю, вы и так знаете, чьи будут эти самые взгляды?

– Если только богатеет не сама власть. Тогда ничего плохого не происходит, если правильно все сделать, – улыбнулся я Артуру.

– Твоя правда, – согласился барон.

– Так, все, эту тему оставим и больше к ней пока не возвращаемся, – прервал я разошедшегося барона.

Все же иностранец хоть и говорит на отличном русском, не может понять всех особенностей России. Что уж говорить, если даже язык порой держать за зубами не может, считая, что наш вседержавный монарх может сравниться с их корольком, права которого в будущем будут заключаться только в том, чтобы народу на глаза показываться да на заседаниях Сената задницу отсиживать.

«Даже у стен есть уши!» – сказали когда-то в Версале, а что уж говорить про Москву, да еще к тому же когда такие слова произносятся в кругу пока еще опального царевича.

– Думаю, нам пора прерваться на отдых, – перевел я тему в другое русло. – Да и распоряжения уже каждый из нас имеет, включая и меня, так что можно пока не возвращаться к работе.

– Что ж, твоя правда, ваше высочество, – хмыкнул Артур, уловивший мое настроение.

Все же чутье у этого тридцатилетнего датчанина просто превосходное.

* * *

Конец мая 1707 года от Р. Х.

Рязань

Алексей Романов – Иван Пестерев

Будни правителя

Два часа назад передо мной появились бумаги по выпускнику семинарии будущему дьяку Варфоломею, которому со дня на день должно исполниться двадцать три года. Но только сейчас, вечером, когда поток жалоб и разнообразных донесений о делах вверенных мне земель иссяк, я смог блаженно откинуться в кресле и взять в руки желтый пергамент.

Аккуратные буквы старорусского алфавита медленно складывались в слова, доводя до моего разума смысл «дела» одного семинариста. В бумагах говорилось о том, что «сей вьюноша проявлял незаурядные способности в богословии и речах» (то есть был первоклассным оратором, если перевести на наш язык), но имел один грешок. С одной стороны, не то чтобы большой грешок, но вот с другой... С таким недостатком ему не достичь высот в иерархии Церкви, какими бы задатками он ни обладал.

Этим недостатком являлось недовольство нынешней, как бы это сказать, пропагандой священнослужителей. И мне, если честно, не совсем понятны мотивы главы Церкви, который терпит этих недовольных, да еще к тому же и талантливых священников в будущем. Даже мне известно, к чему приводят неурядицы в такой структуре, как Церковь, – к реформам! А ведь реформы Церкви – это кровь людей, а большие реформы – это гибель целых поколений!

«Что ж, думаю, мы не станем искать славы современных раскольников. Нам просто нужен человек с незашоренным взглядом на свои недостатки, разбирающийся в таком темном деле, как человеческая душа, – откладывая последний лист отчета, подумал я. – Пожалуй, с этим Варфоломеем я должен побеседовать как можно скорее, а уж потом двигаться дальше. Хотя все нынешние приготовления необходимо уже заканчивать...»

Разобравшись с неотложными делами, я отправился в Москву – решать и без того отложенные на nepoзвoлитeльный срок проблемы. Компанию мне составил Михаил, рассказывая по дороге о своих путешествиях по Руси. Что и говорить, много их у него было, отец все же не абы кто! Вот только был один большой минус – дороги. Дороги на Руси-матушке... хм... Их тут вообще нет!

Насобирав шишек в свою первую поездку в Рязань, я отказался от большого кортежа и карет, сделав ставку на скорость коней. Но вот только я не учел одного форс-мажорного обстоятельства. Ночью перед поездкой прошел неслабый ливень, и теперь дороги представляли собой трясину грязи, смешанную кое-где со щебнем. И это в середине мая! Да, дела... Я-то думал, что историки приукрашивают одну из двух главных бед Руси, а не: ужас Наполеона, и правда, таковым и оказался.

Так что, выехав в середине недели, я смог добраться до своей московской обители только к субботе, вымотанный и обозленный на себя и весь белый свет. Хорошо хоть Миша скрашивал ощущения от часов постоянной тряски в седле, иначе я бы точно кого-нибудь загрыз.

Как бы то ни было, преодолевая препятствия и собственную лень, я на следующее утро все же добрался до кабинета епископа, названного, наверное по недоразумению, одним из прислужников кельи. Пройдя в светлую комнату, я заметил сидящего за столом маленького мужчину с полностью седыми волосами, увлеченно строчащего пером на бумаге какие-то заметки. Услышав, что кто-то вошел, старик поднял свои серые глаза и, улыбнувшись, указал рукой на стоящий возле стола стул, обитый кожей.

– Присаживайтесь, ваше высочество, – сказал Иерофан. – Не буду скрывать, мне очень интересно узнать: что привело вас в мою скромную обитель?

– Спасибо. – Вежливость никогда не бывает лишней, вот только надо знать грань между ней и лизоблюдством. – Ну что вы, епископ, неужели я не могу просто прийти к вам для беседы?

– Мне много что говорили о вас, ваше высочество, и дьяки, и служки, хорошо ли, плохо ли – не столь это и важно, – внезапно сказал старик, глядя на свои руки.

– И каково же ваше заключение обо мне, ваше высокопреосвященство? – внимательно посмотрел я на епископа.

– Не знаю. Правда не знаю, но надеюсь узнать сегодня же, после нашего с вами разговора, – улыбнулся старик.

– Ну, коли так, то можно и начать, – согласился я с ним. – И скажу честно: я не ожидал, что наша встреча состоится так скоро. Думал, еще пара деньков у меня есть...

– Почему же? – искренне удивился епископ Иерофан.

– Мне кажется, у иерархов Церкви много дел и без меня, – ответил я как можно почтительней.

И, судя по искорке, мелькнувшей в серых глазах епископа, ответ я дал более чем правильный. Вот только надо еще и разговор поддержать в том же духе. Задача.

– Ты прав, царевич Алексей, дел у нас много. Но для верных детей Божьих можно сделать и исключение, тем более что таких визитов давненько у меня не было, – с неким сожалением сказал Иерофан. – Остальные дела подождут...

– Я не хотел бы вас отвлекать от более насущных вопросов, но мое дело, если, конечно, мою просьбу можно так назвать, имеет большое значение для меня.

Приняв решение форсировать беседу, минуя получасовую беседу о пустяках, я был вынужден сразу же раскрыть пару карт. Пусть пара пунктов сразу перепадет епископу, главное, чтобы его условия не были кабальными. А в том, что мы сможем договориться, у меня уже сомнений не было.

– Интересно, а в чем заключается ваша просьба, ваше высочество? – приподняв брови, спросил Иерофан.

– Мне нужен молодой священник, для того чтобы преподавать богословие в открывающейся под Рязанью школе, – ответил я.

– Всего-то? – удивился епископ. – А мне уж показалось... Так в чем же дело? Вы могли просто написать главе семинарии, и он сразу, как только смог, выслал бы к вам учителя.

– Дело в том, что мне не нужен любой учитель, мне нужен только один-единственный, – нахмурившись, ответил я Иерофану.

– Ах вот как, – прошелестел едва слышно голос старика. – И кто же сей служитель Божий, на кого пал твой выбор, сын мой?

– Выпускник семинарии этого года Варфоломей.

– Неисповедимы пути Господа, но его уже назначили дьяком в одну из деревень на Урале...

– Но он мне нужен, ваше высокопреосвященство, очень нужен, – продолжал я настаивать.

– Даже не знаю, как помочь вам, ваше высочество, трудно дело сие, очень трудно...

– Давайте сделаем так, ваше высокопреосвященство: вы помогаете мне в этом пустячном деле, а уж моя благодарность будет по меньшей мере щедрой... – прервал я Иерофана, многозначительно посмотрев на него.

– Что ж, раз вы, ваше высочество, говорите столь открыто, то и мне позвольте быть с вами до конца честным. Деньги, они, конечно, всегда нужны Церкви, но есть кое-что много важнее этих желтых кругляшей, к примеру, хорошие дружеские отношения... – так же многозначительно посмотрел на меня епископ.

«Старый хрыч! Нет бы деньгами удовольствоваться! – мысленно ругнулся я на него. – Теперь придется во что-то впутываться, не просто же так он от золота-то отказывается! Эх, все равно придется соглашаться».

– Хорошо, ваше высокопреосвященство, думаю, мы поняли друг друга правильно и впредь станем хорошими друзьями, – вставая, поцеловал я протянутый мне епископом крест.

– Ступай с Богом, сын мой, и больше не думай о своем деле, оно решится, – ответил Иерофан, улыбаясь и осеняя меня крестом.

После посещения епископа у меня оставалась свободна еще половина дня, которую не хотелось тратить на пустые и ненужные дела, а хотелось сделать что-то полезное и нужное. Вот только что? Да, вопрос, и на него нет ответа.

Приехав во дворец, я немного расслабился, позволив себе сбросить малую часть того напряжения, которое скопилось во мне за последнее время. Однако долго сибаритствовать мне не дал Михаил, вернувшийся из отчего дома с радостной вестью: у него родилась сестренка.

– Отдыхать надо уметь, так кажется? – усмехнулся я пару часов спустя, наблюдая за тем, как Миша вместе со своим тезкой Михаилом Нарушкиным, капитаном моих гвардейцев, пытаются вытащить пробку из принесенного слугами бочонка заграничного вина. Правда, надо отдать должное, в этот раз им удалось не опрокинуть оный сосуд.

– Ик! – подтвердил мои слова новоявленный братик.

– Есть! – с тяжелым хеканьем выдохнул капитан, поднимая в руке пробку бочонка.

– Да, видимо, об этом вечере никаких воспоминаний у вас, господа, точно не останется. Мои едва слышные слова потонули в здравницах двух собутыльников.

«А я чем хуже? Ведь надо отпраздновать первую свою победу! Пусть она маленькая, но есть же!» – шелестел внутренний голосок, будто весенняя листва, разгоняющая тоску зимы.

Рано утром, по привычке вскочив с восходом солнца, я попытался совершить свой обычный моцион, но, резко встав с постели, даже не разобранной как положено, схватился за голову, чувствуя, как она раскалывается на две жутко больные половинки.

– О, чтоб его, – прошептали сухие губы, по небу скреб язык, словно наждаком. – Похмелье, мать его...

К горлу подступил противный комок, готовый в любую секунду вырваться наружу, но, пока сдерживаемый мной, застрял на одном месте, самопроизвольно вызывая рвотные позывы. Так долго продолжаться не могло, поэтому утренняя треножная чаша с чистой теплой водицей попала как нельзя вовремя, иначе слугам прибавилось бы работы.

Через пять минут, чувствуя, как в тело возвращаются покинувшие его ранее силы, я заставил себя сделать легкую разминку, больше всего напоминающую гимнастику ревматиков.

– Да, грань была пройдена, и не раз, – хмыкнул я себе под нос, отрывочно вспоминая вчерашние посиделки. – Интересно было бы на орлов посмотреть...

Капитан Нарушкин постепенно все больше и больше сближался с моим окружением, высказывал свои мысли по некоторым вопросам, в коих он в силу своей профессии разбирался наилучшим образом. Он становился одним из тех, кого стала затягивать наша переросшая в нечто большее «игра».

В свои двадцать семь лет капитан, побывавший в составе Семеновского полка под Нарвой, был ярким сторонником государя, однако, как я успел заметить, его язык был чересчур длинным, за что в конечном итоге его и перевели на привилегированную должность капитана гвардейцев наследника престола. Вот только эти самые гвардейцы, в количестве двух десятков, до назначения Нарушкина представляли собой жалкую пародию на настоящую гвардию, элитой тут и не пахло. Однако за три года молодому капитану удалось значительно поднять уровень своих подчиненных, и теперь они уже не напоминали вечно пьяных солдафонов худшего пошиба.

Мои размышления о капитане гвардейцев оборвались на самом интересном месте. В спальню вошел Никифор, неся в руках небольшой ковшик.

– Не желаете квасу, ваше высочество? – чопорно спросил камердинер.

– Желая! – обрадовался я, вставая с пола, где до этого пытался делать упражнения на пресс. – Хорошо! Боже, как же хорошо!

– Подать завтрак, ваше высочество? – вновь спросил Никифор.

От одного только слова «завтрак» меня замутило, к горлу подступил новый комок. Перебив себя, я отверг предложение камердинера, приказав подать еще пару ковшиков кваса.

Спустя десять минут, одевшись, я сидел в своем кабинете, блаженно откинувшись на спинку стула. Солнце уже давно взошло, во дворе суетилась челядь, бегали дети слуг, сражаясь друг с другом на палках, кто-то убирал мусор, кормил животных, снующих по территории.

– Ваше высочество, пришел священник, говорит, вы ему назначали встречу, – сказал Никифор, бесшумно входя в кабинет.

– Священник? Хм... Ах да, зови его, – вспомнил я.

Положив перед собой несколько листов «личного дела» Варфоломея, я, расслабившись, пробежал по ним глазами, наверное, в десятый раз, делая зарубки в памяти на особо интересных с моей точки зрения местах. И так увлекся, что чуть было не прозевал входящего шуплого мужчину, больше похожего на юношу лет пятнадцати, с карими пронизательными глазами, оценивающе смотрящими на окружающих.

– Оставь нас, – бросил я камердинеру, замершему за спиной Варфоломея.

Сделав пару шагов, молодой священник в ожидании замер перед столом.

– Садитесь, святой отец, – указал я рукой на стул возле стола.

– Благодарю, ваше высочество, – ответил священник, садясь.

– Перед нашей беседой я хочу кое-что спросить у вас, Варфоломей. Надеюсь, вы ответите честно, иначе нам с вами просто не по пути, – открыто заявил я ему.

– Я вас слушаю, – попытался смиренно сказать святой отец, вот только смирения я не заметил, это точно.

– Вас порекомендовал один знакомый мне человек, рассказав о вас как о молодом и умном человеке, не особо слепо следующем заветам Церкви. Это так?

– Прошу извинить меня, но можно узнать: кто обо мне так лестно отзывается? – насто-
роженно спросил святой отец.

– Нет, нельзя, это не имеет никакого отношения к вопросу. Ответьте на вопрос, пожа-
луйста, иначе, как я уже говорил, наша встреча не имеет смысла.

– Что ж, отвечу. Я не тот человек, который собирается менять мир к лучшему, в вашем
понимании, ваше высочество, – ответил мне Варфоломей, и, судя по всему, он говорил честно.

– Интересно вы говорите, святой отец. Получается, что мое понимание лучшей жизни
сильно отличается от вашего? – удивился я такому ответу.

– Именно так, ваше высочество, – спокойно ответил священник, глядя мне в глаза.

– Почему вы так решили?

– А какие могут быть ценности у правителя? Только власть и деньги...

– Как-то вы не по-церковному рассуждаете, отец Варфоломей, – прервал я священника.

– Каков уж есть, ваше высочество, не обессудьте, тем более что сами хотели правды, –
усмехнулся священник.

– А что, если я скажу, что хочу не столько власти, сколько того, чтобы любой русский
мужик, будь то крестьянин или купец, мог появиться в любой точке мира с высоко поднятой
головой, зная, что он принадлежит к великому народу?

Построенная схема разговора с Варфоломеем полетела в тартарары, оставляя голый ске-
лет, на который срочно нужно нарастить мясо.

– Интересно вы меня заманиваете, ваше высочество, – с улыбкой сказал Варфоломей.

– А почему бы и нет? Вот только я не заманиваю, а говорю правду, святой отец.

– Это как, позвольте узнать?

– В том деле, которое я хочу организовать, требуется не просто желание, но еще и много
труда, и, честно говоря, в осуществлении его я полагаюсь на людей не столь понимающих,
сколь жаждущих.

– А при чем тут я? – удивился молодой священнослужитель.

– А нам как раз и требуется молодой священник для обучения юных воинов.

– С этим вопросом мне вроде бы понятно. Но вот для чего вам понадобился именно я,
ваше высочество? Ведь за такое предложение, я уверен, ухватился бы любой из нашей бра-
тии. Тем более раз вы получили согласие епископа Иерофана на то, чтобы самостоятельно
выбрать учителя, то наверняка перед вами открылся богатый выбор, позволяющий найти нуж-
ного человека?

– Вы правы, святой отец, но вот, кажется, прослушали, что для меня главным критерием
является желание добиться чего-то нового, при этом не руша старое. А для этого, как вы пони-
маете, требуется много усердия и кропотливого труда. Ведь наше дело может растянуться на
десятилетия! И с обычными попами нам просто не по пути (извините меня за откровенность),
нам нужен именно страждущий!

– И много человек мне предстоит обучать?

– Вначале около пяти сотен, плюс к этому каждый год примерно столько же будет добав-
ляться. Может, в дальнейшем добавляться будет много больше, но далеко мы пока не загады-
ваем.

– Ничего себе! Да как же я смогу всех их обучать? Хотя если... – Варфоломей замолчал на
полуслове, прикинув в уме всю свою паству. – Что ж, занятно, но мне потребуются помощники,
ведь одному удержать такую ораву сорванцов мне не под силу. Ведь, насколько я понял, мне
предстоит обучать выюношей?

– Совершенно верно. Но подбирать себе помощников вы сможете, только согласуясь со
мною или моими помощниками, одного из которых я назначу вам в помощь. Но и то только
после того, как ознакомитесь с уставом корпуса, его правилами и конечными целями, дабы
проникнуться тем духом, который мы хотим вложить в него.

– Разумно, даже очень, – чуть слышно сказал священник. Он помолчал и наконец ответил: – Хорошо, я согласен, ваше высочество. Вот только помощников я выберу сам, и чтобы нам не мешали иерархи Церкви... – задумчиво проговорил Варфоломей.

– Хорошо, я постараюсь вам в этом помочь. Вот только есть один нюанс: проверки будут не только духовные, но и мирские, так что дух патриотизма и безграничной преданности царю и Отечеству должен быть самым главным в их духовных ценностях!

– Это мне как раз понятно без всяких напоминаний, – ответил отец Варфоломей, улыбаясь. – Разрешите откланяться, ваше высочество?

– Конечно, идите, святой отец, всю необходимую литературу вам привезут в вашу комнату во дворце, что в Рязани...

– Постойте, но я ведь живу при семинарии!

– Раз вы согласились на мое предложение, то должны быть постоянно при мне, по крайней мере, в первое время, – глядя в глаза ошеломленному моим напором будущему священнику, сказал я. – Насчет окончания семинарии и получения сана не беспокойтесь, все уже оговорено с епископом Иерофаном. Надеюсь, вопросов нет?

– Нет, – тихо сказал священник Варфоломей, опуская голову.

– Тогда идите. Завтра я вас жду к десяти часам утра, мы должны выехать в Рязань как можно скорее. Дела, знаете ли, – улыбнулся я Варфоломею.

Отец Варфоломей ушел в растерянности; по нему было видно, что его душа мечется, до конца не осознавая, что жизнь его изменилась, и изменилась неотвратимо...

* * *

Середина июня 1707 года от Р. Х.

Рязань – Петровка

Алексей Романов – Иван Пестерев

Прошел почти месяц с тех пор, как все приготовления были завершены, а планы еще и не начали реализовываться. Рутинная работа управления вверенными землями затягивала с каждым днем все больше и больше, не давая заняться тем, чем хочу.

Хотя и считалось, что в Рязани управленческий аппарат налажен и зарекомендовал себя очень даже неплохо, оказалось, что чиновники не только не гнушаются брать взятки, что, в принципе, было и будет в любое время, но и устраивают подобие аукционов, отдавая предпочтение тому, кто готов заплатить больше. И это сплошь и рядом.

Даже введенные драконовские меры не могли справиться с этой бедой. Десяток чиновников верхнего эшелона пришлось посадить в тюрьму, конфисковав их имущество в пользу казны. Вот только делать так я больше не мог в силу того, что если разбегутся чиновники, то не будет никакого управления землями. Правда, вырученных от конфискации денег хватило на то, чтобы в самой Рязани всем чиновникам была сделана тарификация их зарплат. Ведь как таковых денег они не получали, живя только с «кормления», то есть тех же самых взяток.

Честно сказать, сия моя идея в самом начале не была популярной у друзей: они считали, что это увеличит отток денег, не принеся нужного результата. Вот только они не понимали одной простой истины. Если бюрократический аппарат столь продажен, то нижние, да и средние чины денег как таковых не получают. Полученные рубли поступают дальше вверх, в большинстве своем минуя карманы мелких сошек.

Собственно, это я и доказал своим соратникам, которые в течение первых недель со скептицизмом наблюдали за поведением некоторых чиновников. Но потом их недоверие сменилось восхищением, ведь большая часть мелких чинуш перестала брать взятки как таковые. Конечно,

не только потому, что у них появилась зарплата, я же не дурак, в конце концов. Наряду с «пряником» были приняты указы «кнута», четко описывающие, что можно делать, а что нет.

К примеру, с июня месяца запрещалось изымать налоги с жителей, чей доход едва позволял жить впроголодь. Надзор же за сборщиками налогов и пошлин был установлен столь строгий, что они и вздохнуть свободно не могли. Но на такую ответственную должность надо было ставить человека не только преданного, но и хорошо разбирающегося в хитросплетениях приказов и указов. Выбор пал на Михаила Лесного, с большим энтузиазмом принявшегося за исполнение своих обязанностей.

Но при всех плюсах был и один громадный минус – мне по-прежнему не хватало людей. И приходилось выкручиваться, выискивая самые разные подходящие кандидатуры на должности. Срочно требовалось подготавливать свой собственный резерв, витязей, но до того, как начать обучать юношей, требовалось хотя бы банально обустроить их быт. Построить казармы, залы для занятий, плац, столовую, бани, выделить место для мастерских, которые должны были со временем заполниться именно витязями. Все эти постройки, уже начатые по проекту одного архитектора, пожирали просто огромные деньги, вкупе с закупкой предметов первой необходимости для будущих кадетов-витязей.

В середине мая нам таки удалось заполучить недостающую территорию нужной деревеньки. Не знаю уж, как там отец Николая это сделал, но боярин Первак, скрипя зубами, продал эти земли мне в личную собственность.

Строительство казарм шло полным ходом. Михаил, взвалив на себя управление «налоговиками», передал строительство, точнее надзор над ним, Александру. Как и предполагалось, самих мастеров-плотников набрали уже в городе и его предместьях, благо в деревне чуть ли не каждый второй мужчина в совершенстве владеет плотницким топором. Каждое здание строилось не только на совесть, но и к тому же стахановскими темпами, радуя глаз. Проверки же стройки носили исключительно «мирный» характер, то есть касались только общего положения дел, таких как размещение казарм и дополнительных зданий.

Исключение было только в самом начале строительства. Первую идею – использовать уже готовые постройки – я отверг сразу же, даже не стал объяснять почему, дабы не тратить время на разъяснения. После долгих споров у нас остались два варианта постройки зданий базы: первый – на месте, а второй – сделать срубы и потом уже перевезти на место, а там остается только их собрать.

Я сам выступал за первый вариант, но большинство все же выступило за второй, в итоге и принятый за основной, правда, с небольшими изменениями. По моему требованию основание каждого дома делалось из камня, увеличивая тем самым первоначальную стоимость постройки, но в то же время делая возможной будущую переделку зданий без их общего разгрома.

Только после того, как все было обговорено, планы проектирования были переданы Михаилу, который и нашел уже немолодого архитектора Александра Тимофеева, во всех проектах которого в первую очередь делался акцент на надежности и прочности, а уж потом – на изяществе и красоте.

Планы лишь начали воплощаться в жизнь, а казна пустела с каждым днем, истаивая на глазах. Того мизерного налога, что поступал с рязанских земель, едва хватало на то, чтобы наладить нужную мне схему взаимодействия «власть – чиновник – народ», а для этого требовалось время. Опять же, доверие требуется заслужить. Поэтому одной из приоритетных задач было постоянное получение денег, при этом без подрыва авторитета власти в моем лице.

– Сегодня нам надо разобраться с новым предложением.

День прошел, и сейчас мы все вместе собрались в приемном зале, отдыхали душой и телом, не забывая о насущных делах.

– А может, оно подождет? Завтра на свежую голову и решим, – потягивая темное пиво, предложил Кузьма.

– Ага, как вчера? Так, что ли? – ехидно уточнил Николай. – Особенно приятно наблюдать эту картину поутру: выхожу из спальни, только собрался вниз спуститься, кваску испить (жажда замучила), а тут из соседней двери рожа непонятная вываливается и рассолу слезно так просит!

– Что ты! Нет, конечно! – смутился Кузьма. – Я вообще не собирался у тебя оставаться, так получилось.

– Да я ничего против не имею, просто вспомнилось, – улыбнулся Николай.

– Ладно, хватит, у нас еще дел полно, – прервал я разговор. – Начинай...

– Как вам известно, господа, в казне у наместника, то есть у его высочества, денег не хватает и там они не задерживаются. Но это прелюдия. Теперь перейду к делу. Чуть меньше месяца назад ко мне на встречу попросился один из рязанских кузнецов, Иван Нестеров. Так вот, он поведал мне, что знает местечко в полусотне верст от города, где выходит из-под земли жила неплохой железной руды.

– И что с того? – поинтересовался Кузьма. – Завод там поставить, и все дела.

– Послушаем дальше, наверняка что-нибудь интересное, – неожиданно сказал Артур.

– Так вот, этот самый кузнец предложил на том месте сделать чудо-печь, создающую металл, который по прочности будет много лучше чугуна!

– Так в чем же дело? – недоуменно сказал Кузьма. – Пусть делает. Выделить ему рабочих, денег дать.

– Что ты такой нетерпеливый! Дослушай до конца. Этот кузнец хочет, чтобы сам секрет создания этой чудо-печи остался при нем и не был раскрыт никому другому, – сказал Николай.

– Разумно, – усмехнулся Михаил.

– Чересчур разумно. Но, как бы то ни было, сие предложение было передано его высочеству...

Тут же на мне скрестились взгляды друзей, в ожидании замерших на своих местах.

– Кузнец получил все, что хотел, и даже больше. А сегодня утром он прислал первый образец стали, что сварил в малой печи из того самого железа, которое он будет получать в дальнейшем из ее большой товарки, которая сейчас достраивается. Посмотрите на него. – Встав с места, я достал из кожаной сумки, стоящей рядом с креслом, полуметровую полосу серого железа шириной чуть более кулака. – Толщина будет почти в два раза меньше, чем у чугунной полосы такой же прочности.

Повертев в руках полосу, каждый из сидящих в зале о чем-то задумался.

Наконец Кузьма не выдержал:

– Это получается, теперь можно делать орудия много большей дальности боя?

– Это один из плюсов. – Мои губы торжествующе улыбнулись.

– Тогда это самая настоящая золотая жила, – потрясенно сказал Кузьма, напрямую сталкивающийся с результатом этих затрат. – Государь вкладывает в войну со шведами огромные деньги, и добейся мы заказа на новые орудия...

Поручик не договорил, хотя этого и не требовалось, всем и так все было понятно.

– К сожалению, этого мало. Отец постоянно в разъездах, а деньги нам нужны как можно скорее, так что мы сможем получить их с этого завода не раньше чем через пару месяцев, а до тех пор это всего лишь мертвый груз, тянущий нас на дно. Завод нуждается в деньгах не меньше, чем та же самая Петровка, только разве что основная часть вложений уже прошла, а корпусу только предстоит, – вынес я вердикт.

– Тогда для чего ты нам все это сказал, ваше высочество? – спросил Александр.

– Нужно найти людей, готовых вступить с нами в новое кумпанство, основой которого послужит этот самый завод. Не смотрите на меня так. Да, мы приносим в жертву будущие

прибыли во благо настоящего и тех проектов, которые еще только предстоит реализовать! Не забывайте, что у нас осенью намечается открытие Корпуса русских витязей, а он потребует не только внимания к себе и заботы, но и денег, много денег!

– Так может, отложить его открытие на годик-другой? – предложил Кузьма.

– Нет, об этом и речи быть не может! – жестко пресек я дальнейшее обсуждение этого вопроса. – Корпус откроется, это решено, и этого не изменить! Поэтому возвращусь к вопросу о деньгах. Ищите людей среди знакомых: друзей ли, родственников – неважно, главное, чтобы им можно было доверять и чтобы они имели деньги для поддержания нашего дела по крайней мере первые два-три месяца. Подумайте, но не тяните с этим слишком долго, на все про все у нас не больше недели.

– Жестко, но правильно, – тихо сказал Николай. – Без денег мы мало что можем сделать. Разве что на крайний случай прижать епархии, как это делает боярин Мусин-Пушкин. Я даже кое-какие высказывания нижегородского митрополита выписал, для острстки: «... Боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви Божии, вотчины наши ведает, а теперь у нас и данные, и венечные деньги отнимает, и если эти сборы у меня отнимут, то я в своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину...» Правда, это чревато, но зато деньги появятся...

– Нет, это только на крайний случай, – подумав, сказал я. – Ладно, пока оставим этот разговор. Возвратимся к заводу. Кузнец просит выделить ему охрану, десяток солдат, пишет, что лихих людишек на дорогах развелось много. Но здесь есть одна загвоздка: своих подготовленных солдат у нас нет, за исключением моих гвардейцев, а наемников нет и подавно. Но послать кого-то все же надо, на всякий случай. Так что слушаю ваши предложения, друзья.

– Алексей, а давай мы Сашку с крестьянками пошлем, он там через пару лет столько детишек наплодит, что и охрана не потребуется, – выдал первое предложение Артур.

– Хорошо, – согласился я. – Только ты поедешь с ним и будешь с малышами сидеть, в то время когда он будет их производством заниматься.

Пятиминутный смех стих сам собой, все же насущные дела вытесняют из головы все лишнее, в том числе и радости жизни. Жаль, только у немногих хватает здравого рассудка прочертить границу между работой и отдыхом!

– Я предлагаю отправить вместе с караваном пару десятков работяг и дать им десяток фузей и сабель, – задумчиво сказал Николай.

– Николай, да ты что! Чтобы крестьянам – и оружие... – возмутился Кузьма. – От них проку ноль! Разве что друг друга искалечат.

– В этом, конечно, есть зерно истины, – сказал я. – Но оно столь мало, что не стоит заострять на нем внимание. Каждый должен заниматься своим делом. Если крестьянину дать оружие, то его необходимо обучить как минимум азам боя, а у нас, как вы понимаете, нет лишних рук, да и вообще у нас пока мало кто есть.

– Ну не скажи. Вот взять хотя бы тех, кто поехал с Иваном, ведь вполне здоровые мужики, к тому же готовые постоять за себя, – сказал Николай, в свое время снаряжавший весь эскорт кузнеца.

– Они не воины, они ремесленники, – не согласился я с ним. – На строительстве завода, не говоря уже о самом производстве, их необходимо охранять, как и обычных крестьян.

И вновь тишина. В ней можно было бы услышать писк залетевшего в окно комара, если бы такой нашелся.

– А что, если набрать охрану из прежних ветеранов? Времени прошло немного, навыки у них должны же остаться, – предложил Михаил.

– Это ты о ком? – поинтересовался Николай.

– О стрельцах.

– А государь одобрит? – спросил Коля.

– Выхода у нас нет, людей не хватает, – наконец сказал я. – Что же до одобрения, то не стоит об этом думать: многие стрельцы пошли в новые полки, поэтому и прошлое ворошить не стоит. Вот только пойдут ли они? Ведь почитай семь лет прошло, как их распустили.

– А почему бы и нет? Не все же там были смутьяны? Я уверен, что большинство были обычными солдатами, к тому же ремесленниками, – задумчиво сказал Артур, мало-мальски когда-то ознакомленный одним из своих мастеров с устройством стрелецкого войска.

– Хотя, мне кажется, нам не надо, чтобы они постоянно там были? – сам у себя спросил Николай. – Как я понял, они будут временным решением, года на три, не больше...

– Не совсем так, – не согласился я, уже прикинув в уме общее положение дел при таком раскладе. – Я не собираюсь пользоваться людей, а потом выкидывать за ненадобностью. Все, кто доверится мне (я имею в виду лично мне, а не государству в моем лице), могут рассчитывать на мое внимание и помощь в любом случае. Кроме, разумеется, предателей и ряда лиц, не имеющих права на снисхождение.

Я говорил, сидя вполоборота к сидящей компании соратников. Мой взгляд блуждал по висящей на стене картине какого-то сражения неизвестного художника. Судя по изображению воинов, сия картина запечатлела осаду Азова или Астрахани – увы, к моему глубокому сожалению, я не знал этого точно.

Не знаю почему вспомнились факты из прошлой жизни, когда во время развала великой империи люди, отдававшие свою жизнь и здоровье на благо Родины, были вынуждены просить милостыню или сидели в таежных закромах новой Родины, обвинившей их в том, что они звери и недостойны нормальной жизни. Увы, такое было сплошь и рядом. А уж про всякие криминальные структуры мне даже вспоминать тошно! Правда, я тогда еще мальцом был, несмышленым и глупым, да вот только телевидение помогало много что узнать. Пусть в большинстве своем там мусор и ложь, но ведь крупницы правды отыскать можно везде, было бы желание.

Мне очень не хотелось бы, чтобы та история повторилась, тем более при моем участии. Тяжело человеку осознавать горечь предательства, но не людского предательства, нет, оно пустяк. Предательство государством своего гражданина – вот что страшно, вот то, что ломает людей, делает их алкашами и «пустышками», лишенными смысла жизни и, самое главное, стремления к своей мечте!

«Блин, что только не полезет в голову на ночь глядя!» – мотнул я головой, сбрасывая оковы наваждения.

Повернув голову к своим друзьям, я увидел, что они как-то странно на меня смотрят, словно только сейчас поняли что-то важное, причем по их лицам нельзя было определить, хорошо это или плохо. Горькие воспоминания медленно погрузились в пучину новых проблем, оставляя сладкий осадок прошлых страхов, тех самых, которые заставляют любого человека вспоминать их и, что важнее, помнить их!

– Что случилось? – спрашиваю я каменные изваяния.

– Ничего, ваше высочество, – тихо ответил Николай, слегка замешкавшись.

– Все хорошо, – повторили Кузьма с Артуром.

Лишь только Михаил с Сашкой сидят чуть ли не с открытыми ртами.

– А в чем дело тогда? Вы как-то резко замолчали, да и видок у вас, господа, слишком уж какой-то... пришибленный, что ли, – удивленно смотрю на них.

– Мы просто задумались о предложении Миши, – немного помолчав, ответили Артур с Николаем одновременно.

– А ты что молчишь, Сашка? – поинтересовался я у помещика.

– Что? – встрепенулся Александр. – Что ты сказал?

– Говорю: что скажешь по предложению Михаила?

– Хорошая идея.

– И все? – вопросительно поднимаю левую бровь.

– Нет, конечно. Я думаю, что нам необходимо шепнуть пару слов отцу Николая...

– Он-то тут при чем? – изумился Николай Волков.

– Как при чем? У кого на Руси охрана налажена так, что впору завидовать? – теперь уже удивился Аркадий. – Конечно, у купцов! А почему твоему отцу, так он же знает людей, которые смогут нам помочь в охране постройки завода. А потом нам уже и не надо будет кого-то искать, сами сможем обеспечивать все нужды...

– Заманчиво.

– Еще бы, Алексей! Если наладить хорошие отношения с купечеством...

– Рано загадывать, – прервал я мечты Артура. – Надо еще с Павлом Никифоровичем переговорить, так что, Коля, готовь своего батюшку к разговору исподволь, может, тогда что и получится. Но даже если он что-нибудь почует, не рассказывай ничего. Я сам ему все, что надо, расскажу.

Взгляды переметнулись на нашего экономиста и бухгалтера в одном лице, разбирающегося в сих делах много лучше нас, причем каждого в отдельности, на голову как минимум.

– Хотя отказать царской особе отец не сможет, однако получится ли, не знаю, – без раздумий ответил Николай.

– Надо же когда-то начинать общаться с золотыми представителями Руси-матушки, – улыбнулся я ему.

Сразу после нашей встречи, то есть ближе к полуночи, все разбрелись по домам. Кузьма, как обычно, остался в левом крыле моего дворца, где уже давно облюбовал небольшую комнатушку, пользуясь ей с поистине армейским практицизмом.

Как бы то ни было, но на следующий день, сразу после завтрака, как обычно поданного в девять часов утра, прибыл курьер с письмом от Николая, где он говорил, что Павел Никифорович прибыл в Рязань вчера вечером и с удовольствием поговорил бы с царевичем. А ниже шла маленькая приписка: мол, удочка закинута, наживка проглочена, осталось только подсечь и вытащить рыбу на берег.

Вот в этом-то и заключалась вся загвоздка: рыбешка может не по рыбаку оказаться.

Просмотрев свой график на сегодня, я тут же освободил для беседы с Павлом Никифоровичем пару часов после полудня. «Что ж, думаю, время будет подходящим для штурма бастионов купца, да и подкрепиться за беседой можно будет», – прикинув оптимальный вариант, решил я.

Тут же черкнул пару строк на бумаге, запечатал письмо печатью.

– Никифор!

– Чего изволите, ваше высочество? – тут же появился камердинер.

– Пусть доставят в дом к купцу Волкову, что близ Кузнечной слободы живет.

– Будет исполнено, ваше высочество, – с поклоном взял письмо Никифор.

Больше не глядя на камердинера, я удрученно посмотрел на лежащую на столе кучу разнообразных бумаг, среди которых отдельной стопкой лежали жалобы, отчеты о затратах и поступивших налогах. Но надо признать, что стопка с каждой неделей истаявала все больше и больше. Введенные мной указы об отмене пошлин на торговлю предметами первой необходимости хоть и уменьшили поступления, но заметно оживили хиленький ручеек купцов, почувствовавших пусть небольшое, но послабление. Рязанские полицейские под руководством Михаила усилили контроль над преступностью. Облавы, ночное патрулирование улиц, драконовские штрафы для нечистых на руку ремесленников и купцов делали свое дело. Вот только после первоначальной чистки рядов самой полиции их осталось... всего треть от первоначального состава. Что ни говори, а пословица «не подмажешь – не поедешь» известна и в этом времени.

Новые полицейские, постоянно тренируясь под руководством своих более зрелых собратьев, внезапно получивших повышение, валились с ног, но мало кто из них жаловался. Что ни говори, в ущерб количеству заметно улучшились условия работы.

Однако проблемы взяточничества и разбоя были одними из наиглавнейших в моем списке, ведь относительный порядок, путем казней и конфискации имущества, удалось навести только в Рязани. Но оставались еще и подвластные мне земли, по которым не будешь ездить каждый день и проверять работу еще не налаженной системы взаимоотношений.

За просмотром проблем горожан, жаловавшихся на мощеную дорогу, соседей, торговцев и многое другое, пролетели часы до обеда. Вспомнив, что назначенная встреча вот-вот состоится, я отложил испачканное перо и с хрустом потянулся, вставая с места.

– Никифор! – позвал я слугу.

– Я здесь, ваше высочество.

– Прикажи подать обед на двоих в Малом зале.

Мысленно прикинув в уме, где лучше всего вести разговор один на один, я остановился на небольшом зале для приемов.

– Будет исполнено, ваше высочество, – слегка пятась назад, сказал камердинер, прикрывая дверь.

Чем был примечателен выбранный мною зал? Можно сказать, ничем, разве что небольшим проявлением роскоши в виде пары картин и золотых подсвечников искусной работы, висящих по периметру зала. Но, в принципе, бывалого купца этим не поразить, настоящая роскошь для них только мишура и бесполезная трата денег. Деньги должны крутиться – эту непреложную истину знает любой из них, как знал ее и любой мой бывший современник.

Спустя полчаса, когда я немного освежился и полюбовался тренировкой десятка гвардейцев, гоняемых неутомимым капитаном Нарушкиным, Никифор доложил о том, что отец Николая Павловича прибыл.

– Пора, – едва слышно шепнул я сам себе.

Решив особо не напрягаться по поводу первого впечатления, попросту приказал отвести гостя в Малый зал, где он и должен меня дожидаться.

– Доброго здравия вам, ваше высочество, – поклонился в пояс старший Волков.

– И вам доброго здравия, Павел Никифорович, – ответил я, назвав его по имени-отчеству, как бы говоря: мол, цени, купчина! Отношение благородных людей к торгашам в этом времени было, мягко говоря, как к псам, так что оценить мой такт он просто обязан.

Седина только слегка тронула на висках русые волосы купца, придавая некоторую солидность. Однако живые карие глаза, внимательно следящие за обстановкой, говорили о том, что отец Николая так же далек от образа зажиревшего торговца, как и ястреб от утки. Небольшая ухоженная бородка едва ли достигала пяти сантиметров, придавая ему небывалое сходство с каким-нибудь заезжим атаманом, неведомо зачем переодевшимся в одежду купца.

– Прошу отобедать со мной, Павел Никифорович: дела, знаете ли, совершенно некогда перекусить, – улыбнувшись, показал я на пустой стол, тут же начавший заполняться яствами.

– Я понимаю, ваше высочество, сам, бывает, совершенно счет времени теряю, – ответил с улыбкой купец.

Минут пять мы друг к другу притирались, каждый разглядывал своего оппонента, но в конечном итоге первым не выдержал купец:

– Разрешите задать вам вопрос, ваше высочество?

– Задавайте, Павел Никифорович.

– Я хотел спросить вас, ваше высочество, вот о чем. Все мы видим, что за последние месяцы вы резко изменились, и, надо признаться, в лучшую сторону...

– Кто это «мы»? – сразу подобрался я, чувствуя, что разговор принимает интересный оборот, все же ожидаемая полчасовая беседа о пустяках – это даже не смешно.

– Мы – это купцы, – улыбнулся мне Никифор, показывая, что хоть доверие ко мне уже и испытывает, но не настолько, чтобы открывать все свои карты. – Так вот, нам бы хотелось знать: чего же вы, царевич, так усиленно добиваетесь?

– А именно? – прикинулся валенком я.

– Я спрашиваю не о том, что вы делаете по велению своего отца, нашего государя-батюшки, а о том, что вы делаете вместе со своими друзьями в, так сказать, свободное от дел время.

– Мои помыслы направлены только в вящей славе Русиматушки и нашего государя-батюшки, – спокойно ответил я, внимательно глядя на купца, отдавая ему на откуп наш разговор.

– Вот об этом я и говорил – об идеях и желаниях...

– А при чем здесь ваше внимание, Павел Никифорович? – немного грубовато оборвал я купца.

– Дело в том, Алексей Петрович, что мы тоже заинтересованы в таком богоугодном деле... – ответил мне купец, делая паузу, возможно, для того, чтобы я проникся возможными перспективами от совместного сотрудничества.

– Что ж, меня очень радует, что на Руси остались люди, радеющие о славе ее. Только вот при чем здесь я, уважаемый купец Золотой сотни?

– Как же так, царевич? Ведь вы, можно сказать, второй человек в государстве, – попытался возразить мне купец.

– Вот именно, что «можно сказать», – криво усмехнулся я.

Увидев мою реакцию, купец осознал свою оплошность и попытался ее загладить.

– Я хотел сказать, что вы должны быть вторым человеком в нашем государстве, – поправился он.

– Что вы этим хотите сказать, уважаемый? Вы подговариваете меня к непослушанию? – с изумлением спросил я его, не переходя при этом рамки дозволенного, чтобы не спугнуть заинтересовавшегося торговца.

– Нет, что вы. Я просто хотел сказать, ваше высочество, что мы могли бы помочь вам в реализации некоторых ваших планов.

– Что ж, помощь государству – это всегда хорошо, тем более безвозмездная, – с улыбкой ответил я, решив так просто не соглашаться на начальные условия нашего словесного контракта. Возможного контракта.

От моих слов купца Павла буквально передернуло, но он сдержался, уловив, что я говорю это несерьезно.

– Хорошо, конечно, хорошо, – поддержал он меня.

– Но?

– Но, к сожалению, у многих торговых людей не так много денег, чтобы их можно было дарить государству без ущерба для их дела, – смиренно закончил он.

– Так что вы тогда хотите, уважаемый Павел Никифорович? – наконец задал я ему вопрос, которого он так долго ждал.

– Сын обмолвился мне, что у вас есть кое-какие... хм... затруднения с деньгами...

– Да, это действительно так. Но Никола, по моей просьбе, не сказал вам главного.

– Как же так? – удивился заинтригованный купец.

– Все очень просто. Мне не хватает денег для воплощения в жизнь некоторых прожектов, в скором будущем обещающих дать неплохой барыш, но могущих погореть и оказаться пшиком, если их не поддержать на первом этапе становления. Я понятно объясняю, Павел Никифорович? – улыбнувшись, спросил я торговца.

– Куда уж понятнее, ваше высочество. Но чего вы хотите от меня? Денег едва хватает для того, чтобы товары до Архангельска и Санкт-Петербурга довозить и не опухнуть от голода, – сокрушенно сказал купец.

– Вы немного лукавите, Павел Никифорович, но речь сейчас не об этом. Я не собираюсь просить у вас деньги в рост. Я предлагаю вам создать товарищество по одному весьма выгодному делу, которое уже начато и почти запущено. Единственное, что осталось, это поддержать кое-какие поставки в течение полутора-двух месяцев и дождаться прибыли.

– Извините меня, ваше высочество, но мне почему-то мало верится, что человек просто так откажется от денег, идущих к нему, – недоверчиво хмыкнул отец Николы.

– А этого и не будет, Павел Никифорович. Все очень просто. Вы вкладываете половину от затраченной суммы в мой прожект и получаете чистую прибыль от производства в размере четверти, больше не вкладывая ни гроша.

– Интересно получается, ваше высочество: это какая же такая должна быть вкладываемая сумма, если целая четверть доходов будет отдаваться мне? – все так же недоверчиво спросил меня купец.

– Вклад не маленький, должен в этом признаться. О нем, если вы согласитесь, узнаете от сына, он у вас действительно дельным человеком растет, который, надеюсь, всегда будет при мне, – слегка прищурившись, сказал я торговцу.

«Умный поймет подоплеку, а дурак... Мне дурак не нужен, так что посмотрим, каков купец Павел», – усмехаюсь про себя.

– Естественно, никакой отчетности о расходах не будет?

– Конечно, не будет. Мне ли вам это объяснять, Павел Никифорович? – слегка покачав головой, говорю ему.

– Но все же четверть дохода...

Барьер недоверия треснул.

– Не все так уж и безоблачно, Павел Никифорович. Из этой четверти будут высчитываться деньги на сырье, так что чистыми вы будете получать, скорее всего, не больше одной седьмой части прибыли. Но могу с уверенностью сказать, что даже при самом скверном положении дел за пять лет вы как минимум вернете все свои деньги, – закончил я, смачивая горло глотком разбавленного красного вина.

– Да, действительно, не все безоблачно. Но думаю, что с удовольствием приму участие в вашем прожекте, ваше высочество, – наконец сказал купец, отрывая ножку запеченной утки. – В меру своих возможностей, конечно.

– Поверьте, вы не пожалеете о своем решении. Да и Николай много что сможет вам рассказать, – улыбнулся я, поднимая кубок. – Ваше здоровье, Павел Никифорович.

Для кадетов пока еще не существовало никаких авторитетов, они только начинали впитывать в себя, под внимательным приглядом наставников и учителей, все мои чаяния и надежды. А мне и нужны не только верные, но и думающие воины. Кадеты живо интересовались причинами наших поражений в идущей войне со шведами. Вот и сейчас встал вопрос о том, в чем была причина поражения наших войск под Нарвой в 1700 году.

Как я понял из сбивчивых фраз учителя-наставника витязей, он не мог сказать им, что государь неправильно подобрал командующего армией, дабы не навести на царя никакой тени.

«Что ж, похвально, коли Руслан Дмитриевич так заботится о репутации нашего государя. Надо будет потом с ним переговорить. Когда время будет», – сделал я себе зарубку в памяти.

– Похоже, я смогу ответить вам на поставленный вопрос, братья¹, – сказал я, вставая со своего места и направляясь к трибуне. – Итак, витязи, я много услышал вопросов от вас

¹ Брат – обращение витязей к любому из учащихя корпуса, будь то старший или младший кадет, а также обращение к

касаемо того, почему мы проиграли. Я прекрасно вижу, как больно вас задевают события тех черных дней, когда наши воины ложились в землю, не принося побед русскому оружию! Но это не повод для того, чтобы унижать и оскорблять их утверждением, что они плохие воины. Нет, братья! Другое дело, что выучка у них была недостаточная, из-за чего наш государь, Петр Алексеевич, и вынужден был пригласить на пост командующего иностранца, фельдмаршала фон Круи, сдавшегося Карлу сразу после начала сражения вместе со всеми высшими офицерами-иностранцами.

Также шведам сыграло на руку, что в тот день был сильный снегопад и наши солдаты не видели войск Карла до той поры, пока они не оказались перед самым носом, первым же броском захватив наши батареи и тут же воспользовавшись ими против наших воинов.

Так ответьте мне, кадеты: какая ошибка была самой большой в битве при Нарве с нашей стороны?

– Доверие к иностранцам? – спросил кто-то с задних рядов.

– Да, это одна из ошибок, но не она главная, Роман, не она. Кто-то еще желает сказать? – вновь спросил я аудиторию.

– Плохая разведка и охрана артиллерии? – спросили уже ближе к центру.

– И это тоже верно, но это частности. Что ж, не буду вас больше мучить, а уж тем более забирать ваше драгоценное время... – наконец сказал я кадетам, выдержав театральную паузу. – Главной бедой наших войск в том злополучном сражении была плохая подготовка не только наших солдат, но и офицеров. Ведь хорошего солдата можно обучить и за полгода, а хорошего офицера – не менее чем за пять лет. Далеко за примером ходить не надо, можно просто вспомнить, что из пятнадцати полков только три – Семеновский, Преображенский и Лефортовский, имеющие кадровый командный состав, – сражались до последнего и смогли отбить все атаки шведов. Сии воины, не показавшие спины врагу, достойны называться храбрейшими! Правда, должен заметить, что в последнее время выучка наших войск растет на глазах, и теперь никто не скажет, что русские солдаты не представляют угрозы.

Закончив свое выступление, я сошел с трибуны. Следом за мной на трибуну сразу же взошел преподаватель.

– Давайте поблагодарим его высочество за то, что объяснил нам причины и ошибки поражения наших войск в битве при Нарве...

Не успел Руслан Дмитриевич договорить, как аудиторию разорвали рукоплескания, в которых порой слышался залихватский свист, говорящий о том, что моя речь пришлась по душе молодым орлам будущей империи.

– Ну все, хватит, братья. Порадовались, и будет, у вас еще занятий на целый день, – попытался я оборвать начавшееся веселье.

Ага, сейчас! Не тут-то было! Видимо, мой приезд уже был праздником для ребят, все же, пусть они и были раньше одиночками, теперь большая часть кадетов начала чувствовать себя одним целым с этой непонятной организацией, дающей им столь много, в том числе и... новую семью!

– Думаю, можно дать ребятам пару минут передохнуть, Руслан Дмитриевич? – поинтересовался я у преподавателя.

– Я и сам только что хотел просить вас об этом, ваше высочество, – улыбнулся пожилой дворянин, не чурающийся обучать крестьянских детей.

Не мешая веселью кадетов, мы вышли в коридор и тут же уткнулись в небольшую дверцу, ведущую в личный кабинет преподавателя военной истории и тактики.

витязям, используемое наследником престола Алексеем Петровичем. *Старший брат* – обращение всех витязей к царевичу. – *Здесь и далее прим. авт.*

– Может, вы позволите мне переговорить с вами, Руслан Дмитриевич, в более спокойной обстановке? – спросил я его.

– Конечно, ваше высочество, прошу вас пройти в мой кабинет, – тут же согласился он, открывая дверь.

Стоит заметить, что каждый преподаватель и наставник имеет личный кабинет, который обустраивает только он, и только по своему вкусу, при этом в своем кабинете он и бог, и царь. Таково было мое условие для каждого из нанимаемых преподавателей.

Мало кто знает, что о человеке можно судить не только по его внешнему виду и мимике, но и по убранству его уголка, дома, места, где он отдыхает от тяжелых будней, по тому, что преобладает в комнате, какие именно вещи и где лежат. Да и по множеству других разнообразных признаков можно понять о человеке если не все, то многое.

Так и сейчас, зайдя в кабинет наставника, я первым делом заметил полный порядок, без лишних вещей, присущих «новым» петровским аристократам. Если бы можно было назвать дворянина аскетом, то Руслан Дмитриевич больше всего подошел бы на эту роль. Слишком уж много свободного места было в его комнате...

– Прошу вас, присаживайтесь, ваше высочество, – вырвал меня из дум хозяин комнаты, продолжая стоять рядом со своим креслом.

– Благодарю, – ответил я, усаживаясь в стоящее напротив стола кресло.

Следом за мной сел и преподаватель, положив руки на стол и внимательно смотря на меня.

– Не буду тянуть время и забирать драгоценные минуты у кадетов, поэтому сразу перейду к делу, если вы, конечно, не против, Руслан Дмитриевич, – поинтересовался я у учителя. – Дело в том, что витязям в скором времени – быть может, через год, а может, чуть больше – предстоит вступить в сражение. Я думаю, вы догадываетесь, с кем им предстоит сражаться. Поэтому я хотел бы, чтобы вы как можно больше внимания уделили вопросу современной тактики европейских держав, с рассмотрением их слабых сторон, естественно.

– Я постараюсь все рассказать кадетам, ваше высочество, но этого может быть недостаточно, – качая головой, сказал учитель. – Да и как быть с тем, что у нас попросту не хватает нужных знаний по этому вопросу?

– Я постараюсь решить данную проблему, а ваша задача – научить их всему тому, что они не только должны, но и обязаны знать! Я думаю, вы меня прекрасно поняли, Руслан Дмитриевич. Не буду больше отнимать ваше время, – сказал я, вставая с кресла. – Мне было интересно с вами пообщаться, наставник. Надеюсь, что мы сможем видеться как можно чаще, – искренне сказал я, прощаясь с хозяином кабинета.

– Мне тоже очень приятно, ваше высочество, – ответил преподаватель.

Следующим предметом, который я посетил, стало богословие с отцом Варфоломеем. Просидев половину урока, один из будущих витязей поднял руку и попросил разрешения задать вопрос, что, в принципе, не только не возбранялось, но и даже поощрялось. Вот только вопрос был адресован не отцу Варфоломею, а мне.

– Старший брат, – обратился ко мне один из будущих выпускников корпуса. – Разрешите задать тебе один вопрос?

– Конечно, витязь, спрашивай, я постараюсь ответить на него, в силу своих способностей, конечно, – с улыбкой ответил я ему.

– Меня зовут Олег Березин. Я хотел задать один вопрос, ответ на который можешь дать только ты.

– Спрашивай, Олег, вы все для меня младшие братья. Да, Демьян? – спросил я сидящего рядом с Олегом рыжего парнишку.

Тот, к кому я обратился, покраснел до кончиков волос. Одновременно с этим вся аудитория заулыбалась, вспоминая, как на одном из таких же уроков Демьян спросил, можно ли им бегать к молодым вместо некоторых занятий. На что и получил честный ответ: «Нет», после

чего я добавил, что если у них еще остаются силы думать о таком во время занятий, то, значит, их мало гоняют, и дал пару наставлений учителям корпуса. Но надо отдать должное кадетам, они не стали сильно обижаться на своего товарища. Только пару раз поговорили с ним на тему правильных вопросов и после подшучивали, вспоминая его желание.

– Нам батюшка Варфоломей говорит, что власть дана нашему царю-батюшке от Бога, и мы своею силой и верой должны поддерживать его во всем, стремиться быть нужными для нашей Руси-матушки. Но раз он как отец родной, тогда почему мы стали жить еще хуже, чем раньше, Старший брат? Почему мы должны умирать далеко от дома? Почему?

В глазах большинства мальчишек, которые в скором времени должны стать опорой России, застыл немой вопрос – желание узнать, почему так происходит.

Да, я знаю, что политика отца в отношении народа была крайне неверной, но при этом я и сам не видел, как еще можно было вытянуть Русь из ее отсталости. Еще я понял одно: если сейчас не дать им объяснения, то потом это станет гибелью всего того, что я создаю. Если сейчас эти витязи, пускай только часть их, не поймут, за что они сражаются, точнее, будут сражаться, значит, я вырыл для всей страны большую-большую яму, в которую она рухнет через десяток лет. Если, конечно, не принять контрмер. Но дело в том, что я не хочу принимать эти самые меры, я создал корпус для защиты, а не для того чтобы вырезать всех несогласных.

Глаза, глаза и еще раз глаза, смотрящие на меня, заставили мое второе «Я» выглянуть из глубин, заступая место веселого и добродушного брата. Я хотел только все объяснить и показать, для чего мы все это делаем. А скажите мне, как лучше всего это изложить? Как мне сказать им, что они должны умирать с именем царя на устах, пока в их домах творят зверства дворяне, пожелавшие всего-навсего развлечься? Как мне не солгать им, зная, что, пока у власти мой отец, в России будут господствовать свиньи в обличье людей, желающие разбогатеть за счет жизней своих же сородичей!

– Послушайте меня, мои братья! – начал я. Подождал, пока все шепотки смолкнут и в аудитории наступит полная тишина. – Я знаю, что всем нам сейчас живется нелегко, что нам было бы намного лучше, если бы большинства реформ моего отца не было вообще...

После этих слов у многих в глазах я прочитал искреннее изумление, но я не дал вылиться ему в начало обсуждения.

– Я не прошу вас умирать за непонятно что и кого. Вы все мои братья – не по крови, а по духу. Подумайте хорошенько, чего вы хотите от жизни? Быть может, вам хочется копаться в земле всю жизнь, получая тычки от хозяина? Смотреть, как на ваших глазах забивают до смерти близких и родных? Вы этого хотите?! Нет? Так в чем же вы сомневаетесь? Во мне? Нет, вы сомневаетесь только в себе! В своих силах. И это понятно, ведь вас очень долго убеждали в том, что вы не можете принимать решения и проводить их в жизнь. В том, что вы не властны над своей судьбой. Но я говорю вам: вы можете! Вы можете изменить к лучшему свою жизнь и жизнь своих близких, а значит, помочь России. Потому что и вы, и ваши близкие, и все мы вместе и есть Россия!

Секунда, другая – и аудитория, в которой было чуть ли не полторы сотни человек, взорвалась и ожила. Слова Старшего брата были всего лишь словами, но кто сказал, что словами они должны и остаться?

– И помните, что каждый из вас – это тот камушек на весах нашей силы, который поможет России стать не только сильнее, но и чище!

Потом я взялся за ручку двери и вышел из зала, оставляя за спиной вьюношей, чье мировоззрение еще не заволкло серым туманом бездействия и безнадежности, для которых пока еще существуют только два цвета: белый и черный.

Не теряя больше времени, я пошел к себе в кабинет, где лежали недописанные главы для дополнения учебника тактики...

Отдавшись труду, я совсем потерял счет времени, не заметил даже, как пропустил обед и чуть не «проспал» время своего отъезда, ведь все же ехать по лесу ночью не самое приятное занятие. Тем более что ночи становятся все длиннее, да и заход солнца с каждым днем все раньше и раньше, так что я и мои гвардейцы-телохранители начали собираться часа в три пополудни. Заранее так сказать, с небольшим запасом времени – мало ли какие неожиданности в дороге могут случиться?

Но, как это обычно бывает, мы смогли попрощаться с корпусом только ближе к половине четвертого.

– В гостях хорошо, но дома лучше, – сказал Павел, один из «молодых» гвардейцев, вскакивая в седло вороного жеребца.

– Это точно, а если учесть, что у нас дома еще дел по горло, то почему-то в гостях хочется задержаться подольше, – улыбнулся я.

– Настоящий мужчина не боится трудностей! – с пафосом ответил Павел.

– Но не ищет приключений на свое седалищное место, – добавил я, намекая на то, что некоторые мои гвардейцы сохраняют рыцарские понятия о жизни.

– Да ладно, ваше высочество, ведь я тогда действительно думал, что ее убивают! – покраснел Дмитрий, становясь на свое место в строю.

– Конечно-конечно, дружище, вот только когда она начала кричать тебе, что с ней все хорошо, то ты что сделал? – спросил со смехом я.

– Но я же должен был что-нибудь сделать! А руки у меня заняты были, вот и пришлось...

– Ага, а когда ее муж вбежал следом за тобой, он тебя чуть там и не прихлопнул за твое «вот и пришлось», – улыбнулся я, вспоминая тот забавный и комичный эпизод гвардейской жизни Дмитрия.

Но, как говорится, в этом деле нет особенной разницы, благородная дама или же крепостная: «друг» мужчины не разбирает, какая мадам, главное, чтоб она была!

– Ну что, пора выдвигаться? – спросил я своих друзей.

– Да пора бы уже, а то еще к ужину не успеем, – согласился капитан Нарушкин, натягивая поводья своего коня.

– Что ж, тогда тронулись.

Наша небольшая кавалькада приближалась к воротам корпуса, когда за нашими спинами мы услышали марш кадетов, сопровождающийся песней, если, конечно, ее можно так назвать.

Корпус витязей – это сила,
Мы служим России!
Кто-то скажет: они сопливы!
Тогда покажем, что мы едины.
И лучше б он полез в крапиву!
Быть может, ему и уши надерем!
А может, просто еще споем.

– Да, вот тебе и просвещенные воины, – улыбнулся Михаил Нарушкин.

– Да уж. Такого песнопения я, если честно, не ожидал, но так даже лучше, – сказал я. – Пусть ребята развлекаются.

За нашими спинами еще раздавались молодые голоса, но мы их уже не слышали, отдаваясь целиком и полностью скачке на прекрасных животных, которые достойны называться если не царями всех животных, то уж царевичами точно!

* * *

Октябрь 1707 года от Р. Х. Лесной хутор близ Рыльска

Год для ватаги бывшего стрелецкого десятника Корзня выдался неудачным. Удача покинула главаря банды или, быть может, та вольница на Руси, когда хоть немного удачливый разбойник с десятком «трудяг» за один год мог нажиться так, как не сможет ни один ремесленник в течение жизни, постепенно уходит?

Ответа на этот вопрос никто из «робингудов» не знал, они только чувствовали, что удавка постепенно стягивается все сильнее и сильнее, ведь рейды солдат по дорогам и лесам все учащаются. Все больше и больше деревьев украшают покачивающиеся трупы разбойников. Сети, раскинутые царскими отрядами полицаев и приданных им фискалов, сужаются, отлавливая десятки представителей «благородной» профессии. Вот эти пойманные «счастливчики» и сопровождают пустыми глазами обозы и караваны, еще совсем недавно бывшие для них желанной добычей.

Да, непросто найти управу на лихой люд, особенно здесь, на границе с Польшей, в которой шляхта до того привыкла к вольнице, что даже короля себе сама выбирает! Быть может, именно там Корзень со своими ребятами смог бы развернуться, вот только имелась одна проблемка: времени на то, чтобы закрепиться на новой земле, ему никто не даст. Но бывший десятник, ставший по воле судьбы главарем банды, не унывал: знал, что обязательно найдется работенка для пары десятков добрых молодцев. И пускай в руках вместо старого доброго бердыша фузея и плохенькие сабельки, добытые потом и кровью, они все равно грозная сила – такая, которая с легкостью берет торговые караваны и одиноких возниц!

Но былые воспоминания не могут заменить корки хлеба и радостного звона желтых монет! «Пора идти на поклон», – решил наконец Корзень, несильно ударяя по столу кулаком. Как бы ни претило это голове, но приходится.

Вот уже пятый год Корзень был главарем небольшой, но крепко спаянной ватаги, пугающей окрестные земли своей яростью и жестокостью. Правда, все это относилось только к тем случаям, когда главный разбойник ватаги был стопроцентно уверен в успехе или когда информацию ему подкидывал его «благодетель», всегда берущий за вовремя сказанное слово половину прибыли. Да, много, а что делать? Тем более что этот барин всегда предупреждал своего «компаньона» об очередном рейде царских солдат. «А как тут не предупредишь, коли чистый барыш с нас имеет и не морщится», – зло подумал Корзень.

Однако только Корзень накинул свой лучший сюртук, снятый с какого-то проезжего чиновника, как со двора донесся лай собак, следом за которым последовал негромкий разговор, после чего тишину дома головы нарушили шаги подкованных сапог.

Оставаясь сидеть на месте, Корзень все никак не мог понять: что же такое произошло, если *сам* решил заглянуть в его скромную обитель? Такое случалось нечасто, точнее, всего два раза. Первый, когда Корзень познакомился со своим партнером и получил примерную карту этих земель и кое-какое оружие – естественно, под оговоренную сумму. И второй раз был года три назад, когда *сам* приехал для того, чтобы навести Корзня с его молодцами на одного боярина.

– Эх, хороша тогда добыча была! А дочка его – м-м-м! – чуть слышно произнес Корзень, вспоминая тот рейд под Воронеж.

– Чего ты тут мычишь? – слегка небрежно сказал вошедший в комнату к голове ватаги человек, засыпанный снегом с головы до ног.

«Видно, погода и вправду разыгралась», – подумал Корзень.

– Это я так, – замылся голова бандитов. – Чего изволит ваша милость? Может, вина? У меня еще осталось недавнее заморское.

– Давай, коли есть, – небрежно согласился гость.

Опустив руку под стол, Корзень через пару мгновений вытащил запыленную бутылку темно-зеленого цвета. Пара бокалов, непонятно как оказавшихся в этой избе, уже ждала в центре стола. Не дожидаясь дальнейшего приглашения, стрелецкий десятник быстро и умело разлил в бокалы вино и поставил бутылку на край стола дожидаться своей участи.

– Неплохо, – удивленно сказал гость десятника. – Честно скажу: не ожидал, не ожидал. Видать, хорош караван-то был?

– Неплох, ваша милость, – ушел от прямого ответа Корзень. – Правда, Олега с Федотом охрана положить успела...

– У тебя людишек и так хватает, – без сожаления сказал гость. – Я по делу к тебе пришел...

– Кто бы сомневался, – против воли Корзня сорвались с языка едва слышные слова.

– Поговори мне еще! Или хочешь воронам пир устроить? Смотри, ведь можно и это устроить! – нахмурился гость головы банды.

– А вы меня не пугайте, ваша милость, мы здесь и так под Богом ходим, так что нас особо не запугать, – не поддался на провокацию Корзень.

– А я и не собирался пугать, Корзенюшка, я просто говорил, что может случиться, если кто-то вовремя не получит пару словечек от проверенного друга...

– Хорошо-хорошо, я понял. Так что там надо сделать? – смирился Корзень с участью наемника.

Вот только почему в месте чуть повыше сердца остался неприятный холодок, указывающий, что не все так просто? Такое уже было пару раз у стрелецкого десятника. В первый раз во время второго похода на Азов, когда его должны были отправить на работы по укреплению лагеря, а чисто случайно забрали его сослуживца, который и отдал Богу душу в тот же день от удара одного из янычар.

Второй раз неприятный холодок был, когда ему предложили идти в Москву к царю челобитную подавать. Но и в тот раз десятнику Корзню повезло: он лежал с простудой, забравшей все его силы на неделю, а потом еще пару недель ему пришлось отходить от последствий болезни. А через месяц десятник узнал, что стрельцы взбунтовались, да вот только управа на них быстро нашлась. После этого сразу же начались аресты и допросы. Хорошо хоть Корзня не было рядом со столицей, иначе не выбраться бы ему из холодной².

– Есть человек, который ездит по одному маршруту каждый месяц, необходимо его пощипать...

– А потом отпустить? – наивно спросил Корзень.

– Нет, вот отпускать его не надо, надо как раз успокоить его, раз и навсегда. Я понятно объясняю?

– Конечно, ваша милость, куда уж понятней.

– Тогда держи.

Гость передал в руки Корзня свиток.

– Что это? – не открывая, поинтересовался глава банды.

– Открой.

В переданном гостем свитке была нарисована карта местности с отмеченной на ней дорогой и примерным маршрутом поездки неугодного его милости человека.

– Но это же за триста верст отсюда, ваша милость, если не больше...

² Холодная – камера заключения.

– Пятьсот, если быть точным, но вас это не должно касаться. Вскоре подойдут подводы, вы загрузитесь в них, и вас доставят в нужное место без хлопот и забот. Деньги за дело ты получишь сейчас, а как закончите, еще половину от этого плюс к ним все, что найдете на телах.

– Вы же сказали, там один человек? – нахмурился Корзень.

– Если бы все было так просто, то и ты со своей ватагой не понадобился бы. При нем еще человек восемь-десять ездит, так что думай, что да как.

– Ясно, ваша милость.

– Вот и хорошо! Смотри, не разочаруй меня, Корзенюшка, у меня разговор короткий...

– Конечно, ваша милость!

– Жду от тебя весточки. Хотя не надо: думаю, я и так все узнаю. А теперь прощай. И смотри, чтобы дело выгорело!

– Конечно, ваша милость, – вновь повторил Корзень.

Гость головы вышел на улицу, тут же в сопровождении охраны отправившись по восточной дороге, оставляя между собой и хутором разбойников все большее расстояние.

– Голова, там паренек к тебе, – без стука вошел первый помощник Корзня.

– Веди, – устало сказал главарь.

Через минуту перед столом стоял юноша весен семнадцати.

– Я провожу вас по пути, чтобы на солдат не напороться, – первым делом сказал юноша главарю.

– Когда нам собираться? Когда будут подводы? – спросил Корзень.

– Через пару дней подойдут.

– Что ж, время есть...

* * *

Ноябрь 1707 года от Р. Х.

Рязань

Алексей Романов – Иван Пестерев

Как обычно бывает, многое в жизни непонятно и неясно, даже не беря в расчет душу такого существа, как женщина. Про них разговор особый, частенько заканчивающийся для спорщиков головной болью и продолжающимся, как и встарь, непониманием. Ну да ладно, оставим премудрости философам и примемся за более легкие задачи.

В последнее время, просыпаясь, я все чаще начинаю прокручивать в голове те мысли, которые навевают сновидения. Причем надо заметить, у меня никогда (то есть в той жизни) не было снов – ни плохих, ни хороших. Словно стоял барьер, который запрещал им появиться у меня в голове. Хотя, может, дело во мне? А впрочем, чего гадать? Что было, то было, сейчас же передо мной с каждым новым сном открываются все новые горизонты для просторов мысли.

Одни сновидения не дают никакой полезной информации, другие заставляют немного по-другому смотреть на вещи в мире. Вот и сегодня мне снилось что-то в этом роде. Правда, назвать приятным то, что мне снилось, я бы не решился, но вот смысл в этом выверте мозга был однозначно...

В темной комнате квартиры я сижу в кресле и внимательно смотрю в телевизор. Идет передача. Силуэты меняют друг друга, даже не успев замереть на месте, но в конце концов один из режущих глаза кадров замер на месте, давая зрителю оценить всю обстановку целиком.

Стоит памятник воинам, погибшим во Второй мировой войне, а вокруг него, словно сытые удавы, стальные тросы, пружиня и дергаясь, начинают его наклонять, до того момента, когда он уже сам начинает заваливаться.

Солдат в шинели, сжимающий в руках ППШ, медленно наклоняется и падает, ломая ствол своего оружия. К нему подлетают молодые пацаны с ломами и начинают усиленно, с каким-то яростным азартом долбить его. Хотя ломы в их руках не причиняют ему вреда, мое сердце сжимается от боли, видя, как потомки тех людей, которых спасли русские воины, издеваются над нашей памятью, втоптывая в грязь нас самих.

Кадр меняется, и теперь на фоне упавшего воина стоит бритоголовый паренек в черной куртке, с красной повязкой на рукаве, на которой изображена свастика. Он с улыбкой говорит о таких вещах, которые мне и в кошмарах не могли присниться.

Я сидел и стонал, но не от боли, а от ярости, переполнявшей меня.

Пара свечей тлела в моей комнате, слегка освещая ее. Сон и явь смешивались, погружая меня в какую-то дремоту. Однако я по-прежнему ощущал, что не сплю, но и не бодрствую. После воспоминания о сломанном памятнике перед моими глазами поплыли новые картинки видений. Скорость их пролистывания возрастала с каждым мгновением, пока не появилась картинка с пылающим городом, из руин которого чадил тяжелый дым. Изображение замерло и поплыло, увеличиваясь с каждой секундой до того размера, когда все можно прекрасно рассмотреть, но дотянуться, увыв, нельзя.

Город пылал, разрушенные дома стояли по всему городу, в этом аду уже не осталось ни одного целого здания, всюду были видны воронки взрывов. По стенам домов змеились трещины, готовые того и гляди обрушить едва стоящие обломки бетонных сооружений. Груды металла валялись искореженными изваяниями, давным-давно выгоревшие дотла, ставшие братской могилой сотням солдат, заживо сгоревших в этих монстрах.

Холодный пот заливал мне глаза. Наконец мне удалось избавиться от наваждения. Руки сжимают подлокотники кресла с такой силой, что я не чувствую своих пальцев. По спине течет ручеек пота, а в голове до сих пор стоят картины возможного будущего.

«У меня есть выбор...»

«Да нет у тебя выбора, и ты сам об этом знаешь!» – хотел закричать я, но не мог, четко понимая, что все мои слова уйдут в небытие, которое никогда не должно наступить.

– Такого будущего не будет! Не будет...

«Сон, спасительный сон». Глаза закрываются сами собой, погружая меня в сладостное забвение.

Проснулся я оттого, что по лицу мазнул лучик солнца, пробив брешь в сладостном забвении. Новый день, новые свершения. Жаль только, воспоминания о кошмарах никуда не делись, хотя, быть может, оно и к лучшему: о таком надо помнить.

Между тем, несмотря ни на что, солнечный зайчик играет на стене, отражаясь от клинка моей шпаги, мерно покачивающейся на подставке, словно непонятная неваляшка.

– Пора вставать, – наконец сказал я сам себе, отводя взгляд от скачущего по стене зайчика.

Перед кроватью около изголовья лежит одежда – чистая, выглаженная и ко всему прочему надушенная. Не сказать, конечно, что мне не нравится, но все же одно дело, когда запах едва уловим, а совсем другое – когда он разит лучше шпаги. Определенно, сия мода мне не нравится!

– Надо бы Никифору намекнуть, что усердие – это, конечно, хорошо, но вот слишком уж перегибать палку не стоит, – поставил себе зарубку в памяти.

Облачение в одежды заняло минут десять, все же всякие рюшечки очень мешают, но ничего не поделаешь – мода! Привычно пристроив ножны с саблей на правом бедре (я же левша какникак), взял со стола маленький колокольчик.

– Чего изволит ваше высочество? – спрашивает Никифор, кланяясь.

– Ко мне друзья не приходили? – спросил я, продолжая одеваться, точнее обуваться.

– С самого утра в гостиной, куда вы и велели провожать всех ваших друзей, вас ожидают Николай Павлович, Александр Федорович и барон Либерас.

– Прикажи подать завтрак.

– Сей же час будет исполнено, ваше высочество.

Вновь поклон, вижу спину Никифора.

Когда камердинеру оставалась пара метров до двери, я вспомнил, что сегодня мы собирались съездить в Петровку, где недавно закончили строить здание под литейную мастерскую.

– Никифор, подай совсем легкий обед, нам скоро выезжать.

– Как угодно вашему высочеству. Может, вам с собой собрать немного?

– Отлично, так и сделай.

Не дождавшись больше никаких приказов, Никифор вышел. Следом за ним вышел и я. Не доходя до гостиной, услышал голос Сашки.

– ... А я говорю, не надо этого делать! У нас и так дел больше крыши, еще и такую махину на себя взваливать! Тем более что Мишка детали не говорит, только ценами приблизительно бросается!

– А тебе никто не предлагает все самому делать, ты своими барашками и овечками занимайся, – спокойно сказал другой голос, судя по интонациям, специально зливший молодого помещика.

– А ты что-то имеешь против их разведения?!

– Прекратите! – зашел я в комнату. – Одно дело делаем, так что не кидайтесь друг на друга.

– А мы и не кидаемся, правда, Саша? – подмигнул другу Николай.

– Конечно, Никола, – ответил граф, смотря на него волком.

– Вот и ладненько. А теперь скажите: из-за чего ссора произошла? – уселся я в свое любимое кресло.

– Да вот, – кивок в сторону, – было предложение от Михаила.

– И какое же предложение? – поинтересовался я.

– Он сам скажет, если вы не против, конечно, – передал эстафету Николай.

– Так вот, о чем я хотел сказать. Отец недавно побывал в Генуе и, приехав, рассказал, как там живут их купцы, во что деньги вкладывают и много чего еще. Но не это главное. Он рассказал мне о том, что у них распространено свои деньги хранить не в котомках и закромах, а в одном месте, они его банком кличут. При этом сам банк может с этими деньгами что хочет делать, точнее, люди, которые владеют им...

– Бреешь, – безапелляционно заявил Сашка. – Не могут люди просто так давать свои деньги, да к тому же еще позволять, чтобы их без ведома владельца тратили!

– Там не все так просто. Сами деньги, лежащие в банке, хранятся в целости и сохранности, к тому же владелец может их забрать когда угодно, если, конечно, договоренность такая есть. И кладут их туда не просто так: там за определенный промежуток времени им поступает барыш, и чем больше денег положил купец, тем больше барыш.

– И что? Откуда у банка, как ты говоришь, деньги на то, чтобы выплачивать этот самый барыш? Ведь деньги-то сами не плодятся!

– А вот тут самое интересное и начинается! Банк сам занимается теми делами, которые приносят барыши. Строит, продает, покупает и в долг дает! – победно закончил Михаил.

– Предложение, конечно, хорошее, вот только есть один вопрос, – сказал я, обрывая готовую сорваться с губ Александра речь. – У нас нет денег на создание банка и его последующее поддержание, ведь даже я, толком не разбираясь и не вдаваясь в подробности, могу сказать, что эта затея дорого обойдется, прежде чем пользу сможет принести.

– Можно сделать так, что не понадобится вкладывать сразу много денег. Просто надо собрать кое-кого из купцов, хотя бы десяток, и сделать им предложение основать, совместно с

государством в твоём лице, ваше высочество, товарищество, как было сделано до этого с моим батюшкой, – серьёзно сказал Николай.

– Для такого мероприятия нужно согласие отца. Да и сравнивать железодельный завод и банк несерьёзно, – сказал я.

– Нельзя забывать про чиновников... – вставил барон.

– Да, Артур тут прав: чтобы первое время банк держался, надо следить за ним, как за младенцем, пылинки с него сдувать, – согласился я с датчанином.

– Так никто и не говорит о том, чтобы завтра уже все это сделать. Времени для обдумывания и планирования устройства банка потребуется немало, – сказал Михаил, умоляюще глядя на меня.

– Хорошо, начать вы можете, – согласился я. – Но дальше посмотрим, сможем ли мы осуществить задумку или стоит отложить её в дальний уголок.

Идея, конечно, хороша, вот только мало понимают друзья, чего стоит наладить всю эту систему. Пускай я сам в этом ни в зуб ногой, однако кое-какие представления все же имеются, так что браться за это дело или нет, решим чуть позже.

– Пора в корпус съездить, тем более что пришли вести от архитектора. Он пишет, что здания для литейщиков уже готовы. Да и посмотреть, как дела у Димы идут, тоже не мешало бы, а то уже скоро и фузею отцу показывать надо будет...

– Кузьма собирался съездить, – сказал Сашка.

– Он там и так пропадает днем и ночью, науке воинской обучает, – хмыкнул Артур.

– Вот и правильно, пусть витязи опыт у него перенимают, все же лучше, чем на своих ошибках учиться, – с улыбкой сказал я.

– Да и я давай с тобой съезжу, заодно на обратном пути и поместье свое посмотрю, – сказал Сашка.

– Тогда пошли за Кузей. А как он приедет, сразу же выезжаем.

– Хорошо, – поднялся помещик с места.

– Занимайтесь своими делами, друзья, вскоре увидимся...

Выехал я в сопровождении шестерых гвардейцев под командой капитана и двух друзей, оживленно обсуждавших прелести какой-то боярской дочки.

* * *

Ноябрь 1707 года от Р. Х.

Алексей Петрович – Иван Пестерев

Дорога в Петровку

Выезжая из Петровки после очередного посещения, мы оставляли за спинами дымящие трубы пятиэтажной казармы и громыхающую мастерскую Дмитрия, в которую вместились кузница, оружейная и токарня разом.

К моему удивлению, дорога, по которой мы ехали, хоть и не отличалась комфортом, была проходима, даже больше скажу – проезжаема, что в сезон прошедших дождей и заморозков просто невозможно. Но, к нашей общей радости, это было так.

По дороге в Рязань разговаривали о многих вещах. В основном, правда, о корпусе и постройках – строящихся и тех, которые только планируются. О том, каких мастеров пригласить на работу в литейку – простые нам не нужны, уровень не тот, а именитых привлечь непросто. Вот и получалось, что задумки грандиозные, а авторитета не хватает – кто бы мог подумать! Все же деньги не все решают в этой жизни, вот наглядный пример данной истины!

Хотя почему я решил, что простые мастера нам не подойдут? Ведь тот же самый Левша, знакомый с детства герой Лескова, пускай и был именитым рукодельником, в Туле казался

всего лишь ремесленником. Так что надо просто искать! Но как? Кто захочет бросить свои дела и пойти ко мне на работу? Глупость! Пойдут многие, и с удовольствием, ведь явно не копейки буду платить. Вот только как сделать так, чтобы шли нужные? Чем привлечь? Ведь наверняка попадутся прохвосты! Да, задача...

Может, какой-нибудь кастинг устроить? А что, свежо и ново. Особенно когда сам будешь его проводить, даже требуемых параметров не зная! Не говорить же о таланте и желании? Ладно, надо друзей поднапрячь, авось чего надумают. А пока пусть рязанские мастера поработают, может, они и сами смогут с моими задачами справиться. Все же земля Русская богата на умельцев, хотя и дураков хватает.

– Что-то мне не нравится эта тишина, ваше высочество, – тихо сказал мне командир гвардейцев, когда мы ехали глубоко в лесах Рязанщины.

– А что ты хотел, Миша, чтобы в ноябре здесь птички пели? – улыбнулся Кузьма, плотнее укутываясь в тулуп, предусмотрительно взятый с собой.

– Да нет, Миша прав, что-то тихо совсем. Сюда ехали, не было такого, – слегка нахмурился Сашка.

– Именно? – поинтересовался я.

Все же наши поездки уже стали чуть ли не еженедельными, так что дорога, пусть она и пролегает в лесу, для меня оставалась всего лишь дорогой.

– А ты не замечал ничего, когда до этого здесь ездил? – спросил Аркадий.

– Да нет, я, если честно, все больше о проектах думал, – слегка смущенно признался я.

Все же расслабляться и вправду не стоит: я же все-таки наследник престола, мало ли кому что в голову взбредет, да и лихих людишек в моих землях еще не до конца извели.

– Просто обычно здесь не так тихо, все-таки Мещера как-никак, – сказал помещик и тут же себя поправил: – Она, конечно, расположена левее, но этот лес тоже не пустует, а сейчас здесь и вовсе тихо. Как будто вымерли здесь птицы со зверьем...

– Да им в такую погоду из норы и нос, точнее клюв, показывать не шибко охота! – сказал Кузя.

– Да не в этом дело...

Договорить Баскаков не успел. Рядом с нами раздался треск поваленного дерева, спереди и сзади нашего отряда упали две сосны, перегораживая дорогу и лишая пути к отступлению. Тут же замелькали людские силуэты, кое-где виднелись и рогатины с бердышами.

Гвардейцы тут же, как по команде, окружили меня, сразу начав сворачивать с дороги. Со стороны сосен показался пяток стрелков с уже зажженными фитилями пищалей. Не рискуя понапрасну, капитан с подчиненными оттеснили меня с друзьями в лес, где была хоть какая-то защита от стрелков противника, а сами выпрыгнули из седел и выхватили заряженные пистолы. Первое ошеломление от нападения прошло, и теперь гвардейцы, натасканные капитаном Нарушкиным, занимали удобные позиции за деревьями. Жаль только, что было их, вместе с самим Михаилом, всего шестеро.

Действия разбойников, тут же разбившихся на пятерки, говорили о том, что ватага как минимум сбита и имеет преизрядный опыт. Отсюда получается, что разбойнички-то пришлые... Правда, назвать их разбойниками у меня язык не поворачивался: слишком у них был ухоженный вид, да и все те действия, что они совершали, были больше похожи на действия солдат, пускай и несколько неорганизованных.

Стрелки разбойников уже успели сделать первый залп, хорошо хоть неудачный, если, конечно, так можно сказать о потере двух коней.

«Хорошо хоть скорострельность у них аховая», – мелькнула у меня мысль за секунду до того, как сзади нас раздался новый залп, правда, хиленький какой-то, всего из трех пищалей.

– Неплохо они подготовились, гады! – в сердцах сплюнул один из гвардейцев, кажется, Сергей Дубков.

– Ничего, мы тоже не в лаптях ходим, – ответил ему долговязый гвардеец с редкими серыми волосами, свисающими из-под треуголки.

– Всем заткнуться! – скомандовал капитан, после чего развернулся ко мне и добавил: – Ждем указаний, ваше высочество.

– Капитан, кажется, это вы мои телохранители, а не наоборот, так что вам и принимать решение, только не забывайте о том, что мы тоже кое-чего стоим, – с удивлением ответил я Нарушкину, справедливо не желая лезть в ту сферу деятельности, в которой я, вынужден признать, мало понимаю.

– Тогда нам необходимо прорываться, – тихо сказал капитан, оборачиваясь к солдатам. – Держать пистолы наготове, после выстрела сразу же в атаку, пока они не опомнились! – отдал команду командир гвардейцев и первым пошел на прорыв. Благо разбойников было не так много, как нам показалось вначале, всего пара десятков, да и то разбитые на две неравные части – одна сзади, другая спереди.

Помня о том, что у нас имеется только по одному выстрелу, мы не спешили разрядить пистолы в молоко. Так что, рывком сократив расстояние до бегущих к нам разбойников, разом выстрелили, свалив пятерых. Но и голова ватаги не был новичком, придержал пару выстрелов до последнего момента.

Два хлопка слились в один. Рядом с виском пролетает пуля, я поворачиваюсь, отвлекаясь на мгновение от сражения, вижу, как падает на пожухлую траву один из гвардейцев, держась за горло, из которого толчками вырываются алые струйки. Вторая пуля влетела в ствол какой-то сосенки, расщепив часть дерева.

– Уходите, ваша милость! – крикнул Михаил, перегораживая путь сразу трем разбойникам и давая мне возможность для бегства.

«А что, может, и впрямь?.. Всяко моя жизнь подороже будет, я ведь царевич...» – подленько зашептало мое альтер эго. «Ага, щ-щаз-з-з!» – лаконично и остроумно ответил я ему, вытаскивая из ножен саблю, давно и с успехом вытеснившую шпагу из разряда моего любимого холодного оружия, и вставая рядом с Михаилом.

Никаких высокопарных слов никто из нас, а уж тем более из разбойников, не говорил, только звон клинков и тяжелое дыхание сражающихся, да иногда легкий шелест стали, входящей в горячую плоть, нарушали тишину.

– Уходите! – вновь не выдержал Михаил, отталкивая меня и бросаясь на разбойников вместе с оставшимися тремя гвардейцами.

Тело молодого воина, отдавшего за меня жизнь, лежит в десятке метров, разрубленное почти надвое, а рядом с ним стоит на коленях возле лежащего с дыркой в боку разбойника молодой паренек лет пятнадцати от роду.

– Уходим, Алексей!

Кузьма схватил меня за руку, одновременно прикрывая меня своей спиной и пытаясь уволочь дальше в лес, но не тут-то было. Я по-прежнему стоял на месте, отражая удары пары разбойников, один из которых тут же упал с рассеченной головой – все же уроки фехтования не прошли для меня даром, кое-какие навыки получены. Постепенно выучка гвардейцев сделала свое дело, и, отражая атаки оставшихся разбойников, мы смогли уравнять наши шансы. Против нас шестерых остался всего один десяток, но у каждого из гвардейцев, в том числе и у капитана, были раны. Долгий бой они бы не выдержали.

К нашему счастью, превосходство в численности сыграло с разбойниками дурную шутку. Они не удосужились перезарядить пищали, и поэтому уже через пару минут от десяти работников ножа и топора остались всего семеро. Увидев, что появился шанс для прорыва, мы бросились на врагов. Куда мы прорывались? Да не в лес точно, ведь в лесу-то особо не побегаешь, только заплутаешь. Так что пришлось нам двигаться в сторону недавней баррикады, точнее засеки, сейчас являющейся нашим единственным спасением.

– Курвы, вы что, совсем ума лишились?! – орал главарь, видя, что его люди беспрепятственно пропускают нас к баррикаде: видимо, потери этого вшивого отряда были не в пример больше, нежели обычно, поэтому и часть разбойников была растеряна и деморализована.

– Быстрее, закройте *его!!!* – кричит Кузьма, первым бросаюсь ко мне.

Толчок в плечо, и я падаю, легкий озноб прошел по телу. Слышу топот ног за спиной, но это же свои...

«Что такое?! Почему я не могу идти? Может, зацепился? Нет, ноги свободны...» – вопрошал я сам себя, не понимая, почему я не могу преодолеть последние метры до баррикады, да и голова стала в десятки раз тяжелее.

Сила почему-то стала вытекать из моего организма, словно весенний полноводный ручей с вершушки холма. Но я не успел упасть на колени – четыре руки подхватили меня и перенесли за стволы деревьев. Последнее, что слышу, – радостные крики со стороны разбойников, сменившиеся хрипом и звоном клинков.

«Кажется, все...» – наконец понял я.

Глава 4

Середина ноября 1707 года от Р. Х.

Алексей Романов – Иван Пестерев

Чувствую, как по телу скользит легкий прохладный ветерок...

«Стоп! Я жив? – единственная мысль пронеслась в моей голове. – Неужели мы отбились?»

Надо кого-нибудь позвать».

Но сказать – одно, а вот сделать – совершенно другое. Глаза не открываются, наотрез отказываясь подчиниться, язык только вяло ворочается, царапая пересохшее небо. Пытаюсь поднять руку – ага, сейчас. Какая рука, если даже язык еле слушается, как я ни стараюсь.

Подумал и решил пока ничего не предпринимать, тем более что при нынешнем моем состоянии это очень даже превосходно получается.

Мысли переплетались и накладывались одна на другую, не давая сосредоточиться, постоянно сбивая с чего-то важного – так мне, по крайней мере, казалось...

Я лежал уже больше получаса, а может, и сутки – увы, но счет времени я потерял. Ведь когда ничего не делаешь, минуты кажутся часами. Сил на то, чтобы открыть глаза, не было, но, к моему счастью, мой язык понемногу начал отходить и теперь уверенно ворочался по моему желанию, вот только по-прежнему не желая что-либо говорить.

Внезапно повеяло сквозняком, и я услышал голоса, отозвавшиеся звоном в моих ушах – чересчур они были громкими. Или мне так кажется?

– Батюшка, он лежит так уже вторые сутки, вы должны ему помочь! – больно резанул меня тенор говорившего человека.

Сашка! Точно он! Значит, мы все-таки отбились!

– Сын мой, я делаю все возможное, и не надо мне указывать, как помогать рабу Божьему! Казалось, святой отец готов был сорваться на крик, но сдерживал себя.

– Это ты раб в рясе!

– Да как ты смеешь, богохульник?! – взвизгнул священник.

– Да что вы делаете?! Вы его только молитвами и обихаживаете! – вставил еще один знакомый голос.

Кузьма!

– Все в воле Божьей!

– А если я сейчас пушу твою церквушку на костер, это тоже будет в руках Господа?!

Ярость Александра постепенно росла, уж это я уловил в его голосе точно. Видимо, сей разговор ведется явно не пару минут.

– Ты не посмеешь! А если сей молодой человек будет достоин, он выживет...

– Что?! Ты... Да как ты... – Казалось, от негодования Сашка сейчас задохнется. – Мы забираем его, сейчас же.

– Ему нельзя никуда двигаться еще как минимум дня два, – спокойно ответил священник.

– Значит, я привезу нормального лекаря!

– Делайте как хотите, но этот человек будет лежать еще как минимум пару дней.

– Хорошо, но когда...

Я не успел услышать окончание фразы, провалившись в небытие...

Вновь придя в себя, первым делом почувствовал, что лечу на чем-то движущемся, а мое лицо приятно щиплет легкий морозец. Сделав над собой усилие, открываю глаза, но тут же зажмуриваюсь от света, больно резанувшего по ним. Вяло шевелю языком в надежде что-нибудь сказать...

– Друзья, – едва слышно шепчут непослушные губы.

Казалось бы, меня никто не мог услышать. Ан нет, через секунду рядом со мной сел человек.

- Алексей, ты жив?! – голос говорившего переполняли радость и надежда одновременно.
- А ты как думаешь? – ответил я ему слегка хриплым и квелим голосом.
- Ну и слава Богу! – выдохнул Кузьма.
- Расскажи...

Единственное слово, на которое у меня хватало сил, сорвалось с моих губ, но Кузьма все понял правильно и начал рассказывать.

Выяснилось, что как только меня ранило в голову брошенным главарем ватаги кистенем, банда еще раз попыталась нас атаковать, но, после того как пали еще трое разбойников, их пыл окончательно угас, и они отступили, уйдя в неизвестном направлении. Меня же на носилках, сооруженных из подручных материалов, сразу понесли в ближайшую деревушку, до которой была пара верст чуть в сторону от основной дороги в Петровку.

Привезя меня, Кузьма с Сашкой тут же отправили вестовых в корпус и Рязань, сами же остались дежурить около меня, охраняя непонятно от чего. Через десять часов в деревню влетели два десятка оставшихся в Рязани гвардейцев, вместе с которыми прибыли Артур с Николаем, привезшие лекаря. Но отдавать меня местный священник отказался наотрез, и в результате я провалялся в той деревеньке чуть более трех суток, а теперь ехал обратно в Рязань.

– Вот, собственно, и все, – закончил свой рассказ Кузьма.

– Кажется, нам предстоит много работы, друзья? – спросил я своих соратников, подьежавших к моей повозке и внимательно глядящих на меня.

– Конечно, Алексей, мы найдем этих... А как же... – вразной ответили четыре моих друга.

– А вам не показалось, что они были слишком уж хорошо организованы и вооружены? – спросил я товарищей. – Вон даже пищали у них были; пускай и старенькие, но ведь были же...

– Эта мысль не дает нам покоя уже какой день, вон и капитан тоже так думает. Да только, ваше высочество, у нас нет и намека на то, кто это мог быть. В последнее время мы перешли дорожку многим: одно то, что ты с государем-батюшкой помирился, дорогого стоит, не говоря уже про все остальное. Да-да, не смотри на меня так, ты и сам прекрасно знаешь, что, пока ты в ссоре с отцом был, многие были в выигрыше, теперь же... – Николай многозначительно развел руками.

– Ну почему же нет? Вот, к примеру, что это дезертиры, отбросим сразу же, плюс ко всему они явно не местные, потому что разбойников в том районе вывели уже почитай как полгода.

– Знать бы еще, в каком именно месте этих «работничков» искать... – с сожалением сказал Михаил, сжимая эфес шпаги.

– А вот это, увы, нам пока неизвестно. Но, я думаю, мы с этим что-нибудь придумаем, благо у нас теперь время есть, – устало прошептал я и провалился в забытье.

– Надо что-то... – как из-под воды донеслось до меня.

* * *

*Декабрь 1707 года от Р. Х.
Алексей Петрович Романов
Родимый дом*

Глаза упорно не желали открываться, хотя я чувствовал, что уже выспался. Но человек такое животное, что перед ним мало кто может устоять, не говоря уже о собственном организме, и через пять минут боя с самим собой я таки смог открыть глаза.

Мое брненное тело покоилось в спальне дворца, вот только кроме обычных вещей здесь стояло блюдо с какими-то тлеющими травами или сеном – я что-то не совсем разбираюсь в этом. Одно знаю точно: запах их был приторно-горьковатым. В принципе, конечно, можно было бы полежать в кровати еще несколько часов, но мое внутреннее «Я» столь бурно протестовало по поводу столь бездарного времяпрепровождения, что лень волей-неволей ушла, обиженно насупившись, в самые глубины разума.

«Да вы, батенька, трудоголик!» – поздравил я себя, улыбаясь.

В отличие от предыдущих попыток, новая оказалась успешной. Ранее неподконтрольные мне руки смогли пошевелиться, и уже через полчаса мытарств мне удалось встать с постели. Вот только полностью одеться не успел, потому что в этот момент ко мне в комнату вошел барон Либерас в сопровождении молодой прелестной девушки лет восемнадцати, а может, и чуть меньше. Невысокого роста, чуть больше метра шестидесяти, с русыми, слегка завивающимися волосами и прелестными карими глазами, смотрящими на окружающий мир с детской непосредственностью.

Они шли, тихо переговариваясь, и не замечали меня до самого последнего момента. Да и хорошо, что так, а то ведь и без порток стоял бы перед девушкой. Стыдоба!

– Ваше высочество, вы уже встали? – удивился барон, глядя на меня.

– Да, Артур, как видишь, – ответил я, улыбаясь: слишком уж забавный вид у него был.

– Я же говорила! – победно произнесла девушка.

– Да, да, конечно, извините, что я не поверил, – ответил барон девушке.

– А в чем дело? – спросил я барона, при этом продолжая рассматривать девушку, щеки которой под моим взглядом слегка разругались, словно на морозе.

– Дело в том, что, когда тебя привезли в Рязань, ты неделю лежал в беспамятстве и не желал приходить в себя. Даже лекарь Тиробаум не мог помочь, а только разводил руками. Мы уже не знали, что и делать, были готовы на любое лечение, никто не мог помочь...

– И?

– Когда тебе стало совсем плохо (ты еле дышал), твой камердинер сказал, что если нет лекарей, то остается только одно средство...

– Да говори ты, в чем дело?! – рассердился я.

– Никифор сказал, что кто-то из слуг знает одну знахарку, которая может вылечить царевича. Мы тут же решили, что лучше уж обратиться к знахарке, нежели потерять тебя, и послали за ней, – ответил барон, виновато глядя на меня.

– Это правда? – с интересом разглядываю ее.

– Да, царевич, – низко кланяясь, ответила девушка.

– Расскажи мне, что же случилось дальше? – спросил я барона, по-прежнему смотря на девушку.

– Так вот, как только она пришла во дворец, сразу же сказала, что сможет вылечить тебя. Мы сначала, конечно, не поверили, все же маленькая она, да и... – Барон в растерянности развел руками, не договаривая. – Но ты упорно не желал идти на поправку, так что в конце концов мы решили, что хуже не будет, и доверились этой знахарке...

– И правильно сделали, между прочим, раз я могу сейчас стоять перед вами в прекрасном самочувствии!

– Теперь я это вижу... Но тогда-то никто не знал, кто она и чем занимается.

– Да, кстати, а почему нас до сих пор не представили? – спросил я барона Либераса.

– Позвольте представить вам эту девушку, ваше высочество, ее зовут Юлия, она знахарка, – представил мне ее барон.

– И? – Я был немного обескуражен таким представлением.

– И все. Она категорически отказывается говорить, кто она и откуда.

– А сама ты что мне скажешь? – еще больше заинтересовавшись, спросил я Юлию.

– Царевич, я бы с радостью сказала, кто я и откуда. Но, к сожалению, меня вырастила моя нянечка, которую я считала своей бабушкой, и она никогда не говорила мне, кто я. Лишь умирая, она сказала, что была моей нянечкой, но сказать, кто я на самом деле, не успела.

– Что ж, раз так, то я сделаю все возможное, чтобы узнать, кто такая моя спасительница. А так как ты осталась одна, то я просто вынужден настаивать на том, чтобы ты поселилась во дворце в качестве гостыи! Предупреждаю сразу: отказ не принимается! – с улыбкой сказал я ей.

– Если вы хотите и для вас это не будет обременительно...

– Вот и чудесно! Федор!

В дверь вошел помощник моего камердинера, мужчина средних лет и невысокого роста, держащий в левой руке папку, а в правой – письменные принадлежности. Все же мое новшество с этими папками значительно облегчило процесс выполнения приказов и распоряжений; кроме того, не надо было постоянно заботиться и о месте хранения написанного – папка была и тем и другим.

– Да, господин?

– Федор, я хотел бы, чтобы вы проводили нашу гостью в ее комнаты и выполняли все ее пожелания.

– Будет исполнено, ваше высочество, – ответил Федор, кланяясь. – Прошу вас.

– Зовите меня Юлей, я буду очень вам признательна, – ответила девушка, улыбаясь.

– Как вам будет угодно, – не стал спорить Федор.

– Ваше высочество, я к вам тогда зайду чуть позже, надо осмотреть и обработать ваши раны, – сказала девушка возле самой двери, прекрасно понимая, что пока она не нужна. Тяжелое время миновало, теперь царевич был занятым человеком, у которого есть неотложные дела...

– Конечно, как тебе будет угодно, Юля, – согласился я.

Дверь за ними закрылась, а я по-прежнему смотрел вслед уходящей девушке. Однако даже плохое когда-то заканчивается, что уж говорить о хорошем...

– Алексей, все наши сейчас во дворце, ждут тебя и твоего выздоровления, – наконец сказал Артур.

– Уже? Быстро же: я только встал, а народ уже тут, – удивленно поднимаются мои брови.

– Прошло почти три недели, как тебя ранили. Но как только ты, благодаря Юлии, пошел на поправку, Михаил сразу отправил письма к Сашке и Николаю, отбывшим по делам. А Кузьма уже три дня носится по городу, воришек отлавливает, извелся весь. Он сразу же, как тебя сюда привезли, собрал сотню своих полицейских и неделю не вылезал из лесов. Три шайки разбойников нашел... – хмуро ответил Артур.

– И как? – спросил я.

– Никак, – уныло ответил барон.

– Этого и следовало ожидать...

– Особенно когда покушались на жизнь царевича! – заметил Артур.

– Да, что есть, то есть, – не стал я отговариваться и отбрасывать данную мысль.

– Нам надо в гостиную, ваше высочество, – настойчиво сказал барон.

– Эх, – вздохнул я, чувствуя, что в теле появляется какой-то непонятный азарт – одним словом, истосковался я по работе! – Идем, будем заново вливаться в струю рутины. И так почти месяц провалялся, дел скопилось, наверное, немерено.

Попутно узнал состояние дел в корпусе касательно последних прожектов, находящихся еще в зародыше. Как я и думал, чертежи, на досуге составленные мной в пасмурные вечера и ночи, остались лишь фантазиями, причем беспочвенными: жаль, но никто из друзей не проникся. Хотя почему никто? Надо только здравомыслящего человека отыскать, с, так сказать, бурной фантазией и незашоренным взглядом на мир! Вот только где такого взять?

Правда, в свое оправдание я могу сказать, что чертеж пушки многим пришелся по вкусу, другое дело – как претворить его в жизнь...

С открытием литейной при заводе нужно отлить как минимум двадцать пушек, специально спроектированных как полевая артиллерия витязей. Почему именно так? Потому что само деление кадетов на взводы по двадцать пять человек предусматривает ответ на этот вопрос.

Одним из главных моих требований для самих витязей была прежде всего максимальная автономность в рамках отданного приказа. Таким образом, каждый командир-витязь, начиная с сержанта, имел в своем распоряжении как минимум одну единицу артиллерии. А это, в свою очередь, немаленький аргумент в сражении, если командир, конечно, с головой дружит. Так что упор был сделан на облегчение орудия по максимуму, но не в ущерб качеству самой пушки. По моим подсчетам, используя сталь из чудо-печей Ивана Нестерова, удастся облегчить эти 12-фунтовые пушки раза в два по сравнению с их чугунными товарками.

В чем же было отличие моего проекта от изготавливаемых сейчас пушек? Как вам сказать...

Как только я впервые познакомился с такой наукой, как артиллерийское дело, еще перед приездом Петра, я сразу же заинтересовался способом ее улучшения, все-таки знаний, слава богу, пока на некоторые проекты хватает.

Первым делом я достал чертежи самых последних пушек, отливаемых в России: все же надо было с чего-то начинать. М-дя, убожество, видели бы их мои современники. Но не беда, в конце концов, и я не пальцем деланный. По вечерам, выкраивая время от сна и наместничьих дел, я подгонял свои идеи и мысли под нужное орудие. Если быть точным, то выкидывал знания о ненужном и пока несбыточном, как, к примеру, сведения об электричестве, нитроглицерине, примеси которого используют в большинстве патронов моего времени. Да и много чего пришлось «забыть».

Так что начал я, можно сказать, с азов. А именно – позаимствовал большую часть составляющих моей пушки у «единорога» графа Петра Ивановича Шувалова, бывшего генерал-фельдцейхмейстером в русской армии времен Елизаветы. Я таки сумел начертить относительно живую «химеру». А что делать, если артиллерия делится на три вида без возможности какого-либо изменения? Пушки стреляют на пятнадцать-семнадцать градусов, по стелющейся траектории, мортиры и гаубицы – на шестьдесят пять градусов, навесом, не имея возможности стрелять по низкой траектории.

Вот именно на исправление этой проблемы и бросил я свои силы, постоянно напоминая себе о том, что в первую очередь сие орудие будет полевым и как можно более легким. В идеале, конечно, витязям подошел бы миномет. Да откуда его взять-то? Гремучая ртуть только-только начала производиться в тех количествах, которые позволили начать изготовление «ударного пороха» для капсюлей. Так что о чем-то большем мечтать глупо... Пока глупо.

Главной особенностью нового орудия была имеющая вид усеченного конуса камера. Такая форма камеры способствовала удобству заряжания орудия, по моим подсчетам, увеличивая в два раза скорость заряжания, а также и скорость воспламенения заряда, и, как следствие, метательную мощь заряда – по крайней мере, я так думаю. Также новые орудия могли стрелять по навесной траектории, с большим (до тридцати пяти градусов) углом возвышения. Если учесть, что они будут стальными, могла бы получиться просто сказочная полевая пушка среднего калибра, при условии удачной дальнейшей конструкции. Вот только сказать, насколько лучше будут характеристики моего орудия по сравнению с нынешними пушками, пока нельзя. Попыток-то нет, всего лишь чертеж на бумаге...

Увы, но кроме этой радостной для меня новости, которую сообщил Михаил, пришлось услышать и другие, не совсем приятные вести. Одна сырая идея с созданием обувной мастерской чего стоила. С одной стороны, мысль замечательная, но вот сам процесс создания и направление деятельности не были проработаны, что меня лично не устраивало по одной про-

стой причине – любое производство должно окупать собственные затраты на сырье и работников. Пускай не сразу, но и не должно быть так, что в течение трех лет приносит одни убытки. Иначе оно и не нужно вовсе.

А тут получалось, что деньги-то будут вложены, причем немалые, а отдачи и вовсе не получится. Так что идея Кузьмы ушла на доработку. Как, впрочем, и идея Николая о создании кумпанства по освоению уральских недр. Получались те же яйца, только в профиль. В смысле, сходная проблема, но под другим углом. Не было проработано одно важное обстоятельство, а именно – ответственность и обязанности сторон. Было просто желание отправить экспедицию и там дальше разобраться, по месту прибытия, так сказать.

Если честно, то я не ожидал такого от Николая, все-таки сын купца, умный мужчина, а вот предложение выдвинул какое-то детское...

– Не подумал я, ваше высочество, – смущенно оправдывался Николай Волков. – Слишком уж кус изрядный при удаче намечается.

– Всех денег не заработаешь, друг мой, так что лучше вначале разработать те производства, за которые мы уже взялись, а только потом зариться на что-то большее, – улыбнулся я ему.

Пара часов в обществе друзей пролетела как мгновение, но, к сожалению, время было уже позднее, да и засиживаться я не мог, все же раны давали о себе знать, как и общая слабость тела. Попрощавшись с товарищами, пошел к себе в спальню набираться новых сил для завтрашних рутинных дел.

Однако поспать мне не дал Никифор, зашедший почти сразу же следом за мной.

– К вам просится ваша гостья, ваше высочество, – сказал камердинер. – Прикажете впустить?

– А куда деваться? Конечно, впускай, лекарь как-никак, – вздохнул я, но, помимо легкого сожаления о потерянных минутах сна, где-то в сердце легонько кольнуло, царапая ледяную бронь одиночества...

– Царевич, я же предупреждала вас, чтобы вы двигались как можно меньше, да и нельзя вам утруждать себя в таком состоянии, – качая головой, выговаривала мне Юля пять минут спустя, осматривая раны на моем теле. – Выпейте вот эту настойку.

Перед носом появился небольшой стаканчик с вязкой жидкостью, медленно стекающей по стенкам сосуда.

– Пейте, это только на пользу будет, – улыбнулась девушка, глядя на скептическое выражение моего лица.

– Да такую дрянь нельзя вообще никому пить! – попробовав на язык настойку, возмутился я.

– И никакая это не дрянь, это отличное средство для сращивания порванных мышц, – нахмурилась знахарка.

– Верю, – заверил я ее, через силу выпивая медленно сползающую со стенок гадость.

– Вам, царевич, еще повезло, вот если бы были задеты легкое или печень, вы бы так легко не отделались. А так вы только много крови потеряли, – сказала девушка, глядя на меня.

– Зовите меня по имени, прошу вас... – оборвал я свою спасительницу.

– Но как же так можно?! – изумилась она, но тут же замолчала, увидев что-то в моем взгляде. – Хорошо, Алексей.

– Вот так-то лучше, – улыбнулся я ей. – Юля, а почему ты стоишь? Садись. Негоже мне сидеть, когда моя спасительница стоит!

– А вам, Алексей, вообще стоять не рекомендуется! У вас дырка только начала затягиваться, так что еще недельку вам бы полежать не помешало. При условии, что будете пить эту настойку.

– Почему же? – удивился я.

– Потому! Объяснять долго, – ответила девушка, посмотрев на меня как на дурака.

Что ж, куда деваться, если в этой эпохе власть имущие частенько пренебрегают знаниями. Хотя надо отметить, что и в моем времени стоящие у руля в стране или держащие руки на пульсе одной шестой мира порой были малограмотными и, что скрывать, тупыми, не видящими ничего дальше своего носа!

– Хорошо-хорошо, – поднял я ладони. – Вот только есть один вопросик, такой маленький и невзрачный. Поможешь в нем разобраться, Юля?

– Если я сама знаю на него ответ, – сказала девушка.

– Знаешь, ну или должна знать.

Я слегка смутился своего напора, все-таки прелестная девушка, к тому же и меня вылечила, но знать мне это все же надо, я бы даже сказал, жизненно необходимо!

– Дело в том, что, как сказал мне Артур, они не знали, что делать, да и приглашенные лекари оказались бессильны. А тут молодая красивая девушка вылечивает почти безнадежного больного...

Я ожидал любой реакции – судороги лица, бегающих глаз, слез наконец, – но вот залихватый смех меня самого ввел в ступор.

– ...безнадежного больного... – сквозь смех расслышал я слова Юли.

Отсмеявшись, девушка села напротив и, положив локти на стол, сцепила ладони в замок, задумчиво глядя на меня.

– А ведь вы, ваше высочество, непросты, – совершенно серьезно сказала молодая девушка после пятиминутного изучения моего лица. – Когда вы смотрите, у вас в глазах порой какая-то непонятная грусть проскальзывает. Сильная грусть.

«Ага, особенно когда за плечами тысячелетняя история народа, пускай и слегка забытая, но все же. Вот только об этом никто никогда не узнает. Есть тайны, знать которые не должен никто, даже собственная голова. Чем быстрее они улетучатся, тем будет лучше!»

– А что насчет этих «мэтров», как их называют, то сейчас на Руси по пальцам можно пересчитать действительно знающих иноземных лекарей, в основном одни недоучки и шарлатаны, мало кто из них действительно что-то путное знает... – слегка раздраженно взмахнула рукой травница.

– Но все же, – не сдавался я.

– Да ваша рана вообще пустяк! – разошлась Юлия. – Вот когда три года назад одного молодца медведь под себя подмял, вот тогда действительно страшно за парня было, еле с того света вытащили, и то благодаря бабушке.

– Выходит, эти лекари, по-твоему, совсем не лекари?

– Ну почему же? Среди них есть хорошо разбирающиеся в своем деле, но делают они только то, чему их научили, по-книжному. А ни человека, ни хвори его изнутри не понимают...

– А почему же те, кто понимает, не идут на государеву службу? – задал я вопрос.

– А потому, что они по большей части старообрядцы или вовсе язычники. А у попов же одно на уме – закабалить или в прорубь на крайний случай, коли не согласишься!

– Не всегда же так! – возразил я.

– Не всегда, – согласилась девушка. – Но в большинстве случаев точно!

«Блин, а ведь и не поспоришь, – восхищенно подумал я. – Что-то она чересчур грамотно разговаривает, на крестьянку, пускай и обученную бабкой-знахаркой, не похожа точно».

– Я...

Не успел я закончить фразу, как мой лекарь тут же меня перебил:

– Давайте, я сначала посмотрю вашу рану.

– А попозже нельзя? – задал я риторический вопрос, начав развязывать шнурки на камзоле.

Конечно, ответа я не получил, только красноречивый взгляд, да и то мимоходом, как данность.

После осмотра, занявшего минут пять, Юля сказала, что рана начала затягиваться, вот только, на мой взгляд, она стала еще хуже! Покрылась какой-то слизью, смешанной с гноем, да еще к тому же постоянно чесалась.

На мой вопрос о том, должно ли так быть, Юлия ответила, что да, так как она помазала ее каким-то лекарством, а после ответа сразу же засмеялась.

– Какие же мужчины все-таки боязливые! – с улыбкой сказала девушка. – Как что-то выходит за рамки их понимания, нет, даже обычного знания, так сразу же начинают что-то придумывать.

«И к чему она это сказала? Подумаешь, спросил о ране. Так я же бок-то не чувствую, и ведь раньше-то этой гадостью она рану не мазала!»

– Все, я закончила осмотр, – села в кресло напротив меня Юлия.

– Разрешешь задать тебе немного странный вопрос? – наконец произнес я.

– Конечно, вот только давайте условимся, что если вопрос мне не понравится, то я не буду на него отвечать.

– Хорошо. Скажи, Юля, а из какого ты боярского рода?

– С чего вы это взяли? – удивилась она, вот только рука на столе, перебивавшая какие-то не то обереги, не то лекарственные корешки, дрогнула слишком уж сильно.

– Да вот на крестьянку ты не похожа, да и говоришь слишком правильно, видно, учителя твои в свое время старались на славу, – обосновал я свой вопрос.

– Да, я и правда не крестьянская дочь, но вот какого именно рода, не знаю. С пяти лет я была на воспитании у дедушки, а после его смерти, во время бунта стрельцов, меня забрала к себе в деревню моя нянечка. Что же насчет рода, то дедушка не говорил мне о нем ничего. Сказал только, что когда мне восемнадцать весен исполнится, тогда и скажет: мол, решай свою судьбу сама, внучка, – тихо прошептала Юлия, из глаз которой уже готовы были сорваться слезинки.

– Извини меня, Юля, я не хотел тебя обидеть! – воскликнул я, поняв, что совершил ошибку. Не стоит лезть в прошлое человека, если он сам не хочет его рассказать.

– Все хорошо, я просто вспомнила тот день, когда он умер. Меня-то он успел закрыть в каморке, а вот сам не уберегся...

– Я очень сожалею об этом, – искренне сказал я, подходя к ней.

Не знаю как, но когда Юлия начала вставать, я немного наклонился и чуть коснулся ее губ своими; может, подсознательно она и хотела этого, но неожиданная близость заставила ее отпрянуть от меня. Однако стол за спиной девушки привел к обратному эффекту, и, вместо того чтобы отступить от меня, она буквально упала в мои руки, заставив меня болезненно сморщиться, но все же не выпустить ее из своих рук.

– Алексей... – подняла карие глаза Юля, умоляюще глядя на меня.

Быть может, она хотела что-то сказать, но мой поцелуй помешал это сделать. Так мы и стояли, не отрываясь друг от друга. Время остановилось, даря нам прекрасные мгновения нашей жизни...

Но ничто не вечно, а уж счастливые мгновения тем более. Топот ног в коридоре заставил нас отодвинуться друг от друга.

– Срочное послание! – услышал я за дверью.

– Жди! – монотонно ответил один из моих гвардейцев, направляясь к двери в мой кабинет.

Легкий стук по косяку – вот и все, что позволил себе один из моих телохранителей.

С сожалением я подошел к двери, чувствуя, что готов убить так не вовремя прибывшего гонца.

– Зови, – все же смог я выдать из себя одно слово, оставляя открытой дверь.

– Завтра я посмотрю вашу рану еще раз, – не глядя на меня, сказала Юлия, тут же упорхнув из кабинета, так быстро, что я и сказать ничего не успел.

А прочитав привезенное послание, я и вовсе забыл о том, что хотел что-то сказать. А как еще можно реагировать, когда тебе приходит письмо с вестью о восстании, пускай и только начавшемся?

* * *

*Апрель 1708 года от Р. Х.
Тамбовский уезд
Алексей Петрович*

«Вот ведь черт, как я мог забыть о восстании Булавина?» – вот, пожалуй, самая приставучая мысль последних месяцев, частенько навещающая ко мне в гости.

В середине февраля пришел приказ, в котором отец предписывал выступить с набранными недавно полками к Воронежу для умирения восставших, попутно отрезая пути распространения заразы восстания. В своем письме государь намекнул, что это назначение только проверка и желание узнать, достоин ли я большего. Конечно, это все было довольно туманно, но то, что это было, уже радовало.

Нашей основной задачей было заблокировать дальнейшее продвижение отрядов Булавина, войско которого постепенно увеличивалось за счет дезертиров и рабочих людей. Совместно с двумя поступившими в мое подчинение полками, набранными буквально полгода назад для отправки на западную границу, мы вышли из Рязани в сторону Воронежа, уже охваченного пламенем восстания.

– Ваше высочество, впереди неизвестный отряд, – сказал мне глава разведчиков лейтенант Никита Селиванов.

– Как одеты?

– Половина в старых, поношенных мундирах, остальные вообще голытьба какая-то, – тут же ответил он.

– Численность?

– Сотен восемь всего. В голове на конях три сотни, плюс на марше четыре, ну и обозники, – подумав, ответил Никита.

– В какую сторону идут?

– Прямо на нас, через полчаса будут здесь, у них обоз еле идет.

– Судя по описанию сего отряда, на регулярную армию он не очень-то похож, да и наши войска должны быть много западнее. Так что это бунтовщики однозначно, – сказал я вслух. – Что ж, тогда, пожалуй, устроим им теплую встречу. Господа полковники, – улыбнулся я седоусым командирам 7-го и 5-го полков, – я думаю, вы не нуждаетесь в моих объяснениях и наставлениях. Скажу только одно: разместите своих людей так, чтобы никто не ушел, пленных брать только в том случае, если они сами бросают оружие. А я со своими витязями встану вон в той балке, как раз напротив дороги, и как только мы откроем огонь, так и вы, господа, извольте не мешкать.

– Будет исполнено, ваше высочество! – ответили полковники и сразу же отбыли к своим воинам.

Как только я остался один, ко мне подошли двое товарищей, поехавшие вместе со мной в силу своей незанятости – Кузьма и Сашка.

– Алексей, не рановато ли наших орлов на убой пускать? – озадаченно спросил Кузьма.

– А кто сказал, что они на убой пущены, Кузя? – удивился я. – Три месяца занятий с «колпаками» у них на полигоне было. Освоились неплохо, хочу заметить.

– Так ты же их поперек дороги ставить хочешь...

– И что?

– Как что? – не выдержал Александр. – Там же казаки, мать их через три колена! Наши юнцы даже залп сделать не успеют, как их нашинкуют...

– Разве их так плохо учили, Саша? – поднял я брови. – Мне кажется, на последних учениях все пять рот показали просто отличный результат – как в стрельбе, так и в тактических перестроениях, не говоря об упомянутой мной артиллерии!

– Разве что артиллерия поможет, – все же был вынужден согласиться Саша, вспоминая, как двадцать пушек сносили деревянные макеты редутов.

– Между прочим, эти пушки стреляют как минимум в полтора раза дальше своих товаров, имеющих на вооружении основной армии.

– Все эти придумки – это, конечно, хорошо, но вот как наши витязи (еще недоучившиеся, хочу заметить) выстоят против мужиков, уже не раз пускавших кровь своим врагам? – не унимался Кузьма. – Не сплхуют? Я сам помню: после первого боя еле руками шевелить мог...

– Действительно, Алексей, не лучше ли нам было бы поставить их на фланг, как раз на месте одного из полков? Все-таки стрелять из укрытия, пускай и плохенького, все же лучше, чем встречать врага голой грудью, – поддержал друга Сашка.

– Друзья, понимаете... – только начал я, как вестовой от Никиты (точнее, разведчик, находящийся в его подчинении) доложил о приближении вражеского отряда.

Все же не успел я им объяснить, почему мне пришлось поставить необстрелянных юнцов против закаленных в стычках казаков и дезертиров. Я, конечно, понимаю, что так поступать не совсем разумно, но вот доводы разума отступают перед велением сердца. «Чушь», – сказал бы кто-то. Возможно, даже очень возможно, но я просто не могу не дать своим воинам (да-да, именно своим, а не государевым) возможность свершить правосудие – пускай кровавое, пускай жестокое, но правосудие!

Ведь что есть бунт? Это открытое недовольство властью со всеми вытекающими последствиями: разрушением, грабежом и смертью мирного населения! Нет, такого я допустить не могу. Возможно, недовольство в чем-то и оправданное, все-таки реформы Петра не назовешь либеральными, а уж тем более щадящими, да и традиции целого народа ломать надо постепенно, а не нахрапом, а уж тем более традиции вольных казаков.

Ведь нынешний бунт почему начался? Нет, не из-за усиления налогов, это всего лишь маленькая плошка масла, не давшая утихнуть пожару восстания. Основным и главным моментом стала как раз эта самая ломка традиций. В чем она заключалась? Да в том, что у казаков отродясь была та самая свобода, покушаться на которую не смели даже цари. И если холоп сбежал на Дон, то становился свободным, вне зависимости от кого он сбежал. А тут приходит гвардейский отряд под руководством Юрия Долгорукова, отправленный как раз для того, чтобы вернуть беглых крестьян. Такие рейды цари устраивали и раньше, но вот этот стал последней каплей...

«И все-таки они преступники! И наказание для них только одно – смерть! Хотя что-то я разошелся... Лучше бы все-таки с пользой применить их руки, трудов намечается много...» – подумал я про себя, идя к рубежу, на котором застыли ровные шеренги шестнадцатилетних мальчишек.

Вот только выстрелят ли они? Да, муштровали. Тьфу, слово-то какое поганое! Учили и еще раз учили их хорошо, да и на полигоне они показали себя с наилучшей стороны. Но все-таки не зря я взял с собой капрала Михея вместе с половиной его подчиненных, сейчас стоящих возле сержантов-витязей.

– Идут!

«Ну, орлы, не подведите!» – подумал я, залезая на коня и вставая чуть левее строя, вместе со своими гвардейцами и друзьями. Сила не сила, а пятнадцать клинков могут в нужный момент решить исход боя, правда, ежели с умом их использовать.

– Приготовиться! – подал я знак.

Легкая рябь пробежала по рядам витязей, прапорец с двуглавым орлом в правом верхнем углу и вставшим бурым медведем на зеленом фоне поднялся чуть выше, развеваясь от дуновений слабенького ветерка.

Шеренги замерли в ожидании, старший наставник Михей повернул голову в мою сторону, ожидая дальнейших указаний. Чуть спереди замерли двадцать «колпаков» – пушек, названных в честь курировавшего их создание Дмитрия. С хоботовой части лафета на землю у каждого орудия опущены сошники – небольшое нововведение, созданное после первых стрельб.

«Что ж, похоже, батальон к бою готов, осталось еще этот бой выдержать...» – закусив губу, подумал я, сжимая эфес сабли.

В руках появилась легкая противная дрожь. Конь вдруг пошел шагом. Внезапная смена аллюра удивила, но это я, видимо, волнуясь, сжал бока коня коленями, и верное животное поняло это по-своему.

«Успокойтесь! Немедленно успокойтесь! Никто не должен заметить, что не только для них, но и для меня это первый бой».

Горнист, неотступно следующий за мной, отставая на полкорпуса, встретившись со мной глазами, нервно облизал губы и потянулся к своему надраенному до блеска горну, притороченному к седлу справа. Окончательно остановив коня, я отдал ему команду играть «первую схему».

Введение в батальон витязей, помимо барабанщика, горниста было решением, лишь немного опередившим свою эпоху. Такое нововведение значительно упрощало общее командование подразделениями. Я планировал затем предложить распространить новшество и на другие воинские подразделения, когда эксперимент зарекомендует себя.

По Уставу витязей, начиная с батальона, применение горнистов обязательно и необходимо. При этом в каждом батальоне должно быть не менее двух горнистов, дабы иметь возможность замены убитого или раненого. Звуковые команды всегда минимум дублируются, во избежание ошибок, но чаще всего команда подается три раза, причем интервал подачи команды небольшой, около двух-трех секунд. С одной стороны это много, а с другой, наоборот, мало – все зависит от младших командиров и обстоятельств боя.

Сигналы горниста: «В атаку!», «Стой!», «Отступление!», «Огонь!», «Отбой!», «Схема-1», «Схема-2» и так далее.

Применение схем, то есть построений, не ново в войсках русской армии, вот только схемы витязей все же отличаются от обычных, принятых по уставу Петра построений.

К примеру, схема-1 заключается в том, что данное соединение (максимум полк) выстраивается в четыре линии, причем первые две линии дублируют друг друга, с той лишь разницей, что первая шеренга встает на колени, а вторая остается на ногах. При этом расстояние между ними составляет не более двух метров. Расстояние между бойцами в шеренгах также не должно превышать двух метров. В результате даже две роты способны покрыть расстояние в двести метров, при этом не неся огневой потери.

Что же касается остальных двух шеренг, то их построение аналогично, с той лишь разницей, что обе стоят на ногах. При этом расстояние между бойцами должно быть не менее трех метров, дабы после залпа первые две шеренги могли отойти за спины товарищей и приготовиться к штыковому или ружейному бою, в зависимости от обстановки. В целом же данная схема рассчитана на крепко спаянные десятки и сотни соответственно, с квалифицированным унтер-офицерским составом.

Два коротких сигнала и один длинный прозвучали два раза. Сразу же за ними из-за поворота дороги, находящейся метрах в двухстах от позиции витязей, выехали первые всадники на небольших лошадках. Всадники были одеты в кафтаны, с кавалерийскими пиками в руках, сбоку у них висели сабли, а головы их покрывали пушистые шапки.

Увидев стоящих поперек дороги солдат, первые ряды всадников замерли, видимо, ожидая появления командира. После пары минут ожидания из скопившейся кучи всадников выехали трое воинов, одетых так же, как и остальная масса; правда, у одного из них был повязан красный кушак поверх кафтана. Проехав пару десятков сажень, троица замерла в ожидании.

– Эй, хлопцы, вы пошто тут остановились? – спросил казак с красным кушаком, крича во всю мощь своей глотки.

Ряды приготовившихся к бою витязей молчали. Только Михай, приготовив свою фузею, снова вопросительно на меня посмотрел: мол, дозволю? Я лишь покачал головой, пуская коня вперед, перед рядами своих воинов. Следом за мной направили своих коней мои гвардейцы. Но, покачав головой, я остановил их, взяв с собой только Кузьму и Михаила.

Через полсотни метров я остановил своего жеребца, следом за мной, на полкорпуса сзади, застыли мои друзья.

– А нам тут стоять положено, – ответил я.

– Як каков хлопец! Еще усы не выросли, а он уже со старшими без почтения говорит! – возмутился один из сопровождающих командира сего отряда казак с пробивающейся в черных волосах сединой.

– А какое почтение у благородного к холопам и смутьянам может быть? – спросил у выскочки Михаил.

– Да ты, хлопчик, совсем...

Речь седого прервалась по мановению руки казака в красном кушаке.

– Мы не хотим воевать с простыми солдатами...

Не знаю, что хотел сказать командир отряда повстанцев, но это не так и важно, пропустить их мимо я попросту не имел права: не то время, не те взгляды на жизнь. Поэтому поднял руку, прерывая командира отряда восставших.

– Мы не станем вас убивать при одном условии: вы немедленно сложите оружие и сдадитесь нам. В противном случае мы будем вынуждены уничтожить всех бунтовщиков, – отрезал я, наблюдая, как лица казаков начинают наливаться кровью.

Ничего не говоря, только бросив многообещающий взгляд в мой адрес, казак с красным кушаком повернул своего коня к своим позициям.

– Кажется, он немного разозлился, – улыбнулся Кузьма, смотря на удаляющихся всадников.

– Как не разозлиться, когда кучка «хлопцев» дорогу перед ним перегораживает, – добавил Миша.

– Думаю, нам не стоит здесь задерживаться.

Вооруженная толпа бунтовщиков стала перестраиваться в некое подобие конного строя, готовясь пойти в атаку.

– Поддерживаю, – согласился Кузьма, разворачивая коня.

Наконец шевеления в стане противника прекратились, и первые всадники выдвинулись вперед. Я тем временем занял позицию немного левее своих витязей. Решив больше не ждать, подал знак горнисту – огонь!

Один долгий чистый крик трубы пронесся над строем, а следом за ним двадцать стволов 12-фунтовых пушек выплюнули гранаты, начиненные картечью, какие я предлагал сделать государю еще в мае 1707 года. Через пару секунд в скачущие ряды конницы восставших влетели дымящиеся чугунные болванки, почти сразу же разорвавшиеся на части. На счастье первых линий гранаты пролетели чуть дальше положенного расстояния (все же пристрелки

не было, а прицельные приспособления на «колпаках» были теми еще «штангенциркулями»), поэтому они не увидели того, что произошло у них за спинами.

Прошло немного времени, развеялся унесенный ветром дым от взрывов, открывая ужасающую картину на поле сражения. Поворот дороги, в который вошли восставшие, перекрывали телеги обоза, на которых лежали десятки окровавленных тел. Бомбы со смертоносной начинкой собрали богатый урожай.

– Пушки в тыл! – отдаю команду на автомате, наблюдая за приближающимися всадниками.

Тут же расчеты покатили орудия сквозь образовавшиеся дыры в шеренгах витязей, витязи же, сжимая фузеи в правой руке и упираясь прикладом в землю возле носка правого сапога, левой держали штыки, ожидая команды своего сержанта «Примкнуть штыки!».

Подпустив конницу на рубеж в сотню метров, кадеты-витязи наконец примкнули штыки, взяли фузеи наизготовку...

– Ждем, – тихо шепчу я сам себе.

Рядом со мной нервно гладит рукоять палаша Илья.

– Ждем, – вновь говорю я сам себе тихо.

Бунтовщики преодолели еще двадцать метров. Горнист подносит свой инструмент к губам, готовясь немедля сыграть требуемую команду. Но ее все нет и нет, и на лбу у отрока выступает испарина... В глазах горниста легко читается: «Когда же?!»

– Пли! – наконец крикнул я долгожданную команду.

Серия отрывистых звуков – фузеи поднимаются к плечу. Повтор команды – сабли сержантов опускаются в сторону противника, до которого остается меньше трех дюжин саженей. Две сотни витязей спускают курок, отворачиваясь в сторону от прицельной мушки, сразу же поворачиваются на сто восемьдесят градусов и отступают за спины своих соратников, вставая на колени и вытягивая фузею со штыком вперед. Взводы замерли в ожидании залпа оставшихся фузей, до последнего держащихся у плеча. Но вот роковая черта пройдена, и почти в упор по всадникам стреляют две с половиной сотни стволов.

Первые ряды конницы полегли тут же, мешая своим пешим солдатам пробиться к пехотинцам, застывшим единой, немного странной шеренгой. Второй залп фузей только усугубил общую сумятицу. Второй ряд наступающих (если, конечно, в удалой казачьей атаке когда-либо были какие-то ряды и построения) падает на землю, орошая ее своей кровью.

Но как бы ни были превосходны фузеи, они оставались оружием восемнадцатого века, поэтому один выстрел – это все, на что было способно это чудо техники. Так что если бы не замешательство в рядах разозленных казаков, то дело дошло бы до рукопашной, а это для молодых витязей все же довольно рискованное занятие. При всей подготовке, которую еще как минимум год надо продолжать, это могло бы закончиться если не поражением батальона, то большими потерями точно.

Но как бы то ни было, момент казаки упустили и теперь беспорядочно пытались отступить в сторону небольшого леса, удобно расположившегося позади дороги. Но это им не удалось: откуда-то прямо перед самым носом бунтовщиков появились стройные шеренги солдат в зеленых мундирах, идущих с фузеями наперевес.

Вкупе с разбитым обозом сия картина окончательно деморализовала «воинов свободы». Правда, к чести казаков надо отметить, что никто из них не сдался, предпочитая погибнуть на штыках царских солдат. Дезертиры же вместе с оставшимися после побоища рабочими людьми предпочли сдаться.

От первоначального количества воинов противника (семь сотен) осталось... пятьдесят человек, и то большая их часть была ранена. А при уровне нынешней медицины... Короче, если десятка два работоспособных человек останется, будет просто счастье!

– Это просто... нет слов! – восторженно сказал Кузьма, смотря, как оставшиеся в живых предатели строятся в колонну.

– Ты о чем? – спросил я его.

– Как это о чем? У нас же не то что убитого, даже раненых нет! – объяснил мне Илья.

– Да, это замечательно, – согласился я с ним.

Сам же посмотрел на кадетов. Что-то молчаливы они сейчас...

«А ты думал, они от счастья прыгать будут? Потому что людей убили? Нет, не будут, – ответил я сам себе. – Что ж, придется с ними говорить отдельно, но не сейчас, а позже, на привале».

После боя, по закону войны, людям полагается отдых. Но так как основная часть сражения прошла под патронажем витязей, то заботы об охране пленных бунтовщиков, убиравших тела своих собратьев, легли на плечи солдат 5-го и 7-го полков. Как бы то ни было, но в этот день мы не стали двигаться дальше, потратив оставшееся время на погребение бунтовщиков. Какими бы плохими они ни были, они остаются православными людьми и заслуживают похорон, пускай и общих...

К моему счастью, рутина похода меня касалась мало, все же полковники разбирались в ней много лучше меня, да и Кузьма с Михаилом взвалили на свои плечи почти все мелкие вопросы, отдавая мне на откуп только решение действительно важных вопросов. Единственное, что не давало мне покоя до самого вечера (а это почитай шесть часов с момента окончания боя), это предстоящий разговор с витязями. Но об этом по порядку.

До отбоя было еще более часа, когда я наконец решил прийти в расположение батальона витязей-кадетов. Как я и ожидал, меня встретили недоуменные, в какой-то мере даже обиженные лица молодых воинов. Откупоренные бочонки с вином стояли чуть в стороне, позволяя витязям пить без меры – правда, только в этот день. Вот только мало кто из молодых воинов подходил к вину, предпочитая сидеть и думать о своем...

Не знаю, кем я для них стал. Да, я старался уделять им достаточно внимания, прекрасно понимая, что моих восьми-десяти посещений в месяц явно недостаточно для установления прочного троса доверия. Но при всем при этом молодые юноши все равно считали меня если не братом, то уж другом точно – вот такая оказия. Хотя, конечно, и богословие отца Варфоломея сыграло свою роль.

Молодой студент семинарии оказался именно тем человеком, который смог заинтересовать отроков. Он не переиначивал заветы и догмы Церкви – ни в коем случае, – он просто представлял их молодым умам с разных сторон, под разным ракурсом. Я сам, если было время, с удовольствием слушал его уроки – даже не уроки, а скорее беседы. И даже подал ему одну интересную для меня лично и для него идейку, которая со временем, если я правильно понял веселый огонек в глазах святого отца, разрастется в нечто важное и крайне нужное Руси. Но до этого еще далеко...

Сейчас же я шел к центру расположения батальона и думал, что же сказать этим молодым парням, только сегодня убившим десятки, а может, и сотни людей. И неважно, что кто-то из них не участвовал в сражении, главное, что они готовы были это сделать.

– Собери всех, – сказал я старшему наставнику кадетов Михею, проходя мимо его шатра.

Через десять минут на импровизированном плацу выстроились в шеренги пять рот кадетов-витязей. Внимательно посмотрев на хмурые и задумчивые лица юношей, я глубоко вздохнул, собираясь с мыслями.

«Дай Бог, чтобы я действительно понял их...» – подумал я напоследок, прежде чем начать говорить.

– Братья, сегодня вы стали воинами! Не просто воинами – защитниками Отечества! Да-да, именно вы, братья! Сегодня вам пришлось сражаться с нашими братьями по вере, и вы это

сделали с блеском. Многим из вас кажется, что это неправильно и идет вразрез с тем, чему учат вас наставники и отец Варфоломей...

Легкая рябь пронеслась по рядам. Кажется, мне удалось поймать их настроение...

– Вопросы есть, братья? – на всякий случай спросил я ряды кадетов.

– Есть, Старший брат. Скоро у нас появятся новые фузеи? – спросил кто-то из задних рядов.

– Какие такие новые фузеи? – не понял я.

– Которые Дмитрий Алексеевич мастерит...

«Вот прохвост! М-дя! Похоже, придется гриф секретности вводить! Хотя лучше уж пусть думают о новом оружии, чем сомневаются в своих действиях», – пронеслась в голове мысль.

– Как только будет сделана партия на пару взводов, так сразу же начнем заменять нынешние фузеи новыми. Там заодно и определим, какие из взводов получают их первыми, – с улыбкой ответил я, видя, как загораются веселые огоньки в глазах отроков, предчувствующих будущие соревнования.

Все же любой мужчина жив, пока он может проявлять себя в чем-то, а что уж говорить о непоседливых пацанах, для которых сидеть на месте равносильно смерти? Вот именно поэтому в корпусе с моей подачи ввели спортивные игры с элементами военной подготовки. Вот, к примеру, проходившие у меня в школе «Веселые старты» видоизменились и теперь представляли собой набор испытаний по прохождению военной полосы, только перетягивание каната осталось неизменным.

Казалось бы, что такого в этих соревнованиях? Ан нет, все-таки они дают очень многое – от сплочения взводов и сотен до отработки взаимодействия всего батальона в целом. И при этом само братство витязей получило возможность пускай не сразу, но слиться в единое целое, стать одним монолитом, несокрушимым оплотом детских мечтаний!

Скажу честно, мне очень повезло, что я смог попасть в это братство; пускай не как участник, а как руководитель, но все же сумел. А увидев, как мальчишки радуются своим первым успехам, я понял, что уже ради этого стоило создавать корпус!

– А теперь, воины, всем разойтись, скоро отбой, – сказал я застывшим по стойке смирно рядам витязей.

Не говоря больше ни о чем, задумавшиеся кадеты разбрелись по своим местам...

* * *

Апрель 1708 года от Р. Х.

Устье Волги. Дерягево

В темной комнате горели свечи, свет которых прыгал с одной вещи на другую, не желая останавливаться на месте.

– Тебе надо скорее ехать к нему и передать это письмо! – сказал сидящий в глубоком кресле спиной к свечам человек вошедшему в дверь, не давая тому перевести дыхание. Видимо, ему пришлось нелегко, судя по его измученному виду. – Прочитай сначала, а то может случиться так, что тебе придется избавиться от него по дороге.

– Они не смогут это выполнить, господин, – тихо сказал слуга, прочитав письмо до конца, и тут же склонился в поклоне, ожидая вспышки гнева.

– Почему это? – спросил господин с легкой тенью недовольства на челе.

– Его бригада разбила отряд Тараса Зареченко, а он сам пал в сражении. Остальные бунтовщики теперь отрезаны от поставок из Воронежа, да и кое-кто из лидеров повстанцев решил идти на попятную. Некоторые могут переметнуться на сторону царских войск...

– Так какого черта ты молчал?! – вскочил со своего места господин.

– Я потому так и спешил, господин, – все так же склонившись, сказал слуга.

– Заткнись!

Трубка с тлеющим табаком пролетела над головой склонившегося слуги.

– Слушаюсь, мой господин, – покорно сказал слуга.

– Так, мне надо подумать... – взял себя в руки хозяин замершего в поклоне человека.

Походив по комнате, он остановился.

– Пожалуй, ты прав. Это послание ты уничтожишь, а весточку отвезешь одному из тех, кто готов переметнуться на царскую сторону, – улыбнулся он.

Вот только улыбка больше напоминала хищный оскал...

* * *

Конец апреля 1708 года от Р. Х.

Места близ Воронежа

Бригада Алексея Романова

Колонны воинов шли по чуть просохшей дороге, изнывая от не апрельской жары, да к тому же и форма солдат оставляла желать лучшего, благо хоть витязей я успел переодеть в более нормальную одежду, а не в эти...

С самого начала обучения, даже за месяц до начала, одним из главных вопросов стало обмундирование кадетов. На начальном этапе, то есть первый месяц, с ним было более-менее понятно. Закупили дешевую ткань, затем на манер хэбэшной формы пошили брюки и куртки. Эта работа досталась женской половине деревни, усиленной привезенными из города рабочими руками, освобожденными от работ то тем или иным причинам.

Правда, отличия от формы моего времени все-таки были, ведь не могли же витязи быть просто солдатами, им требовалась изюминка, пускай пока хотя бы в форме. Этой изюминкой стал черный берет.

Но введение формы – это еще полбеды. Появилась такая проблема, как обувь для кадетов. Вначале закупили такую же, какую использовали для обычных солдат: башмаки с медной пряжкой, в походе заменявшиеся высокими сапогами. Хорошо хоть первая партия в сто штук башмаков прибыла много раньше всего товара. Иначе возвращать пришлось бы все и сразу, а так часть оставили, а часть пришлось раздать чиновникам за заслуги перед наместником – как поощрение.

Решение сей проблемы нашлось довольно-таки быстро. Местные обувщики согласились подсобить с реализацией, суть которой сводилась к тому, что они пошьют нужное количество сапог, выполненных по моим корявым эскизам. Увидев первую сделанную пару сапог, я выпал в осадок – ни дать ни взять кирзачи, только с немного заууженными голенищами, дабы при ходьбе голень плотно обхватывалась, уменьшая возможность вывиха.

При всех этих изысках, если так можно выразиться, каждый витязь должен комфортно чувствовать себя в своей форме, дабы с честью и гордостью носить ее на глазах людей. Однако кое-что я все-таки недоглядел или недоучел. Молодые отроки, начавшие заниматься на полигоне под приглядом наставников, столкнулись с такой проблемой, как непрочность штанов, постоянно рвущихся на коленках и между ног. В итоге пришлось срочно делать заказ у рязанских портных на новые партии столь нужной части обмундирования. Неприхотливые, прочные и в чем-то даже стильные штанишки обошлись в кругленькую сумму, но решили возникшую проблему.

Все мучения и головная боль, связанные с новой формой (точнее, единственной формой для витязей) окупились сторицей. Стоит только взглянуть на идущие полки нового образца (это те полки, которые сейчас формируют в России на манер европейских, взамен стрелецкого

войска) и на батальон витязей, идущих в арьергарде колонны. Что ни говори, но для Руси надо создавать свое, а не брать готовое решение у Европы.

Безусловно, Петр это понимает, вот только его действия скорее вызывают отторжение, нежели поддержку, особенно у старых и знатных родов. Намекнуть бы царю, да я не враг себе, все же мои позиции еще крайне шаткие, хотя уже и не напоминают, как прежде, соломенные столпы, держащие раскаленную чашу. Они видоизменились и теперь больше напоминают ивовые прутья, держащие все ту же раскаленную чашу. Что делать, придется наследнику пока терпеть все это, чтобы достичь желаемого!

Увы, но реформы отец проводит слишком спешно, опираясь в своих решениях на «новых» дворян. Отцу не докажешь, что бояре – люди нужные не только для того, чтобы доить их как коров, а еще и для того, чтобы ставить их на значимые и сложные должности. Хотя перед этим их следует проверить, а по возможности и какой-нибудь компромат на них собрать. Так, на всякий случай.

Но опять же, это мой взгляд, уже порядком лишенный той романтики, которая столь присуща всем юнцам, когда они грезят о «справедливом и честном мире». Вот только нет такого мира! И не будет! Никогда! И нигде! Есть только тот мир, который создает человек для своих близких и родных, а ежели речь идет о царе, то этот мир включает в себя всех его граждан без разбора.

Мало, очень мало достойных, действительно достойных! Но кто сказал, что не надо стремиться к лучшему? Кто запрещает людям это? Сам человек не хочет совершенствоваться, предпочитая тихо и мирно жить в своей рутине, не желая знать, что творится за околицей. Вот именно для таких людей, «спящих» в своих домах, и нужен такой государь, как Петр! Да, именно так!

«Да? А то, что он столько людей загубил... и еще загубит...» – прошептал знакомый голосок в моей голове. «Но он ведь хочет как лучше...» – «Тебе прекрасно известно, куда ведет дорога, созданная благими намерениями!» – чуть громче прошептало мое второе «Я». «Я помогу ему, и он не совершит тех ошибок, которые сделал в моем времени». – «Обещаешь?» – спросил голос. «Да». – «Помни об этом», – еле слышно прошептал голос, растворяясь в моей голове.

– Господин бригадир, впереди дым.

Вопреки устоявшемуся порядку назначения на воинскую должность, государь перед походом присвоил мне временное звание бригадира, так сказать, опробовать в деле и в случае чего лишить его. Свиток с царским оттиском находится в моих дворцовых покоях как символ одной из пока еще немногих побед...

Посмотрел в сторону говорившего и увидел одного из разведчиков отряда Никиты Селиванова.

– Много?

– Да не то чтобы много, но, кажись, домов пять горит, – ответил разведчик.

– Какие дома? Здесь и избышки захудалой не должно быть, не то что каких-то домов! – изумился я, хотя сам прекрасно понимал, что придется все карты в срочном порядке обновлять.

Хорошо хоть сотники витязей наносят маршрут на свои карты, подробно вычерчивая весь ландшафт. Конечно, до полноценной военной топографии далековато, но вот азы, данные витязям лично мной на тех немногих занятиях, которые я проводил, будучи в расположении корпуса, понимаю и составлению схем и карт, пускай немного коряво, но научили. В конце концов, я же смог разобрать и даже мысленно воссоздать по начерченным картам витязей-сотников пройденный нами маршрут. Хотя, может, это случилось из-за того, что свежа память о самом переходе? Нет, пожалуй, все же кое-чему научить смысленных отроков я смог.

– Хорошо. Зови ко мне своего командира, – приказал я разведчику.

Через пару минут ко мне подошел запыленный Никита.

– Господин бригадир, – отдал мне честь главный разведчик. – Впереди пепелище какой-то деревеньки, не указанной на наших картах. Дым, который сейчас виден, идет от развалин.

– Вот тебе и «освобождение от гнета», – криво улыбнулся один из полковников, боярин Третьяк Бердышев.

– А что с жителями? – задал я насущный вопрос.

– Половина осталась в деревне, в основном старики и мужики, остальных нет...

– Как это нет? – недоуменно спросил я его.

– Да вот старики с мужиками на земле лежат с распоротыми животами, а остальных никого нет, – хмуро ответил Никита.

– Звери, а не люди! – воскликнул Кузьма.

«Хм, прямо рыцарь какой-то! И где только нахвтался? Прекрасно знал, куда едем. Война со своими согражданами всегда самая кровавая и беспощадная, здесь не бывает полутонов: либо свой, либо чужой! А иногда и свои становятся чужими...» – подумалось мне, глядя на него.

– Да нет, не звери, – возразил подъехавший Михаил и, немного помолчав, добавил: – Казаки.

– Ладно, выступаем, нам еще пяток верст надо пройти, чтобы завтра под Воронежем оказаться, – сказал я собравшимся.

Горнист тут же заиграл незатейливую мелодию, призывающую к построению. Как-то так случилось, что солдаты других полков постепенно начинали привыкать к звукам горниста и исполнять команды аналогично витязям. Не все, конечно, но основную часть точно. Хотя при этом всегда ждали разрешения начальства. Вот такой странный пример незатейливого влияния на умы людей.

– А что делать с телами убитых? – поинтересовался глава разведчиков.

– Возьми пленных и пару десятков солдат из седьмого полка, пусть похоронят, – ответил я, поворачивая коня в сторону дороги.

– Есть, – односложно сказал Никита и тут же ускакал назад.

Как мы и хотели, нам удалось пройти отмеренный путь без происшествий: не было нападений летучих отрядов казаков, не было ловушек – вообще ничего не было. Казалось, что земля вымерла.

Правда, мы не забывали, что находимся в данный момент на враждебной территории, так что к ночевке приготовились более чем обстоятельно. За что в конечном итоге и были «вознаграждены» ночным налетом сотни казаков.

Будь мы немного нерасторопней, в эту ночь моя бригада недосчиталась бы пары сотен солдат. Казаки под прикрытием ночи хотели бесшумно прокрасться в лагерь для диверсии. Вот только не знаю, почему они решили, что мы такие беспечные. Вроде бы взрослые мужики, чубы и усы растут будь здоров. Но все же напали. Да ладно бы толково, так нет, бездарно даже, справедливо заставив думать о том, не преувеличена ли слава казаков как боевых единиц. Что ж, за это они и заплатились: из сотни ушли меньше десятка, в то время как у нас погибли пара десятков из 5-го полка.

Мне самому пришлось принять участие в скоротечной схватке, потому что часть прорвавшихся в лагерь устремилась к моему шатру, при этом зная его точное местоположение, как мы узнали впоследствии от пары пленных.

«Что ж, похоже, атака не столь уж и бездарна. Будь здесь не сотня, а три, меня бы вряд ли спасли полтора десятка моих телохранителей», – угрюмо подумал я.

Услышав шум ночного сражения, иногда прерываемый звуками выстрелов, я наспех оделся, прихватив с собой заряженный пистоль с любимой саблей. Перед моими глазами предстали разъяренные воины, бьющиеся друг с другом с неприкрытой ненавистью. Не раздумываю

вая, я бросился к первому попавшемуся бунтовщику, заходящему за спину одному из моих гвардейцев.

Удар! Казак, почуяв неладное, успевает уклониться и тут же бросается на меня, забыв про первоначальную цель. Хищный оскал на его лице сменяется детской обидой, руки хватаются за клинок, силясь вытащить его из груди – сабля легко отыскала брешь в обороне противника.

Плавное движение за спиной заставило меня отпрыгнуть в сторону. Вовремя! Еще один нападающий хотел полоснуть меня по спине своей саблей, но я успел уйти из-под удара казацкого клинка.

Черт! Рано обрадовавшись удаче, я чуть было не пропустил выпад молодого жителя Дона. Соберись! Секунда, другая – и, вместо того чтобы уйти в глухую оборону, я бросаюсь на зазевавшегося противника. Но, к моему огромному удивлению, этот воин, немногим младше меня, оказался отменным фехтовальщиком. Минута – и моя сабля отправляется в полет. Правая рука судорожно нашаривает рукоять пистоля...

Между тем казак, криво улыбнувшись, замахнулся саблей, готовясь добить меня. Но первое ошеломление у меня прошло, ладонь наконец крепко ухватила пистоль и тут же направила его на воина. Удивленное выражение навсегда осталось на лице казака, вместе с маленькой дырочкой во лбу, из которой медленно заструилась кровь.

– Вот и все, – устало сказал я, глядя на упавшего казака.

– Вы живы! – с нескрываемым облегчением сказал Михаил, выныривая, словно черт из табакерки, из стоящих рядом с шатром кустов.

– А что, не должен? – улыбнулся я.

– Нет, что вы, ваше высочество! – не понял Михаил.

– Потери? – тут же поинтересовался я у него.

– Среди наших двое тяжело и пяток легко раненных, про остальных пока не знаю, – отрапортовал Михаил Нарушкин.

– Хорошо, найди, где Сашка с Кузьмой обретаются, и скажи им, чтобы пулей ко мне неслись.

– Есть, ваше высочество!

Капитан гвардейцев ушел искать моих друзей, я же пошел к себе, приводить в порядок свое временное обиталище.

– Уф, живой! – раздалось возле меня надсадное, хриплое бормотание.

Резко повернувшись, я увидел стоящих рядом товарищей, держащихся друг за друга.

– Живой. А вы чего такие... загнанные? – заинтересованно спросил я их.

– Да из-за этих казаков, мать их... Полезли как раз через наш край! Караульные их прозевали... Давненько я так не дрался, – надсадно дыша, сказал Сашка.

– Но каковы, а? Устроили погром, до тебя дошли, а у нас ведь караулы-то усиленные! Но если бы они все же с умом к вылазке подошли, так у них ведь и получиться могло... – цокнул языком Кузьма.

– Ночь испорчена, – с сожалением сказал Сашка.

– Почему же? Можно и поспать вообще-то, – не согласился я с ним и отправился напрямик к своему шатру.

– Алексей, ты куда? Ведь, может, еще кто остался!

– Ну, раз остался, то поймайте. А мне надо выспаться, завтра трудный день, между прочим, – немного раздраженно сказал я друзьям.

На мою реплику товарищи не отреагировали – по крайней мере, я ничего не слышал. Да и неважно это, если честно; главное, что я наконец смогу отдохнуть...

Утром, вопреки ночному нападению, почти все солдаты встали бодрыми и свежими. Может, потому, что подъем был на час позже, нежели раньше? Не знаю. Но вот то, что до Воронежа оставалось чуть меньше дюжины верст, я знаю точно. Жаль только, что по дороге

к моему отряду так никто и не присоединился: все же отец обещал, что помощь будет. Хотя, может, они прибыли раньше? Так почему же тогда не послали ко мне гонца? М-дя, загадка.

Единственное донесение, которое дошло до меня, было известием о том, что девятого апреля в бою на реке Лисковатке Булавин разбил войско атамана Лукьяна Максимова. Но опять же, как могли здесь оказаться эти казаки, если их главные силы далеко от центра восстания? Непонятно.

Что ж, время покажет, а сейчас пора выдвигаться к Воронежу.

– Двинули, – махнул я рукой, показывая на дорогу к городу.

– Ваше высочество, а не лучше ли нам сразу к Черкасску двигаться? – спросил Кузьма.

– Нет, еще рано, отец приказал дожидаться отряда Долгорукого. Да и сомневаюсь я, что наших сил хватит, чтобы остудить казачьи головы. Больно уж много их там собралось.

– Да, не подумал я... Хотя почему же?! А как же старшины и гарнизоны? Да и ополчение с деревенок на крайний случай собрать можно...

– И много они навоюют-то, ополченцы твои? – скептически спрашиваю Кузю.

– Много не много, но казаки в людишках увязнут точно, да и скорость потеряют, – гнул свое поручик.

– Нет, простых людей под сабли казачьи я подставлять не буду. Не для того они живут на Руси, чтоб помирать так бездарно.

– Чего? – спросил Кузьма.

«Блин! Вот тебе и год, проведенный здесь, а толку-то», – с досадой подумалось мне.

– Говорю, людишки должны своими делами заниматься, а не за оружие браться...

– Царь-батюшка, если надо, десяток полков пригонит, а они-то казачков пощиплют будь здоров. Ежели мы сами не справимся, конечно, – поспешил добавить Кузьма.

– Ты это брось, Кузя. Ишь, не справимся! Обязаны справиться! – нахмурился Александр.

– Ладно, успокойтесь оба, я же не собираюсь сломя голову нестись на сабли бунтовщиков, не говоря уже о том, чтобы бросать на погибель солдат. Одно дело даже в равной численности бой принять, а совсем другое, когда противника в три раза больше будет, да к тому же на его территории. Так что идем к Воронежу и ждем Долгорукого. Если его не будет в течение месяца, то двинемся к Самаре, но это только на крайний случай.

– Вот это другой разговор, – обрадовались оба друга, сразу же повеселев.

«И попробуй понять их. Вот ведь, действительно, чужая душа – потемки!»

Глава 5

Начало мая 1708 года от Р. Х.

Воронеж

Бригада Алексея Романова

Прошла неделя с тех пор, как я вместе со своими полками прибыл под стены города. Не желая размещаться на постой в самом Воронеже, разбили временный лагерь под стенами: и проблем с населением меньше, да и собираться в случае чего намного проще и быстрее.

Но, пожалуй, была и еще одна причина. А именно – желание по-прежнему держать солдат под личным контролем.

Хотя бой с отрядом казаков между холмов и был нами выигран с просто фантастически малыми потерями, я не питал иллюзий и понимал плачевное положение дел. Нет, дело не в подготовке, хотя у двух только полгода назад сформированных полков с ней тоже были нелады, а во взаимодействии между всеми отрядами, то есть полками. В общем, я не видел слаженности действий, не просматривалось даже слабого его подобия, хотя бы в общих чертах.

По отдельности полки были все же пускай не лучшими в России, но уж не худшими точно, однако вместе действовали определенно плохо. Увы, но раньше я этого попросту не замечал, спихнув всю рутину на полковников и своих друзей, поэтому и не смог толком увидеть общее положение дел, хотя прошло уже чуть ли не полтора месяца с начала похода.

Впрочем, сейчас у меня появилось какое-никакое время оценить и взвесить свои ошибки, для того чтобы в будущем их не повторять (на что я очень надеюсь).

Итак, первым делом, как это ни удивительно, две с половиной тысячи человек занялись... строевой подготовкой. Да-да, именно ей, родимой, даже в моем времени играющей огромную роль в обучении солдат, а что уж говорить об этой эпохе, когда в бой шли плотным строем, а победа зависела не от личных качеств человека в целом, а от дружного, единого ружейного залпа. Правда, надо отметить, что любая война – это прежде всего взаимодействие сотен и тысяч людей, а только потом уже гений командующего.

С раннего утра и до того времени, когда солнце вставало в зенит, сотни воинов, сменяя друг друга на плацу, ходили строем под дробь полковых барабанов, истапывая землю так, что на ней в скором времени мало что будет способно вырасти. Разве что полынь, да и то... Но не будем о грустном. Все же главным для меня является отработка взаимодействия, а не сохранение первозданной экосистемы близ Воронежа.

Так вот, после обеда, когда жара спадала, солдаты вновь приступали к отработке навыков, правда, уже чисто военных. При этом, в силу разной направленности и разной тактики витезей и обычных фузилеров, они тренировались по отдельности, лишь в конце дня посвящая пару часов совместным учениям. С одной стороны, могло показаться неправильным сливание всех солдат в единое целое, если, конечно, рассматривать разные школы тактики. Но вот с другой стороны, при детальном разборе сего действия можно увидеть огромный плюс от общих слаженных действий всех солдат в целом.

Я не отрицаю, что витези далеко не идеальны, все же им учиться еще долго, да и жизненный опыт – штука полезная. Но все же, благодаря навыкам, приобретенным за неполных полгода обучения в корпусе, они были много лучше приспособлены к ведению войны в целом, нежели фузилеры.

Но при этом плюсе был и один большой минус – их малое количество. Это не говоря о том, что у витезей, не считая единственной стычки, нет боевого опыта. Так что хочешь не хочешь, а налаживать взаимодействие между воинами просто необходимо, создавая из них единую машину, способную по приказу немедленно исполнить любую команду командира, не тратя время на попытки осмыслить сам приказ.

Целую неделю, вызывая недоуменные взгляды командиров 5-го и 7-го полков, солдаты занимаются под двойные команды – голосом и звуком горна. Если в начале данных тренировок полковники еще ворчали, то уже на третий день призадумались, увидев столь быстрый результат. Там, где раньше надо было надрывать голосовые связки унтер-офицерам, теперь работал громкий чистый звук горна. (Хотя я придерживаюсь мнения, что это полковая труба, а не горн. Впрочем, как дудку ни назови, она все равно останется дудкой.)

– Ваше высочество, там гонец прибыл, – зашел ко мне в шатер Кузьма.

– Зови его, – велел я, не отрываясь от кипы бумаг со всевозможными донесениями и письмами из Рязани.

Да, скажу честно, не думал я, что государственные дела будут отнимать столько времени, и это притом что половину из них я спихнул на Николая с Михаилом.

В шатер зашел уставший, запыленный гонец и тут же протянул мне конверт, запечатанный сургучом с царской печатью.

Мы, государь всея Руси, повелеваем тебе, сын мой, не дожидаясь князя Долгорукого с его отрядом, выступить вместе с вверенными тебе войсками и половиной гарнизона Воронежа к Саратову. Там приказываю тебе принять под командование остальные прибывшие туда отряды. Что же о дальнейших указаниях, то их от меня не жди, действуй по-своему разумению.
Царь всея Руси Петр

«Кхе, вот тебе и отработали строевые приемы. Хотя, может, так даже лучше», – подумал я, откинувшись на спинку кресла.

– Отписывать о получении нужно? – спрашиваю гонца.

– Нет, ваше высочество.

– Тогда ступай в походную столовую, там тебя накормят, заодно и отдохнешь, а после можешь возвращаться к государю.

– У меня приказ явиться с вашим донесением, – немного сконфуженно сказал гонец, – как только вы придете по месту назначения.

– Ну что ж, тогда, значит, поступишь в распоряжение главного разведчика: он заодно со своими делами и вашей братией занимается, – сказал я.

– Разрешите идти, ваше высочество?

– Да, иди.

Через пару минут я вышел из шатра, отдав приказ о начале сбора полков. Сам же, взяв оружие, вместе с гвардейцами отправился в город, к воеводе.

Вспоминая о моем первом визите в Воронеж, когда я был студентом, обучающимся на военной кафедре, могу с уверенностью сказать одно: замечательный, красивый город, да и люди там приятные. К моей радости, этот город не разочаровал меня и в начале восемнадцатого века. Раскинувшись на берегах реки, он взирал на низину равнины, словно заботливая мать, внимательно следящая за своим чадом.

Увы, но и его не миновали болезни липких рук и протекторства. Чиновники, как и в большинстве областей России, в большинстве своем были нечисты на руку. Только частые визиты царя сдерживали зарвавшихся бюрократов, да и то ненадолго. Как только я прибыл вместе с войсками под стены города, то сразу же столкнулся с первыми проявлениями этих болезней Руси.

В чем же заключались нарушения в работе чиновников? Да, пожалуй, во всем, начиная от судебных тяжб и заканчивая отчислениями в казну. И это, как говорится, только верхушка айсберга.

Как я это узнал? Хм... интересный вопрос. Тут целая история случилась.

За день до прибытия под стены города я послал гонца с запросом о предоставлении дополнительных подвод фуража и пороха. Однако, по неясным причинам, в день подхода бригады к Воронежу ничего из перечисленного не было предоставлено. Как такое прощать?

Пришлось поутру срочно наведаться к бургомистру.

– Что же ты, шельмец, творишь-то?

– Я? – побледнел бургомистр, вскакивая с места и глядя на меня осоловелыми глазами.

– Ты, кто же еще? – нахмурил я брови. – Тебе что приказано было, а? Отвечай!

Бургомистр от внезапного крика подпрыгнул на месте.

– П-п-подводы приготовить...

– И где они?!

– У меня нет их, ваше высочество, все в казну ушло... – пролепетал бургомистр.

– В казну, значит. Хорошо, коли так, – сменяю я гнев на милость и, усевшись в кресло, ласково так говорю: – Неси бухгалтерскую книгу.

– Пощади, батюшка! – чуть ли не падая на колени, возопил бургомистр.

– Неси, я сказал! Развелось вас тут, крыс канцелярских!

Через пять минут передо мной лежал пухленький фолиант отчетности городской системы снабжения и довольствия. Пробежав глазами первый десяток страниц, я ничего противозаконного не нашел. Продолжил листать дальше и ближе к середине натолкнулся на интересные заметки писаря бургомистра, составившего сие безобразие. Чуть не в колонку были прописаны «утряска», «усушка», «крысами зловредными испорчено». Причем за всеми этими, казалось, безобидными фразами скрывались довольно большие растраты чиновников.

– Действительно, крысами, – неопределенно хмыкнул я. – Неси бумагу и перо с чернилами.

– З-зачем? – хлопнув глазами, спросил бургомистр.

– Ты, крысиная душонка, забываешься, – поднял я глаза на бледного бургомистра.

Ничего не говоря, он вылетел из кабинета и тут же появился вновь, неся в руках кипу разнообразной макулатуры, с десятков перьев и чернильницу.

Взяв первый попавшийся листок, я прижал его парой подсвечников.

– Повезло тебе, не буду наказывать чересчур уж жестко, – спокойно сказал я бургомистру. – Однако наказать все же коекого нужно...

Найдя пару особо значимых хищений, выписал пару фамилий с указанием служебного положения.

– Вот, думаю, так: «Властью, данной мне государем, приказываю: за воровство, которое урон государству нашему нанесло во времена тяжкие, немедля повесить дьяка Журавлева и его помощника, поддьячного Тихонова». М-дя, именно так. Что же насчет всего остального, то чтобы завтра же все было в лагере. У каждой подводы должен быть приписной лист, с указанием склада, откуда она прибыла, и ответственного за нее человека – того, кто снаряжал. Если же мне придется второй раз к тебе наведаться...

Я не договорил, оставив бургомистра в одиночестве додумывать мои слова.

Так что больше суток в городе я не выдержал: слишком много там негативной энергии, как сказали бы уникамы-шарлатаны в моем времени. Вот только оставлять все как было я не собирался. Имея на руках своего рода карт-бланш от Петра и столкнувшись с безалаберностью, халатностью, леностью, да и просто воровством, мне пришлось прибегнуть к жестким мерам сталинского типа. Своим указом я ввел военное положение. Для тихого городка, каким был, да и сейчас остается Воронеж, это было абсолютной новостью – абсолютной в том смысле, что никто о таком, естественно, и не слыхивал. Мне такое незнание развязало руки да навело на некоторые другие мысли.

Ну и раз выступать придется уже завтра, то стоит навестить местные присутственные места. Поговорить по душам с парой лиц, заинтересовавших меня в последние дни.

Однако перед отъездом в город я встретил друзей, обеспокоенно смотревших на меня. Ничего не объясняя, дал им прочитать письмо Петра.

– Так это что же, нам теперь ждать бунтовщиков под Саратовом? – спросил Кузьма, первым закончив чтение письма.

– Как видишь. Мне кажется, что подкрепления не будет, – сказал Сашка, глядя на меня.

– Я тоже так думаю, – признался я. – Слишком уж много полномочий дал мне отец, для того чтобы дожидаться князя. Скорее всего, отряд Долгорукого сейчас на границе с Польшей, где сейчас неспокойно: шведы своего короля там посадили, так что оттуда удара ждать приходится чуть ли не каждый день.

– Но у нас же всего две с половиной тысячи солдат! Нас эти бунтовщики просто шапками закидают, их же почитай раз в пять больше нашего будет! – возмутился Кузьма такой несправедливостью.

«Вот тебе политика, Иван, самая что ни на есть большая политика, пускай пока еще завуалированная. М-да, не ожидал я от Петра такой подставы, отец все же! Хотя почему нет? Ведь царь всегда выжимал людей досуха, и родной сын не исключение, скорее наоборот. Чем больше доверия, тем больше обязанностей и ответственности. Что ж, я получил то, что хотел, так что нечего ныть и придется браться за дело всерьез, рассчитывая только на свои силы».

– А ты что, плохо видишь? Здесь же сказано, что его высочеству передается в подчинение половина гарнизона Воронежа, да еще и все отряды, до которых «дотянется» Алексей. Так что еще не все так плохо, а если правильно и дельно все сделать, то вообще все замечательно будет, – прервал друга Александр, задумчиво теребя себя за мочку уха.

– Вижу я замечательно, – обиделся Кузя. – Сам посуди: откуда нашему царевичу брать эти отряды, если нам к Саратову идти через леса? Только и остается надеяться на то, что к городу подойдет хоть какая-то помощь...

– Успокойтесь, друзья, нам все равно надо выступать завтра же, да и приказ есть приказ. Как говорится, приказы не обсуждаются, а исполняются. Это я так, на будущее, – прервал я спор.

– Как скажешь. Но я бы все же еще раз подумал... – начал было Сашка.

– Так, стоп! Я не говорил раньше, но скажу сейчас: никаких вбиваний клиньев между мной и отцом я не потерплю и не советую соваться в это дело, как и пробовать на меня давить, – оборвал я чересчур разошедшегося помещика. – Оставайтесь моими друзьями и соратниками, но не лезьте в эти игры, прошу вас. Мне не хочется терять вас.

Хотя Воронеж стоял буквально в двух шагах от лагеря, пробраться в город оказалось проблематично из-за сцепившихся телег с крестьянским скарбом, перегородивших проезд в ворота. Мои гвардейцы хотели уже разобраться с этой пробкой радикальным способом, попросту перерезав упряжь сцепившихся телег, но я не позволил им этого сделать. В конце концов, пройти пешком труда не составит, а вот для этих людей такая потеря может оказаться губительной.

Проходя мимо затора, я пригляделся и увидел, что по большей части все стоящие в проходе были беженцами: грязные, уставшие, с потухшими взглядами. Бунт не прошел мимо простых людей: видно, хорошие порядки учинили булавинцы, раз простой люд с Дона побежал под царскую руку.

Не выдержав, я достал кошель и позвал Михаила:

– Капитан!

– Я, ваше высочество, – тут же отозвался он.

– Раздай эти деньги беженцам и проследи, чтобы на воротах их пропустили без волокиты, – попросил я, передавая ему тяжеленький кошель.

– Но, мой господин, я должен быть с вами...

– Хорошо, пусть этим делом займется любой из десятка, – предложил я.

– Есть, ваше высочество. Олег! – повернулся капитан к стоящему рядом гвардейцу.

– Да, господин капитан, – ответил молодой русоволосый мужчина, младший сын одного из рязанских бояр.

Взяв кошель из рук своего командира, Олег ушел. Я же продолжил свой путь, больше не обращая внимания на окружающих. Мне еще предстояло продумать разговор с парой лиц, которых я планировал привлечь на свою сторону. Быть может, они и не согласятся, но выслушать меня обязаны, ведь их почтит своим вниманием не абы кто, а наследник царя. По крайней мере, я так думаю, а там посмотрим.

Пройдя сквозь ворота с почтительно расступившимися караульными, я направился к пристани, где в переулке рядом с верфью жил Ермола. Как мне сказали, он вместе с Петром ездил в Европу в составе Великого посольства учиться корабельному ремеслу и вернулся три года назад. Но вот к корабельному делу его по возвращении так и не приставили. Уж не знаю, как и кто так решил, но вернувшийся из Голландии царский стипендиат был поставлен осматривать днища. Знания свежее испеченного корабеля пропадали даром, как, впрочем, и он сам, традиционно топивший свое разочарование жизнью и судьбой в бражке – на что-то большее заработков Ермола не хватало.

«Ну, думаю, с ним у меня проблем не будет, – размышлял я, сворачивая на нужную улицу. – Мастер всегда согласится творить, лишь бы возможность была да приработок какой-нибудь».

Пройдя улицу чуть ли не до конца, я нашел нужный дом, ничем не отличающийся от рядом стоящих, и постучался. И только потом подумал, что время еще раннее: солнце стояло еще довольно высоко, хотя и клонилося в сторону запада. Постояв пару минут, уже собрался уходить, когда дверь приоткрылась и из щелки показалась маленькая головка.

– Малыш, твой отец дома? – спросил я мальчика лет пяти от роду.

– Батки нет, он на верфи еще, – тоненько пропищал малыш, с интересом разглядывая моих гвардейцев.

Еще бы, ведь я сам предпочитал одеваться неброско и, главное, удобно. Форма же гвардейцев, в которой соединялись зеленые цвета заливных лугов с золотом пчелиного меда, не могла не бросаться в глаза.

– Жаль, а то поговорить бы мне с ним надо...

– Зачем это я понадобился его милости? – спросили меня сзади.

Капитан гвардейцев тут же закрыл меня собой. Повернувшись к говорившему, я увидел молодого мужика, лет тридцати пяти, с выцветшими волосами и загоревшим до черноты лицом.

– Представься, мужик, с царевичем разговариваешь! И кланяйся в ноги, не то на палю тебя посадим, – пригрозил нахмурившийся Михаил.

– Извините, ваше высочество, не признал, – стушевался мужик, кланяясь в ноги. – А зовут меня Ермола Тимошкин, ваша милость.

– Встань, – приказал я ему. – Разговор к тебе имеется, Ермола.

– Если ваше царское высочество не побрезгует, – указал на открытую дверь корабель, заметно нервничая.

– Не беспокойся, разговор о деле, так что не трясись ты так, – успокоил я его.

Правда, Ермола трястись так и не перестал: шутка ли, в дом обычного работника наследник заходит.

– Оставайтесь здесь и следите; если что случится, сразу мне докладывайте. Хотя знаешь, Миша, пошли человечка узнать дорогу вот к этому дому, чтобы потом не плутать нам, – подумав, добавил я, показывая бумагу, на которой было написано: «Правобережная, дом купца Бориса Лоханькова».

Раздав приказы, я зашел в дом, где мне сразу же преподнесли каравай свежесдобитого хлеба и холодный квас, очень недурной, между прочим, не то что в моем времени, одна пена и консерванты – тьфу!

– Марфа, неси... – крикнул Ермола, садясь на лавку, после того как я опустился на почетное место во главе стола.

– Я ненадолго, да и дел много, так что с едой погоди, да и поговорить с глазу на глаз надо, без лишних ушей, – попросил я хозяина дома.

– Как скажете, ваша милость. Марфа, не неси ничего и иди, сходи в хлев, проверь скотинку! – приказал корабел появившейся в дверях дородной женщине.

– Речь вот о чем, Ермола, – начал я сразу, как только захлопнулась дверь. – Мне нужен человек, хорошо разбирающийся в постройке кораблей и при этом преданный лично мне. Не отвечай сразу, подумай пару минут – увы, больше времени я дать не могу.

– Но как же так, я ведь только днища и смазываю...

– Не мели чепухи, ты многое знаешь и умеешь: не думаю, что голландские мастера ввали в рекомендации о твоих способностях. Тут вот что. Затеваю я одно сложное, государственной важности дело, и нужен мне для него человек вроде тебя. Если согласишься, не пожалеешь: и заработок будет, и творить дам, сколько захочешь, царское слово даю. И условие будет только одно, но тоже царское – преданность, и только преданность. Если слово нарушишь, и кто-либо прознает, чем я тебя поставил заниматься, или о других замыслах моих, коими я с тобой делиться буду, топор палача покажется милостью небесной по сравнению с моей карой. Так что решай, Ермола, неволить тебя не собираюсь. Пока не решился, ты человек вольный.

Молчание, повисшее в темноватой комнате, тихо плескалось, как вода в колодезном срубе.

– Я согласен, ваше царское высочество... – наконец выдал из себя корабел, даже и не смотря на меня из-под опущенных ресниц.

– Отлично! Тогда слушай...

Обсуждая детали моего «проекта», я убедился, что корабел действительно является знающим мастером с крепкой хваткой: он быстро вникнул во все детали плана, о которых ранее не имел даже отдаленного представления. Так что через полчаса мы расстались с чувством взаимного облегчения: я – за свое дело, а Ермола – за себя и свое семейство. Как мне показалось, он сперва крепко струхнул, подумавши, что его вовлекают в заговор против Петра...

Разговором с мастером я остался более чем доволен. Думаю, такой человек нам действительно подойдет, тем более на то, чтобы уладить все свои дела и перебраться в Петровку, ему хватит пары месяцев – увы, но дать ему больше я просто не могу. Душа просит, чтобы все идеи были как можно скорее воплощены в жизнь! Для русского человека творить и создавать так же необходимо, как дышать, ведь не зря же наша нация самая талантливая в мире!

«Что-то меня опять занесло», – подумал я, следуя за провожатым из числа гвардейцев, разузнавшим, где находится нужный мне дом.

– Вот здесь, – остановился Федор напротив большого дома на одной из центральных улиц города.

– Хорошо.

Время близилось к закату, улочки постепенно пустели, и даже сейчас, когда солнце окрашивало небосвод в алые цвета, на Правобережной улице не было людей, даже лоточники с горячими пирожками не хотели показывать своего носа.

Насколько я помню из истории, это было время разгула преступности – не столько на дорогах, сколько в городах. Да что говорить, если в самой Москве на заре петровского правления орудовала банда, бороться с которой пришлось путем ввода армейских частей. Правда, должного эффекта сия акция не произвела, разве что на пару лет сократила количество преступников в самой столице. В целом же города вымирали с заходом солнца.

Вот такая вот криминальная обстановка на Руси. Есть о чем задуматься. А если еще представить, какие суммы денег не доходят до казны из-за краж, разбойных нападений и тому подобного, то страшно становится. С этим надо что-то делать. Вот только что? Просто так их не выведешь, может начаться самая настоящая война, причем самая неприятная для солдат – городская. Нет, такого допускать нельзя, необходимо искать другие решения.

– Кого там черти принесли? – без тени намека на дружелюбие раздалось из-за двери, ведущей во двор дома.

– Открывай, смерд! – повелительно крикнул Михаил. – К твоему хозяину его высочество царевич Алексей желает зайти.

– А чем докажешь? – подозрительно спросили за дверью.

– Кнутом! А ну, живо открывай, собачья морда! – взъярился капитан гвардейцев, болезненно воспринимающий любое неуважение к моей персоне, пускай и нечаянное.

Послышался скрип открывающейся двери, после чего в воротах появился невысокий проем. Правда, заходить в оный пришлось по одному, да и то наклонившись – слуги купца Бориса Лоханькова перестраховывались. А когда я сам пролез на территорию дома купца, то увидел уже убранные к стене мушкетеры и дрянные шпаги.

– Веди к хозяину, – приказал я подошедшему ко мне двухметровому детине.

Не говоря ни слова, мужик развернулся и, переваливаясь из стороны в сторону, будто заправский медведь, повел меня к открытой двери терема. Не выказав удивления, я направился следом за ним; со мной пошел только Михаил: все же надо хоть как-то подстраховаться, не в избу же к крестьянину иду.

– ...по двое, – едва услышал я тихий голос Михаила, успевшего отдать какие-то команды.

Проблуждав чуть ли не пяток минут по нескончаемым коридорам и лесенкам, мы наконец оказались в просторной светлице, предназначенной явно для встреч дорогих и знатных гостей. О верности этого предположения говорило и то, что на одном из столов уже стояли горячие блюда вместе с парой закупоренных бутылок вина.

«Хорошо хоть не медовуха», – пришла в голову нелепая мысль.

Во главе стола сидел молодой мужчина, лет двадцати пяти – тридцати, с соломенными волосами и карими глазами, в которых при внимательном изучении пробежали веселые огоньки. Когда мы вошли, он встал со своего места и поприветствовал нас, тут же предложив сесть за стол.

«И когда только успели на стол накрыть? Видно, хозяин – парень не промах. Что ж, тем лучше для него».

– Извините, что спрашиваю, но чем заинтересовал вас, ваше царское высочество, простой купец? – спросил наконец Борис, после того как мы отведали превосходно приготовленных птиц, лежащих горкой на большом подносе. Жаль, что я так и не смог научиться различать всяких рябчиков и перепелов. Хотя главное – чтобы вкусно было, а кто там в желудок попадает, не так уж и важно.

– Чем вы меня заинтересовали...

Посмотрев на командира своих гвардейцев, я кивнул на дверь. Без лишних слов Михаил встал из-за стола и вышел, прикрыв за собой дверь. Теперь о том, что кто-то посторонний услышит наш разговор, можно не беспокоиться. Капитан знал свое дело как никто другой, а самое удивительное – симпатизировал мне, хотя в самом начале своей службы скорее просто исполнял обязанности. Но, видно, наследник будущей империи все же изменился в лучшую сторону, раз такие близкие люди, как командир телохранителей, столь резко меняют свое отношение к подопечному.

– Так вот, ты меня заинтересовал прежде всего как возможный компаньон, – продолжаю я, после того как дверь закрылась.

– Чем же вам, ваше высочество, может помочь обычный купец, занимающийся продажей льна и пшеницы?

Внимательно посмотрев на торговца, я с удовольствием заметил легкое замешательство на его лице – так, легкую тень, но ведь приятно же как!

– Вы знаете, Борис Митрофанович, что на Руси каждый год где-то голодает народ и умирают от голода сотни детей? – задал я купцу наводящий вопрос.

– Эка новость, ваше высочество, об этом все знают. Опять же, от урожаев многое зависит, от дождей, засухи... Да много от чего, всего и не назовешь, – простодушно ответил Борис Лоханьков.

– Так-то оно так, но мне вот недавно птичка на хвосте принесла, что частенько такими делами занимаются нечистые на руку скупщики. Порой даже специально вывозят за границу хлеб, дабы некая область нашей страны голодала, а народ там смуты устраивал, – усмехнулся я, глядя, как задергалась щека купчины.

– Я не знал об этом, ваше высочество, – единственное, что смог выдавить из себя Борис, медленно обливаясь потом, словно сидел не в комнате, а в натопленной докрасна бане.

– Как так? А кто же должен об этом знать, как не один из тех, кто такими делами занимается? – искренне удивился я словам купца.

– Так... я... ваше царское... – начал вставать со стула Борис.

– Сидеть! – прикрикнул я на него. – Ты мне голову не морочь, я про твои делишки много чего рассказать могу, да нет мне до них дела. Ты мне нужен не для того, чтобы тебя в холодную сажать.

– Все что угодно, ваша милость! – прямо из-за стола упав на колени, взмолился купец Лоханьков. – Что прикажете, все исполню.

По закону, купца за его дела ждали виселица и полная конфискация имущества. Так что все эти заломы рук в мольбе были не наигранными: перед его семьей стояла вполне реальная угроза оказаться в статусе крепостных, приписанных, к примеру, к уборке тюрьмы.

– Мне надо, чтобы ты к следующей зиме (скажем, ближе к Новому году) смог привезти в Рязань хотя бы десяток именитых купцов этих земель. Как и каким образом ты это сделаешь, меня не волнует. Если же к началу декабря тебя и остальных купцов не будет, то пара интересных документов попадет в руки Монастырского приказа.

– Но как же мне их собрать-то, ваше высочество? Да и к чему это? – попытался возразить купец.

– Для чего это надобно, тебе знать необязательно, а вот как собрать, решай сам. Единственное, что можешь сказать, это то, что в обиде никто не останется, да и напрямую ко мне обратиться могут, все же я не абы кто, а наследник престола. Ясно? – нахмурился я, вставая со своего места.

– Да, – покорно склонил голову купец.

– Хорошо, коли так.

В лагерь со своими людьми я прибыл ближе к полуночи. Не раздеваясь, лег на кровать и уснул, удивляясь тому, как сильно вымотался за день.

* * *

20-е числа мая 1708 года от Р. Х.

Саратов

Алексей Петрович

Стены города приближались со скоростью неспешно идущего человека, нехотя показывая свою истинную красоту, как будто молодая дева на выданье.

Мой конь стоял на небольшом взгорке, позволяя осматривать окрестности с помощью трубы. Мой взгляд гулял по равнине, наблюдая за тем, как более трех тысяч солдат движутся в сторону города. В Воронеже нам удалось взять с собой семьсот солдат из тысячи, да и то только благодаря тому, что мы недавно разбили один из летучих отрядов булавинцев.

Впереди колонны ехали две сотни драгун вместе с разведчиками Никиты, следом за ними шел батальон витязей, а за витязями – 5-й и 7-й пехотные полки, за которыми вяло передвигали ноги сотни солдат Воронежа. Сама природа, словно в насмешку над людьми, радовала прекрасными деньками. Но, вместо того чтобы радоваться и наслаждаться чудесной погодой, люди идут убивать.

– Да, погодка та еще, – сказал Кузьма, вытирая со лба капельки пота уже сырým платком.

– Отличная погодка, – улыбнулся Сашка, глядя с холма на открывшийся вид городских стен Саратова. – Еще бы кваску холодненького...

– Помечтай-помечтай, авось появится, – хмыкнул поручик.

– Мечтать не вредно, между прочим, дорогой друг. Вредно не мечтать, – улыбнулся Александр.

– Главное, чтобы мечты оставляли место для жизни, – сказал я, глядя на идущих солдат.

– Это ты о чем, Алексей? – спросил Кузя.

– Да вот думаю, как можно передвигаться по своим землям быстрее, а то уж больно долго получается, словно по степи какой-то идем.

– Так дороги сделать нормальные, ровные, вот и будут быстрота и легкость, – тут же предложил Кузьма. – А то сейчас смех один, а не дороги: чуть капнет дождь – и все, нет их, только грязь да жижа.

– Стоит задуматься о размещении войск. У кого какие предложения имеются? – поинтересовался я у друзей.

– Думаю, стоит, как и под Воронежем, встать под стенами, – предложил Сашка.

– Как раз так делать не стоит, – категорично заявил Кузьма.

– Почему же? – спросили мы.

– Так ведь из донесения ясно, что к городу скоро подойдет отряд мятежников. Хорошо если они днем подойдут, а что, если ночью? Ведь напасть могут с любой стороны. В городе же такой опасности нет, – аргументировал свою мысль поручик, с любовью глядя рукоять пистоля.

– Так и сделаем, – согласился я с предложением. – Думаю, пара дней у нас имеется, раз уж мы успели подойти к городу раньше срока. Господа, размещайте своих солдат вдоль стен внутри города, – приказал я двум полковникам, подъехавшим ко мне пару минут назад для получения приказа о стоянке.

– Есть, господин бригадир! – отдали мне честь полковники и отбыли к своим воинам.

– Я пока отправлюсь к встречающим. Вон как раз вроде бы и они, – увидел я, как через ближайšie к нам, северные ворота выехала процессия. – Никто со мной не желает послушать речь, которую будут говорить уважаемые члены города?

– Сегодня твоя очередь, – пихнул локтем Кузьму Александр.

– Да знаю я, знаю, но вдруг ты сам изъявишь желание поехать с Алексеем? – с надеждой переспросил Кузьма.

– Нет уж, упаси Господь от таких речей, я в Воронеже думал, как бы поскорее убежать оттуда! – честно признался рязанский помещик.

– Вам хорошо, вы меняетесь, а мне вот меняться не с кем, – пожаловался я на свою «тяжелую» судьбу друзьям.

– Так доля у тебя такая, – улыбнулся Сашка.

– Эх, доля-доля. Ладно, Кузя, поехали к процессии. Только не забудь полсотни драгун взять, все же наследник престола Российского едет, – тяжело вздохнул я, пуская коня навстречу движущейся вдалеке процессии.

Не знаю, стоит ли говорить о том, что сама встреча была жутко похожей на предыдущую встречу в Воронеже? Думаю, не стоит. Скажу только одно: мы с Кузьмой смогли освободиться от внимания посадника и полковника здешних войск только к вечеру, да и то частично. Им удалось-таки навязать нам в помощники пару своих людей, аргументируя это тем, что городу будет лестно иметь своих представителей под началом царевича.

Вот ведь, никогда не думал, что люди могут так витиевато и пространно выражаться, добиваясь только одного – лестного мнения о себе. Хотя честно скажу: лично у меня все лизоблюды вызывают только отвращение. Каждый человек обязан уважать себя и не унижаться перед другими. Но, опять же, хочу сказать, что это относится не ко всем, а только к малой части людей. Природа создала людей-лидеров и людей-подчиненных, так что насильственно менять это положение дел не стоит.

В городе в мое полное распоряжение предоставили лучший дом, прибывшим же со мной офицерам под надзором Кузьмы выделили необходимые квартиры для постоя.

Порядок и дисциплина витязей понемногу начали прививаться и в остальных полках, пускай пока только в двух. Но ведь и витязям-то немного лет, можно назвать их младенцами по сравнению с теми же элитными полками Петра – Семеновским и Преображенским. Так что времени, чтобы полностью освоиться, у них будет достаточно, да и все изменения, предусмотренные мной для армии, я постараюсь ввести как можно раньше. Если, конечно, не случится какого-нибудь ЧП. Впрочем, пока загадывать на будущее не стоит.

Как бы то ни было, несмотря на все перипетии и трения между офицерами, мне удалось через день после нашего прибытия в Саратов провести смотр всех войск. Всего насчиталось четыре с половиной тысячи солдат и две тысячи ополчения. Надо заметить, что сила против бунтовщиков, точнее, против той части, которая движется к Саратову, получалась изрядная... Жалко только, что я не знаю, когда именно они придут под стены города. Увы, во время учебы мне не довелось в подробностях изучить все события начала восемнадцатого века.

Следующий после смотра войск день прошел в рутинных делах, несмотря на то, что большая часть этих дел оседала на столах Кузьмы и Александра и мне досталось не в пример меньшее число требующих решения проблем. Так что о возможности выбраться в город пришлось забыть. Экскурсии с осмотром достопримечательностей Саратова не было, а жаль.

Дела о поставках провизии, фуража, пороха, выбор дорог и строительство временных укреплений за стенами города, караульные приказы. Рассредоточение войск на наиболее слабых участках крепостной стены, тренаж набранного ополчения, его обмундирование и многое другое, от чего под конец дня у меня началась столь страшная мигрень, что даже соблазнительное предложение попариться в баньке вместе с друзьями не возымело действия. Спать! Только спать!

К своему огромному удовольствию, наутро я встал бодрым и свежим как огурчик. Мигрень как рукой сняло. И сейчас, когда заботы еще не захлестнули меня с головой и голова свежа как никогда, имя «Юля» всплыло, всколыхнуло меня изнутри, словно мальчишку-кадета первый поцелуй в тени березы. «Уж не влюбился ли ты, Иван? – впервые за долгое время спросил я сам себя. – Влюбился, влюбился как школьник!»

Улыбка напозла на мое лицо, словно большой сытый удав, съевший совсем недавно пару дюжин кроликов. С этой самой улыбкой я потянулся к письму, лежащему на тумбочке рядом с кроватью, аккуратно распечатал.

Ваше высочество, я долго думала над теми словами, что вы мне сказали перед отъездом. И должна сказать вам, что по-прежнему считаю вас не тем, кем вы кажетесь. Не знаю, почему я все это вам пишу, это ведь не главное. Мне неважно, кто вы, пускай хоть сам черт, но вы забрали у меня

*мое сердце. Умоляю вас, заберите его навсегда, оно ваше, но только позвольте
быть рядом с вами, я больше не могу без вас.*

Навечно любящая вас Юлия

Вспомнив наше прощание и свои слова, я задумался. Ведь не могла же Юля понять, что я не Алексей? Или могла? Хотя даже если и поняла (правда, непонятно как), то это даже хорошо, ведь тогда у меня на душе не будет того груза, словно обманываю свою любимую девушку!

Взяв лист бумаги и написав ответ любимой, я оделся, стараясь как можно скорее закончить с утренним туалетом, дабы быстрее отправить послание в Рязань. Но, словно услышав мои мысли, в мою комнату зашел Никифор, никогда не покидающий меня.

– Срочно отправить это письмо, – передал я письмо слуге.

– Как пожелаете, ваше высочество.

До обеда, думая о Юле, я провел пару встреч с чиновниками города, отвечающими за тыловое обеспечение армии из окрестных деревенок. Заодно проверил, как устроили витязей. Казармы для гарнизона города временно отошли под размещение прибывшей бригады. Большинство солдат и офицеров Саратова, имея семьи в городе, переселились в свои дома.

Наладив поставки фуража и передав второстепенные дела своим помощникам, я принялся планировать оборону города, думая о том, что времени остается все меньше и меньше. Сев за стол с картой укреплений города, понял, что для полноценной картины необходимы советы всех квалифицированных военных, которые имеются у меня в подчинении. Все же опыт петровских военных советов оказался одним из тех, которые не только стоит, но и нужно перенимать. Не зря же древние ученые мужи говорили о том, что истина рождается в споре.

Поковырявшись в схемах еще пару часов, я окончательно пришел к выводу, что совет жизненно необходим, и решил собрать его сразу же после ужина, часов в семь вечера, планируя управиться с большинством вопросов к полуночи.

Увы, моим надеждам не суждено было сбыться. Совету пришлось заседать до трех ночи. В него вошли я, Кузьма, Александр, полковник 5-го полка от инфантерии Олег Шестаков, полковник 7-го полка от инфантерии Руслан Тимохин, полковник гарнизона Саратова Сергей Долгов, командир ополчения майор Кирилл Данилин, посадник города Юрий Бобров и командир витязей майор Прохор Митюха, имевший в консультантах старшего наставника Михея. Надо сказать, последняя кандидатура вызвала много неудовольствия: как же, молодой сопляк, и все в этом духе. Но мое замечание о возрасте и способностях тут же усмирило говорунов, в частности саратовцев.

Утром следующего дня военный совет продолжился, к общему облегчению, без вопроса о том, давать ли сражение под стенами Саратова или же нет. Сейчас на совете решались вопросы о взаимодействии войск и общей позиции полков. Честно скажу: никогда не думал, что такие, казалось бы, простые вопросы окажутся столь сложными. Ну скажите мне, для чего думать о том, кто будет впереди, а кто сзади на сто метров, если в бой все равно пойдут все? Вот и я не понимаю. Поэтому, думаю, больше мои военные советы не будут собираться в таком составе. Только проверенные, а главное, грамотные и понимающие люди!

В середине дня ко мне подошел капитан Нарушкин и сказал, что прибыл гонец со срочным донесением.

– Господа, минуточку внимания! – Я встал со своего кресла, поднимая правую руку. – Мне только что стало известно, что прибыл гонец с донесением. Поэтому попрошу у вас тишины, причем полной. Зови.

Тут же, как только ушел лейтенант, в дверь вошел запыленный, уставший молодой человек, с сумкой, похожей на дипломат, только чисто кожаный, без металлических вставок. Встав передо мной, он раскрыл «дипломат» и, достав оттуда сложенный лист бумаги, протянул мне.

Прежде чем взять письмо, я поинтересовался у гонца, откуда он.

– Я из передового отряда третьего драгунского полка, сержант Константин Чересов.

– Хорошо. А что ваш полк забыл так далеко на юге России? Разве мой батюшка не на границе со шведами вас оставил? – изумился я.

– Так и есть, господин бригадир. Просто мне дозволено было родных навестить, тут неподалеку, в награду за спасение нашего командира, капитана Духанова, – отрапортовал гонец в драгунской форме.

– Замечательно. Коли так, давай посмотрим, какие вести ты нам привез.

В донесении говорилось о том, что отряды бунтовщиков под предводительством Некрасова и Павлова, верных сторонников Булавина, скорым маршем движутся к Саратову.

– Сколько времени ты вез донесение? – спросил я у драгуна, прочтя неровные буквы.

– Один день.

– Что ж, спасибо за службу, сержант, можешь отдохнуть и быть свободным, – сказал я драгуну.

– Рад стараться, господин бригадир! – крикнул гонец и, развернувшись на каблуках, вышел из приемной комнаты, по воле случая ставшей залом совещания.

– Господа, хочу сообщить вам одну новость. Отряды мятежников Некрасова и Павлова движутся к городу и достигнут его самое большое через два дня. Идите, готовьте свои полки, скоро им придется выказать доблесть в бою.

«Что ж, в принципе, я так и предполагал, решение будет только моим. Проверка на вшивость, как говорится, – усмехнулся я про себя, следя за тем, как места совета пустеют. – Как все-таки здесь плохо устроено взаимодействие войск! Конечно, и в нашей армии не ахти, но такой-то неразберихи не было! Пускай какие-то инциденты были, не скрою, но чтоб так... нет, не было! Надо менять всю эту долбаную систему!

А что, вполне возможно, раз уж государь сам наделил меня властью, то и немного поглубже залезть можно. Наглядный пример – вот он, при мне: витязи. Конечно, боевого опыта мало, зато выучка много лучше, чем у тех же приданных мне полков. И это если не брать в расчет батарею из двадцати пушек – тоже сила немалая, при условии рационального использования, конечно.

Итого, подсчитав все имеющиеся в наличии силы, имеем: батальон витязей, вместе с двадцатью трехфутовыми пушками, два регулярных полка от инфантерии, триста драгун и в довершение – ополчение с гарнизонным отрядом. Что ж, можно считать боеспособными около трех тысяч человек. Недурно».

Все офицеры вышли, оставив меня с помощниками наедине. До ночи времени было много, поэтому мы решили еще разок просмотреть схему городских стен и прилегающих к ним улиц. На всякий случай. Мало ли что в жизни бывает. Но, может, к счастью, а может, и нет, нам так и не удалось найти что-то такое, чего мы до этого не смогли увидеть. Все укрепления на карте были новыми и крепкими. Впрочем, сомневаться в этом нам не было смысла, ведь капитальный ремонт стен проводился только пять лет назад. Тогда пришлось перебирать чуть ли не треть всех внешних укреплений.

– Пожалуй, мы предусмотрели почти все, Старший брат, – наконец сказал Прохор, когда мы в очередной раз обговаривали возможность контратаки наших солдат со стороны восточных ворот Саратова.

– Да, конечно, Прохор, почти все, но все же возможность какой-либо каверзы остается. К сожалению, мы не можем предугадать абсолютно все, – устало сказал я витязю. – Друзья, нам стоит отдохнуть, завтра тяжелый день, так что ступайте и велите истопить баньку, а то я так давно не был в ней, что кажется, вечность прошла!

– Наконец-то! – воскликнул Кузьма, радостно потирая руки. – Девоч приведем...

– Это без меня! – протестующе поднимаю ладони.

– Почему же это? Ты что, старик немощный? Али беда какая с тобой случилась? – с улыбкой спросил Сашка.

– Не до этого мне, и все! Нечего приставать ко мне. Да и тебе, Саша, не мешало бы провести денек без общества женщин, – заметил я.

– Зачем? Мне с ними хорошо... Они мне спинку трут, да так, что потом часок-другой в истоме лежишь... – плотоядно улыбнулся двадцатилетний помещик.

– Ты как мальчишка, ей-богу, который дорвался до сладкого! – со смехом сказал Кузя, пихая друга локтем. – Так же хочешь всего и много. А вот о последствиях почему не думаешь?

– Каких таких последствиях? – насторожился Сашка.

– Да ты после каждой ночи встаешь такой, словно полдня за конем гонялся. И отходишь только к обеду.

– Так отхожу же! – надулся Александр.

– Вот в том-то и дело, что бунтовщики могут напасть в любое время, а ты только к обеду и отходишь. Мы же не можем им сказать: мол, подождите, у нас тут Сашенька почивает, отдыхать изволит...

Кузьма еще не договорил, а мы с Прохором уже засмеялись, больно уж комично было лицо виновника разговора. Такое, словно у младенца отобрали его любимую игрушку.

– Да я вообще без них могу! Как наш Алешка! – гордо выпятил грудь Саша.

– Эй! Меня только в вашу перепалку не втягивайте. Идите лучше распорядитесь насчет баньки! – с улыбкой напомнил я им.

Подначивая друг друга, друзья ушли из приемной, но их голоса были слышны еще очень долго.

– Ну что, Прохор, как тебе наши дела видятся? – наконец спросил я витязя.

– О чем ты хочешь услышать, Старший брат? – спросил он.

– О том, правое ли дело за нами? Как витязи себя чувствуют? Есть ли вопросы, какие надо мне сказать? – заглядывая ему в глаза, спросил я майора. – Говори все, что наболело, я выслушаю. Ты же сам знаешь, не раз уже говаривали мы с тобой, брат.

– А надо ли, Старший брат, тебе обо всем говорить? Ведь многое может и неприятным оказаться, – вопросительно посмотрел на меня витязь.

– Надо, Прохор, ты даже не знаешь, как мне это надо!

– Что ж, коли так, то скажу тебе все, только ты не серчай, ежели обижу тебя словом нечаянно.

– Говори все как есть и не бойся. Поверь, это знание нужное, как всем витязям, так и мне, – успокоил я его.

Еще в первый наш с ним разговор я сразу же ему сказал, что никого наказывать за мысли не буду, но при этом должен знать обо всем в корпусе. Поначалу молодой отрок сопротивлялся, но после второй беседы сам говорил, что не так и почему, по его мнению, это не так. Благодаря таким беседам, пускай и не частым, все витязи, проходя учебу, были довольны своим выбором, притом что их нагрузки никто не снижал. Просто во время разговоров с их начальником, который стал им почти официально только три месяца назад, все жалобы и недовольства всплывали наружу. И если претензии были обоснованы, то я приказывал исправлять нежелательное введение или правило.

К моему удовольствию, благодаря постоянным беседам с Прохором мне удалось избежать множества ошибок. Наши разговоры позволяли мне не только вовремя узнавать о возможных будущих проблемах, но и глядеть на все новшества глазами витязей. Для Прохора... Не знаю, что ему лично давали наши разговоры, но вот для витязей они были только плюсом. Так сказать, образовалась линия связи с одним посредником в лице самого Прохора.

– Я не раз говорил тебе, Старший брат, что многим витязям тяжело вобрать всю эту премудрость. Уж больно внове все это. Ведь большая часть кадетов, бывшие крестьянские дети, гуляли по улицам, попрошайничали. Вот они-то не могут понять, зачем это все, ну, кроме

богословия, конечно. Нам даже наставники не могут сие объяснить, никогда ранее так воев не учили.

– Так в чем же дело? – нахмурившись, спросил я майора. – Объясни мне, Прохор, и не юли! Ты же знаешь, что я хочу от тебя услышать!

– Мы не знаем, кем будем дальше... – тихо сказал Прохор.

– Да уж, Прохор, не ко времени ты этот разговор затеял. Не этим голова у меня занята, не этим. Впрочем, коль спросил, скажу еще раз, напрямую, ежели своим умом не дошел. Не просто воев мы с тобой готовим, а будущих сподвижников наших. Тех, на кого опереться и кому довериться нам с отцом можно будет без сомнений и оглядки. Настоящих служилых людей для службы государственной, безгранично престолу преданных, честных и знающих. Вот почему и премудростей, как говоришь, много. Ведь без этих премудростей не справишься с теми многими новинками, которые вскорости для армии подготовлены будут по моему указу.

– Так мы не на убой идем, Старший брат? – с надеждой спросил Прохор.

– Конечно, нет. Мы здесь, чтобы остановить бунтовщиков и на практике проверить все те навыки, которые витязи получили в корпусе, – ошеломленно ответил я ему. – А с чего ты взял, что это так?

– Не знаю, – удивленно ответил командир витязей. – Вроде как слух прошел, вот и началось...

– Но теперь, надеюсь, ты объяснишь витязям, как обстоят дела на самом деле? – спросил я его.

– Конечно, Старший брат, – с улыбкой ответил Прохор, расправив плечи, словно до недавнего времени на них лежала неподъемная тяжесть.

– Больше нет никаких вопросов или проблем? – поинтересовался я у витязя.

– Нет, – четко ответил он.

– А как же насчет недавнего столкновения с бунтовщиками? Ни у кого нет никаких сомнений? – допытывался я у Прохора.

– Нет. А какие могут быть сомнения, если есть приказ? Мы же воины, а не торговцы. Так что насчет исполнения твоей воли, Старший брат, ты не беспокойся, – заверил меня шестнадцатилетний отрок, с искренней преданностью смотрящий мне в глаза.

Засим я отпустил витязя, отправившись в баньку. Однако уже к полуночи мы с друзьями разошлись.

* * *

26 мая 1708 года от Р. Х.

Осада Саратова. Отряды Некрасова и Павлова

– Наконец-то дошли! Я уже думал, что вечно добираться будем, – проворчал русоволосый мужчина преклонного возраста, взирая с холма на раскинувшийся вдалеке город.

– Да ладно ворчать-то, шли меньше трех недель, – с улыбкой ответил молодой всадник с черными как смоль волосами.

– Шли недолго, да вот только чует мое сердце недоброе что-то, – ответил старший собеседник молодому казаку.

В том, что это были казаки, никто и не сомневался, слишком уж заметна и известна их одежда по всей Руси, да и не только по Руси. Казаков выделяет их стать, то, как они держатся, их свобода, их неумная ярость, частенько используемая против врагов России по велению царей, а бывает, и без них – одни «походы за зипунами» чего стоят. Вот только теперь эта самая ярость и неудержимое желание свободы обернулись против Руси.

Два старшины стояли на холме и следили за тем, как их воинство быстро занимает удобные позиции перед городом, тут же окружая их привезенными с собой телегами и фашинами. Кто-то из войска отправился в ближайшую чащу, из которой почти сразу послышались удары топоров и треск падающих деревьев. Часть воинов отправилась на разведку местности вокруг города, выискивая слабые места в обороне.

Бунтовщики, не занятые делами, разложившись, отдыхали после длительного перехода, ожидая приближения сумерек. Какникак войско подступило к городу уже в то время, когда до захода солнца оставалась лишь пара часов, а до полной темноты – не более четырех. Какой может быть штурм в таких условиях? Правильно, никакого. Разве что вылазку ночью сделать, да вот только вряд ли она удастся. Осажденные еще бдительны и не подпустят к себе чересчур самонадеянных врагов. Так что приходится воинам отдыхать и пока не думать о предстоящем штурме города.

Внезапно стук топоров нарушили одиночные выстрелы, следом за которыми тут же раздался слитный залп десятков орудий с крепостных стен. Старшины, расположившиеся в центре импровизированного лагеря, увидели, как из чащи выходят ровные шеренги царского полка, уже начавшего перезаряжать свои фузеи для повторного залпа по отступающим противникам.

– Идиоты! Мы же их сейчас как капусту! Эй, хлопцы! По коням! – крикнул молодой старшина, взлетая на гнедого жеребца, вынимая из потертых ножен саблю и даже не заботясь о том, есть ли на седле пистоль.

Следом за своим старшиной в седла взлетели и бросились к появившейся из чащи пехоте семь сотен казаков.

– Стойте! – унесся им в спины одинокий крик второго старшины, но уже разгоряченные предстоящей схваткой казаки его не слышали – словно борзые, почувствовавшие лисицу. – Дураки, что же вы наделали?!

В подтверждение слов старого старшины со стороны той дороги, откуда они пришли, появились мундиры неизвестного покроя. А из ворот города начали выходить новые силы осажденных. Точнее, не осажденных: осады ведь как таковой и не случилось.

Залп!

Сотня унесшихся в сторону чащи казаков падает со своих коней, а наперерез оставшимся из-за спин появившихся из чащи солдат устремились, давая пехотинцам время на перезарядку и перестроение, драгуны. Звон клинков и выстрелы пистолей слились в единую ужасную какофонию, в которую сразу же влились стоны умирающих людей. Видя, что атака молодого старшины не удалась и казаки вынужденно вступили в схватку с драгунами, старшина Иван Некрасов приказал оставшимся войскам строиться для прорыва окружения, в котором они оказались буквально за десяток минут.

– Быстрее! Быстрее шевелитесь! – слышалось отовсюду; десятники гоняли растерявшихся людей, в спешке пытаясь спасти войско.

– Заворачивай влево! – крикнул своему первому помощнику, Александру Рыбакову, старшина Некрасов, видя, как царские войска спешат закрыть единственный проход между городом и перелеском, в паре верст от места сражения.

Беготня и зуботычины десятников принесли свои плоды: булавицы смогли построиться и теперь с успехом отражали вялые наскоки пары сотен драгун, выискивающих бреши в рядах укрывшегося за телегами противника. Две тысячи пехоты замерли на небольшом пяточке возле города, не решаясь выйти из своей полевой крепости. Около пяти сотен казаков силились прорвать шеренги царских войск, появившихся столь неожиданно, но раз за разом отступали назад к лагерю, оставляя на земле десятки мертвых тел.

Оглядев место сражения, старшина понял: «Это конец!» Из почти тысячи казацкой конницы, основной силы восставших, осталось чуть больше половины, да и та, что осталась, пред-

ставляла собой жалкое зрелище. Большая часть выживших всадников ранена и мало на что способна, разве что на прорыв из окружения...

Из задумчивости Ивана Некрасова вывела просвистевшая возле уха пуля одного из ретивых драгун, неизвестно как оказавшегося в опасной близости от старшины. Следом за одним драгуном появилась еще пара сотен, намеревавшихся с лету перемахнуть жиденькие укрепления булавинцев.

– Охолони этих молодцев, Ермола! – крикнул старшина командиру единственной батареи из пяти орудий.

Не говоря ни слова, подручные главного артиллериста стали разворачивать орудия в сторону приближающихся всадников.

– Пли! – приказал Ермола своим подчиненным.

Пара секунд – и убегающие от драгун казаки рассыпались перед своими позициями брызгами волн, ударяющихся об одинокий утес в море. Не ожидавшие такого подвоха драгуны угодили прямо под залп. Лишь немногие вовремя заметили открывшиеся взору пушки и развернули коней, но таких было мало. Первый и оказавшийся последним залп унес с собой почти сотню горячих голов, своими бездыханными телами устлавших землю перед батареей бунтовщиков.

– Кати телеги! – приказал старшина, понимая, что остается последний шанс на спасение. – В балку веди их, Дрон! Да скорее вы, сучье племя!

Голос Некрасова, казалось, разбудил воинов, тут же взявшихся за подводы. Неспешно, словно на прогулке, ходячая крепость двинулась в спасительную сторону, выходя из окружения, попутно огрызаясь на наскაკивающую с разных сторон царскую кавалерию. Сохраняя подобие строя, булавинцы, преследуемые полками царской армии, отошли в сторону балки. Сотня за сотней втягивались уцелевшие воины отряда Некрасова в спасительное местечко.

Внезапно со стороны шедших в первых рядах казаков раздались выстрелы, следом за которыми старшина услышал тяжелые хлопки взрывов. Первые ряды выкосило сразу же, пара бомб перелетела балку, поднимая в воздух комок грязи и песка, одна угодила рядом с конниками, распотрошив в мгновение ока два десятка солдат.

– Засада! – сразу же сообразил, в чем дело, Иван Некрасов. – Уходим в перелесок! Скорее!

Но увы, приказ был отдан слишком поздно. Из перелеска, в который повернули не попавшие под огонь пушек солдаты, вышли свежие войска царской армии, тут же открывшие залповый огонь по взбирающимся по склону холма бунтовщикам.

Видя, что положение войск становится катастрофическим, старшина попытался вырваться из мешка, в который угодил по собственной глупости, с оставшейся в живых сотней кавалерии, до последнего державшейся в резерве. Но как будто сама судьба решила сыграть со старшиной злую шутку: ни разу не подводивший Ивана верный Бурка оступился на полпути, влетев в невидимую даже зорким глазом ямку.

«Как глупо...» – подумал старшина, падая через голову своего коня и видя, как уносятся вдаль спины его верных казаков.

Едва слышный хруст – и один из самых верных и опытных сторонников Булавина безвольно раскинул руки по земле, не в силах подняться. Его глаза быстро стекленели, навечно впитывая последние лучи солнца...

Через десять минут сражение было закончено. Бойня в балке завершилась очередным залпом батареи витязей, буквально перепахавшей небольшой пятак черной земли вместе с телами восставших. А через полчаса к месту падения одного из старшин бунтовщиков прискакал отряд драгун во главе с молодым всадником, возле которого мельтешили зелено-золотые мундиры гвардейцев.

– Это он? – спросил молодой мужчина, требовательно глядя на грязного казака, с ненавистью смотрящего на спрашивающего человека.

В ответ казак попытался плюнуть в лицо командиру отряда, но хлесткий удар по печени от одного из гвардейцев заставил его согнуться от боли пополам.

– Отвечай, падаль!

Новый удар по ребрам – и судорога боли прокатилась по телу казака.

– Да пошли вы, царские...

Что хотел сказать казак, никто не стал дослушивать. Новый удар опрокинул бунтовщика на землю, после чего он еле поднялся, сплевывая кровь с разбитых губ.

– Ну так как, скажешь? – почти безразлично спросил все тот же мужчина.

В ответ казак только усмехнулся, демонстрируя полное презрение к спрашивающему его юноше.

– Я же говорил, надо было его вздернуть на первом суку, и все! – сказал молодой человек рядом с командиром небольшого отряда.

– Кузьма, ты же знаешь: он мне нужен, чтобы отцу отвезти! – хмуро сказал юноша, с неприязнью глядя на казака. Мысль о казни булавице с каждой секундой нравилась ему все больше и больше.

– Так может, тогда десяток бунтовщиков казним? Глядишь, этот хлопчик и разговорится, – предложил другой всадник, смотря в глаза казака.

– Не поможет, этот собачий выкормыш других людей ни в грош не ставит! Ты посмотри на его харю! – ответил Кузя.

– Нет. Другие отвечать за него не будут, он один в ответе за себя. Остальных бунтовщиков отправим в Рязань под конвоем, там решим, что с ними делать, тем более что рабочие руки в хозяйстве всегда нужны, – ответил царевич.

– А что с ним делать? – спросил Илья, глядя на царевича.

– В тюрьму его, куда же еще. Только сделайте так, чтобы не сбежал, – ответил царевич с деланным безразличием.

Никто и не заметил, как левая рука царевича, покоящаяся на шпаге, с силой сжала ее. На долю мгновения в глазах вместо триумфа и радости плеснуло глубокой печалью...

* * *

27 мая 1708 года от Р. Х.

Саратов

Алексей Петрович

Бывают минуты, когда кажется, что вся жизнь прожита бесцельно, и чем гениальнее и способнее человек, тем чаще у него случаются такие «озарения». Для него нет времени и нет слова «завтра». Он всегда живет сегодняшним днем, в котором он существует и творит. Только отдаваясь целиком и полностью созданию чего-то нового, он может жить.

Бывает так, что люди смеются над таким человеком, оскорбляют его и насмеваются над ним, стараются втоптать его талант в серую пучину обыденности. Они не могут видеть рядом с собой того, у кого есть этот божий дар, искра, которая, разгораясь, озаряет все вокруг. Многие не хотят видеть этого сияния, предпочитая оставаться во мраке невежества и дикости...

Ночь. Как прекрасна бывает ночь, когда сотни тысяч звезд мерцают на небосводе, окружая каждого человека своим светом. Тихий, едва уловимый ветерок гуляет по моему телу, словно говорит: «Пора! Что же ты? Скорей, пока не поздно...»

Нет, друг, не пора, я не могу, как ты, гулять по миру, отдаваясь своим желаниям. Не могу быть просто вольным человеком.

Нет – увы, теперь уже нет – того Ивана Пестерева, как и нет прежнего Алексея Романова. В этом теле навсегда поселился новый дух, а может, душа – не знаю, но чувствую, как постепенно растворяюсь в окружающем мире, становясь одним целым с ним. Возможно, совсем скоро я и не смогу отделить себя от него...

Я сидел в покоях отведенного мне дома в Саратове – дворцов здесь не было. Мысли гуляли где-то высоко в небесах, силясь отыскать оправдания моим вчерашним действиям, но так и не могли эти самые оправдания найти...

Цена неудачной осады Саратова для отряда булавинцев оказалась высокой: из двух с половиной тысяч бунтовщиков в живых остались чуть больше восьмисот, да и то чуть ли не половина их оказались плененными. Теперь можно спокойно говорить о том, что планы Булавина на Дон рухнули, а мечты о быстром марше на Москву, коли таковые были у него в голове, так и останутся мечтами. Если, конечно, не случится какого-нибудь непредвиденного катаклизма.

Возможно, потери не были бы столь фатальными, если бы удалось спастись одному из старшин, руководивших отрядом, но, как оказалось, ни один из них не смог покинуть поле боя со своими воинами. Один умер, сломав себе шею, второй оказался в наших руках и теперь пребывал в местах не столь отдаленных с переломанными ступнями. Возможность побега решительно исключалась мной, а для этого требовалось перестраховаться, пускай и гестаповскими методами.

Но не это решение мучило меня, не давало спокойно уснуть, нет, не оно...

Наши солдаты отдыхали после сражения, пили и ели, кое-где пели песни и веселились. Пленные содержались не в тюрьмах, как следовало бы, а на оборудованных под временные тюрьмы городских складах, сумевших вместить в себя столь большое количество народа.

Перед тем как поместить более трех с половиной сотен пленных в эти деревянные коробки без окон, до всех пленных довели мое предупреждение. В нем коротко говорилось о том, что в случае побега или, не дай бог, бунта будут наказываться не те, кто все это заварил, а часть их же товарищей, случайно выбранных из общего числа. Метод привития дисциплины Темучина, больше известного как Чингисхан, показался мне оптимальным, почему-то в голову закралась мысль о том, что я смогу внушить бунтовщикам идею невозможности побега вообще. Глупец.

Я не думал, что мне придется претворять в жизнь свои обещания. Если бы хоть на секунду допустил, что это возможно, то принял бы другие меры по содержанию булавинцев. Но, как говорится, человек полагает, а Господь располагает. При первой же малейшей возможности более полусотни казаков попытались разоружить поставленных на охрану хлева, куда их всех заперли, солдат третьей роты 5-го полка.

Все развивалось как по сценарию. Сначала кто-то из казаков, притворяясь тяжело раненым, попросил воды. Русский человек до последнего надеется на лучшее, являясь по сути своей простодушным и сопереживающим, при всем при этом исполняющим свои обязанности с прилежанием и должным старанием, которое порой бывает излишним. Вот именно из-за последнего качества и получилось так, что, подумав, капрал, у которого под началом имелось чуть более трех десятков солдат, стороживших ворота барака, решил, что ведро воды не будет слишком большим отступлением от приказа командования.

Печальный итог не заставил себя ждать: половина фузей успела сделать один залп, прежде чем солдат смяла орущая толпа высвободившихся казаков, намертво вцепившихся в свою единственную возможность спастись от царского правосудия. Хорошо еще, что три роты пехотинцев постоянно несли дежурство возле перекрытого места заточения булавинцев. Так что через полчаса криков и десятка убитых пленных, столь мимолетно приобретших свободу, ситуация нормализовалась, и бунтовщики вновь сидели в хлеве, только теперь возле него постоянно дежурил капрал со своим капральством, и менялись они каждые три часа.

Из-за этого мини-восстания третья рота потеряла одно капральство, оказавшееся на пути у казаков.

Как бы то ни было, несмотря на то, что побег не удался, пришлось отдать приказ об исполнении наказания...

Я стою рядом с третьей ротой 5-го полка и смотрю, как из толпы пленных вытаскивают очередного «счастливчика». Полки построились рядом с местом проведения казни. Тут же, рядом, стояли сбитые на скорую руку виселицы.

Кто-то из пленных, не понимая, что происходит, начинает голосить, моля Бога о милости, кто-то презрительно смотрит на солдат и офицеров, наверняка мечтая вогнать в их тела вершок-другой стали...

Но это все было до того, как шеренги 5-го полка расступились и из его рядов вышли три сотни воинов, почти вплотную подошедших к пленным. Приказ командира – и фузеи заморают чуть ли не впритык к лицам булавинцев. Только полсотни солдат не стали поднимать свое оружие, а, закинув его на плечо и разбившись по парам, начали вытаскивать из толпы «случайных» пленных. Приказ вытаскивать казаков был дан более чем точный, за неисполнение оного солдата могли сурово наказать.

Закат окрасил потемневшие от времени стены ближайших домов в алые цвета, словно предвещающая грядущую расправу над бунтовщиками. Минута – и первые десять человек забились в конвульсиях, на драных, грязных штанах проступили сырые пятна, начавшие спускаться к ногам. Хриплые стоны улетали в небо, возвещая о том, что первая партия осужденных отправилась на встречу к хранителю небесных врат.

Мольбы, стоны, крики, ругань – все это я слышал так, как будто находился далеко от всего этого, словно кто-то персонально для меня сделал звук тише. Стоял и смотрел, как по камням мостовой волокут к виселицам новую партию приговоренных казаков. А ведь они стали ими из-за собственной дурачности, приняв участие в этом безнадежном для них предприятии.

После исполнения приговора я ушел к себе, отказавшись составить компанию своим друзьям. Мне надо было все хорошенько обдумать...

Проснулся я от легкого дуновения ветерка, заглянувшего в мою комнату. Оглянувшись, увидел, что на полу, рядом с моим креслом, сидят друзья, укрывшись парой одеял, еще вечером лежавших на кровати.

– Эй, лоботрясы, вам было столь трудно дойти до своих комнат, что вы решили заночевать, скажем так, не в самых удобных позах? – спросил я, расталкивая их.

– Живой! – обрадованно воскликнул Кузьма, внимательно разглядывая меня.

– Я, конечно, понимаю, что пощупать руками лучше, чем просто увидеть, но, дорогой Александр, тебе не кажется, что ты, как бы это лучше выразиться, ведешь себя несколько ненормально? – спокойно сказал я помещику Баскакову, когда он чуть не пальцем начал в меня тыкать.

– Уф! А я думал, что брежу уже, – облегченно выдохнул Сашка, осматривая меня со всех сторон.

– Да что случилось-то?! – не выдержал я.

Кузьма и Саша тут же перестали вымученно улыбаться, расслабились.

– Ничего, – ответил Кузя.

А Александр продолжил:

– Если не считать того, что вчера ты уходил несколько не в себе...

– Да скажешь тоже – «несколько»! Да он шел и ничего перед собой не видел! – перебил друга Кузя.

– Это вы о чем, други мои? Я прекрасно помню, как ушел с площади и как дошел до этой комнаты. А вы тут начинаете мне какую-то белиберду говорить! – рассердился я. – Плохие шуточки у вас!

– Вот-вот, именно такой ты и был! Мы поэтому и отправились не на праздник по случаю победы и снятия осады, а следом за тобой. Пришли и видим: ты сидишь в кресле ни жив ни мертв, в одну точку уставился, и все. Мы уж и звали тебя, и щипали – ничего не помогало, – коротко поведал Кузьма.

– Ну, как видите, со мной все в порядке, и ничего серьезного не было! – чересчур бодро отвечаю я, стараясь за напускной бравадой скрыть накопившие неприятные ощущения. – И кстати, вы что хотели спросить вчера?

– Дело в том, что у нас возникла одна идея. Мы с Кузей думали о том, что неплохо было бы подобрать десяток-другой способных кадетов и обучить их особо...

«Вот так номер! Это тебе не хухры-мухры! Пока ты в облаках витал, пускай и довольно мрачных, люди додумались до идеи двадцатого века! А ты ни в зуб ногой... Непорядок».

– Продолжайте.

Присаживаюсь в кресло, соратники же, наоборот, встали и теперь возбужденно заходили по комнате, готовясь поведать мне свои мысли.

– Тут такое дело, Алексей... Мы по несколько раз перечитали найденные еще тогда бумаги и подумали, что в каждой армии есть разведчики, лазутчики и прочие воины, у которых подготовка много лучше, чем у обычного солдата...

– Таких солдат не так уж и много, – возразил я, намеренно перебивая поручика, стараясь сразу же выявить слабые стороны их идеи, указав на главную, с моей точки зрения, проблему.

– Ну, допустим, что лазутчиков и разведчиков не единицы... – протянул Кузя.

– Да-да, их-то не единицы, вот только действительно подготовленных и способных в их рядах – раз-два и обчелся! – продолжил я свою мысль.

– Так вот, речь как раз об этом – о подготовке. Что, если собрать десяток-другой витязей, обучить их всем имеющимся навыкам боя и другим полезным военным хитростям и создать отряд, который мог бы выполнять такие задачи, которые недоступны обычным солдатам?

– Возможно. Но вот скажи мне, Кузенька, а как ты их готовить будешь? Ведь для этого мастера нужны, и при этом, как я понимаю, об этой идее не должно знать много народу...

– Ну, мы же только предложили. Да и вообще, тебе такие дела лучше удаются. Мы бы и рады ответить на эти вопросы, да сами голову сломали, ища решение.

– Что ж, идея дельная и стоящая. – Я верчу в руках перо: увы, но разработка карандаша только началась, так что приходится довольствоваться тем, что есть. – Только вы не забывайте, что витязей у нас маловато, да к тому же они, где бы ни были, должны быть примером для любого воина Руси. И это надо учитывать еще и потому, что мы планируем часть выпускников-кадетов не отправлять в армию, а оставлять у себя в помощниках. Так что думайте и решайте, кого стоит привлекать, а кого стоит оставить. Все пункты подбора требуемых витязей вы напишете сами, а также без лишнего шума найдете глухое местечко километрах в пяти от Петровки – такое, чтобы и добраться до него можно было без особых проблем, но и чтобы особо заметным оно не было.

– Будет сделано. Сразу же, как только вернемся в Рязань, – улыбнулся Сашка.

– Увы, но нам нельзя спешить в этом деле, мало ли что может выкинуть Булавин, – с сожалением сказал я друзьям. – Да и сил маловато у нас...

– Так можно для усиления бригады вызвать часть гарнизонов из городов, которые находятся выше по течению Дона, ведь теперь-то им отряды бунтовщиков не угрожают, – предложил Сашка, теребя мочку уха.

– Как сказать. Может, все же есть еще отряды? Ведь мы точно не знаем, что там задумал Булавин, кстати, выбранный старшинами атаманом Войска Донского, – ни к кому не обращаясь, сказал Кузьма.

– Ого! И когда успели-то? – удивился Александр. – Хотя времени у них хватало...

– Да, как говорится, наш пострел везде поспел, – хмыкнул поручик.

– Вам бы все смеяться, а надо дела делать, – нахмурился я, чувствуя, как на меня накатывает волна апатии.

– Да никто не смеется, Алексей, что ты так разошелся-то? – спросил Кузя, с тревогой глядя на меня.

– Извини, я что-то действительно как-то нехорошо себя чувствую...

«Блин, да что со мной такое творится-то? То блажь какая-то появилась, а сейчас это! Надо срочно решать, что делать со всем этим...» – с легкой паникой подумал я.

– Ты тогда отдохни, раз уж до рассвета время еще есть, а мы пойдем к себе, парой слов перемолвимся, – предложил помещик, беря Кузю под локоть.

– Ну давайте. Только смотрите, завтра, точнее уже сегодня, мы должны выступить: негоже столь изысканную компанию, как восставшие, заставлять себя ждать.

Чувствуя, как тело наливается свинцовой тяжестью, я на подгибающихся ногах побрел к кровати и даже не заметил, как провалился в царство Морфея.

* * *

Первые числа июля 1708 года от Р. Х.

Азов

Алексей Петрович

После памятного снятия чуть было не начавшейся осады Саратова наши войска, возросшие за счет пришедшего полка Бернера до шести тысяч человек, направились в сторону Дмитриевска, недавно захваченного отрядом Некрасова и Павлова.

Ожидая сопротивления со стороны захватчиков, нам пришлось дожидаться осадной артиллерии в количестве двадцати шестифутовых орудий, прибывшей на две недели позже самого полка. Так что к штурму города мы приготовились на отлично. Вот только все приготовления оказались напрасными, потому что войска восставших оставили город сразу же, как только узнали о нашем приближении.

Радуюсь такому исходу и столь быстрому продвижению на юг, в центр очага восстания, я отправил отцу депешу, обрисовав сложившуюся ситуацию. Ведь получалось, что, перекрыв дорогу казачьим вольным отрядам, столь удачно распылившим свои силы, мы попутно с этим открывали для себя дорогу к восставшим землям.

Вот только продвигаться дальше без надежного тыла было бы большой глупостью. Лояльные земли остаются за спиной, и фуражиров придется обеспечивать надежной охраной. И это не считая будущих гарнизонов для крепостиц и городов.

Но просто стоять на месте и ждать было столь же плохо, как и бездумно мчаться вперед. Время играло на руку Булавину, отправившему «прелестные письма» с призывом к восстанию на Дон, Слободскую Украину и в Поволжье. Поэтому надо было что-то решать, причем как можно скорее, ведь, судя по донесениям разведчиков, большой отряд восставших, под руководством самого зачинщика смуты на юге России, невзирая на угрозу вторжения моей бригады, направился к Азову – оплоту царских войск на Дону.

Из истории мне, конечно, известно, что Азов не был взят Булавиным, но ведь мало ли что может произойти. Все же раз уж я здесь оказался, могут быть и какие-то другие сдвиги в

событиях. Хотя до последнего времени все вроде бы шло как и в моей эпохе, правда, до того времени, пока я сидел тише воды ниже травы...

Перспектива захватить верхушку восставших в Черкасске и сразу лишить их «головы» вместе с поставками продовольствия и оружия была очень заманчивой. Даже шальная мысль пробежала – разделить силы пополам и отправить часть к городу. Вот только желание не допустить захвата Азова в конце концов взяло верх, и наша бригада направилась напрямиком к оплоту царских войск на Дону...

Не скажу, что поход по полупустым землям был легок и прост, это далеко не так. Хватало всего, начиная с болезней, появившихся у воинов бригады, до редких налетов малых отрядов казаков. Хорошо хоть проблемы с едой удалось решить еще в самом начале похода: кормили, благодаря хорошо зарекомендовавшему себя способу приготовления еды, в походных кухнях, половину которых пришлось заказывать в Саратове. Не обошлось и без банального расстройства желудка, которым маялись чуть ли не три сотни человек. М-да, данная напасть преследовала, наверное, большинство армий мира.

Отдельной строкой в списке проблем стояла добыча сведений о передвижениях противника, чересчур обнаглевшего от мимолетной вседозволенности. Пиком неприятностей стали ночные нападения на наши караулы, сразу же усиленные чуть ли не втрое против обычного. Так что, повторяюсь еще раз, проблем хватало.

Но мы все же смогли достигнуть предместий Азова...

«Ужас! Какой ужас! Да выключите кто-нибудь эту жару!» – так и хотелось крикнуть мне, но вот только не мог я этого сделать: не поймут.

Мое плохое настроение удвоилось после привезенного мне письма Юли. Она не пожелала оставаться в Саратове, решив ехать напрямиком ко мне. И, судя по письму капитана моих гвардейцев, находится уже довольно-таки близко от нас. И это притом что скоро нас ожидает не самый легкий – да что скрывать, тяжелый – бой!

Отлупить бы ее по попке! Да ведь рука не поднимется. Хотя...

«Какие-то неприличные фантазии стали вас посещать, царевич», – оборвал я сам себя, стараясь больше не думать о девушке.

Сказать – одно, а вот сделать – совершенно другое. Вопреки всем стараниям, лицо Юли, ставшее таким родным, все чаще и чаще являлось перед моим взором, словно я предчувствовал долгожданную встречу.

Дела, скажу я вам, не столь прекрасны, как мне хотелось бы, да, видно, ничего уже не поделаешь. Если только не отправить в ответ письмо – так сказать, попридержать на денек другой слишком ретивую девушку.

Не мудрствуя, черкнул пару строк Михаилу, с приказом доставить Юлю в дружественный царю город Воронеж, дабы не подвергать опасности девушку, невзирая ни на какие доводы оной.

Разобравшись с насущными делами, столь не вовремя изъявившими желание появиться, я посмотрел в подзорную трубу в сторону Азова, откуда едва различимо для наших ушей раздавался непонятный шум.

– Они его штурмуют! – запыхавшись, крикнул Никита, осаживая рядом со мной своего гнездового жеребца.

– Давно начали? – первым делом поинтересовался я, начав думать, как лучше поступить.

– На валу уже порядком подранков лежит, да и земля вся почернела; думаю, что часа три уже штурм идет, – подумав, сказал командир разведчиков.

– Тогда сделаем так...

Бригада разбилась на две неравные части, которые, разделившись, направились в разные стороны. Меньшая часть, в которую вошли гарнизонный полк и небольшие отряды Воронежа и Саратова, отправилась обходными путями на помощь осажденным, заходя с наименее замет-

ной стороны города. Вторая часть бригады, в которую вошли все оставшиеся силы, пошла в сторону тыловых позиций бунтовщиков.

С каждой верстой шум штурма слышался все четче и четче. Мы же, стараясь не привлекать к себе внимания, шли в двух верстах от возможных секретов Донского войска. Благо, что основные силы казаков были заняты штурмом, а засевшие в дозорах солдаты не слишком рьяно отнеслись к взваленной на них службе. Понадеялись на то, что здесь нет царских войск. Вот если бы они исправно несли свою службу, то, думаю, наша задумка вряд ли бы удалась. Спрятать две с половиной тысячи человек на почти голой равнине не под силу никому. Но, слава богу, нас «проспали».

– Пятому и седьмому полкам строиться в каре и ждать приказа, – велел я командующим. – Вашему полку, сударь, строиться между пятым и седьмым в колонну, – обратился я к Бернеру, наблюдая в подзорную трубу, как отряды бунтовщиков накатывают на стены, оцетившиеся разнообразной крепостной артиллерией.

Командиры полков тут же отбыли к своим солдатам, оставляя меня с друзьями наедине.

– Думаю, нам не стоит давать волю случаю и человеческой глупости. Слушай мой приказ: вы отправляетесь вместе с полковниками. В случае непредвиденных обстоятельств даю вам право принять командование людьми на себя! – сказал я товарищам, всматриваясь в горизонт, где слышались пушечный грохот и ор нападающих. – Боюсь, что некоторые наши командиры стали слишком самонадеянны после первых побед. Ну да вы и сами прекрасно слышали их похвальбу вчера.

– Да, не ожидал я этого от таких тертых вояк, – честно признался Сашка. – Они как мальчишки! Даже хуже, они и есть мальчишки. Седоусые мальчишки в полковничьих мундирах...

Вчера, собрав военный совет, от которого мне пришлось отказаться в Саратове, я неожиданно для себя услышал много интересного, в том числе о том, что бунтовщики, оказывается, вовсе не опасны, они «всего лишь деревенщина и казацкая голытьба, возомнившая себя солдатами».

Неприятно признавать, но победы чересчур сильно повлияли на одного из полковников, а именно – на командира 7-го полка от инфантерии, неизвестно отчего выдавшего такую нелестную речь о противнике. Полковник 5-го вроде бы промолчал, вот только рисковать мне не хотелось. А то из-за очень рьяного исполнения приказа может случиться катастрофа, а не просто поражение, которое лично меня никак не устраивало. Полковник Бернер же, в силу своего недавнего прибытия, предпочитал отмалчиваться.

– Да, давно видно было, что этот Тимохин с душком каким-то, – согласился Кузьма, косясь в сторону 7-го полка.

– Я надеюсь на вас, друзья. И вот еще что. Возьмите с собой по два десятка витязей: мало ли что может случиться, а у вас за спиной ни штыков, ни фузей, – немного мрачно добавил я. – Я думаю, Прохор отрядит взвод-другой...

– Как будет приказано, господин генерал-майор, – ответил майор батальона витязей.

Жизнь – штука сложная, да и разные «случайности» порой не случайны. Так что помощь всегда будет только в плюс.

– Ты же, майор, вместе с братьями займи вон тот взгорок, – указываю я пальцем на небольшое возвышение в полуверсте от себя, находящееся чуть в стороне от дороги. – На нем прекрасно можно укрепиться и не дать булавинцам зайти в тыл к нашим полкам. Думаю, пара жарких атак у вас точно будет. Справитесь?

– Так точно, Старший брат! – вытянулся в седле старший витязь.

– Тогда иди, нам надо как можно скорей занять эту точку, она для нас крайне важна...

* * *

6 июля 1708 года от Р. Х.

Азов

Прохор Митюха

Наконец запела труба горниста. Ожили барабаны, чуть выше обычного поднялся штандарт батальона. Ожидание, столь мучительное для каждого человека, закончилось.

Отбросив в сторону все сомнения и эмоции, молодой майор, построив своих подчиненных в боевой порядок, скомандовал:

– Вперед!

Чуть меньше полутысячи молодых витязей, самому старшему из которых не было еще и восемнадцати весен, шли в бой с веселыми, яростными глазами, такими, какие бывают только у отроков, у которых в жизни есть только два цвета – черный и белый.

Для них нет серых тонов и нет однодневных друзей, как порой бывает у взрослых мужей. Фузеи витязей мерно покачивались на плечах; в подсумках, сшитых портными Петровки, лежало по одной малой гранате с картечью и сорок бумажных патронов.

К большому сожалению Прохора, у них пока не было тех фузей, которые недавно показывал ему Дмитрий Колпак у себя в мастерской, но он не отчаивался, целиком и полностью надеясь на выучку своих братьев. Все-таки новое оружие – оно, конечно, хорошо, но и сами люди много чего стоят, а витязи в двух предыдущих схватках с бунтовщиками показали себя с наилучшей стороны. Да и два десятка полевой артиллерии – мощь немалая.

Вот уже до нужного бугорка осталось несколько десятков сажений. Три взвода были выдвинуты вперед, в боевое охранение. Орудия перемещались в центре походной колонны заряженными, как было предписано новым уставом, чтобы быть готовыми к любым казусам, что могли приключиться. Казаки ведь чуть ли не с любой стороны вылететь могут, а своей кавалерии мало – едва хватает, чтобы тылы держать да фланговые атаки в крайнем случае, поддержать.

– Первый взвод на месте! – наконец скомандовал Прохор, как только первые шеренги вошли на вершину бугра. – Батальон, стой!

Витязи замерли на месте в ожидании команды.

– Капитан Дуров, за вашей ротой южный склон; капитан Мишин, за вашей ротой восточный склон; капитан Березин, за вашей ротой западный склон; капитан Щукин, за вашей ротой северный склон. Лейтенант Птицын со своей полуротой в резерве. Разойтись!

По команде сержантов взводы начали занимать позиции, укрепляя малые батареи из пяти орудий с каждой стороны света. На вершине замерли два взвода пятой роты, готовые в случае нужды прийти на помощь своим братьям-кадетам.

Однако приготовления витязей не остались незамеченными для противника, уже увидевшего, что с тыла заходят прибывшие на помощь городу царские войска. Не прерывая штурма городских предместий, Булавин послал наперерез вышедшим по дороге полкам стоящие в лагере резервы. Полтысячи конницы тут же бросилось в сторону 5-го полка, собираясь смять правый фланг. Размахивая саблями и подбадривая себя криками, казаки неслись на ошетилившиеся ряды замершего в трехшереножном строю противника.

Не доскакав пару сотен сажений, все всадники повернули налево, обходя позиции. Следом за умчавшейся казацкой конницей из лагеря восставших вышли полторы тысячи пехоты, катя с собой дюжину возов с шестифунтовыми пушками.

– Приготовиться! – скомандовал Прохор, наблюдая, как на его ряды несутся полтысячи казаков, успешно обошедших ряды трех полков.

С каждой секундой цели становились все ближе и ближе. Наконец майор махнул саблей вперед, давая команду для залпа северной батарее. Пара секунд – и пять стволов выплюнули по гранате, унесшихся в сторону конницы. Немного не долетев, пара гранат взорвалась над землей, разбрасывая смертоносную картечь, выкашивая первые ряды рвущихся на склон бунтовщиков. Следом за ними послышались взрывы в середине конного отряда.

Предсмертные стоны, ржание раненых коней, проклятия посыпались на головы отроков, с бледными лицами наблюдавших, как невдалеке гибнут братья-славяне. За несколько секунд казаки потеряли убитыми и ранеными почти сто человек.

– Вывести все батареи на северный склон! – скомандовал Прохор, видя, как приходит в себя казачья конница, откатившаяся для набора разгона чуть назад.

Что хорошо было в 12-фунтовых пушках витязей, так это то, что они имели относительно небольшой вес, а потому обладали большей мобильностью, нежели все их товарки, существующие в этом времени. Но все же они банально не успели докатиться до нужной точки на склоне, и пришлось стрелять без наводки, попросту выпалив навскидку по конной массе. Из-за этого результат получился несколько хуже, чем планировалось.

– На пле-чо!

Шесть взводов прикладывают фузеи к плечу.

– Целься!

Правый глаз находит мушку на конце ствола, палец ложится на курок, замирая в ожидании новой команды. Примкнутый штык блестит на солнце, мешая обзору...

– Пли!

Сто двадцать фузей разом выстреливают в казаков, вплотную забравшихся на склон бугра.

– Рокировка!

Четвертая и пятая роты отходят назад, по дороге каждый из витязей готовит патрон.

Шаг, переход на бег – и первая линия становится на колено, приставляя к плечу фузеи, вторая замирает сверху; две роты разбиваются на островки-взводы, тут же по команде своих сержантов выстрелившие по противнику...

– Да это ж дети, хлопцы! – кричит какой-то казак, замахиваясь саблей на оторопевшего витязя.

Но тут же другой витязь, стоящий рядом с собратом, как на учениях выставил вперед фузею, пронзая седовласого всадника.

Еще один казак, перемахнувший через упавшего товарища, на долю мгновения обернувшись назад, увидел, как по склону вниз отступают чуть больше сотни конников, оставляя тех немногих, кто сумел добраться по трупам своих соратников до шеренг противника.

«Как же так?» – мелькнула в голове у него мысль.

Секунда – и конь падает на бок, раненный чуть ли не десятком пуль сразу. Бунтовщик так и не успел выбраться из-под своего верного друга – сабля одного из сержантов рассекла ключицу, добравшись до сердца.

Увидев, что противников не осталось, Прохор скомандовал перестроение, выдвинув чуть вперед все двадцать пушек. Идти в бой майор не решил – не было приказа Старшего брата.

Взглянув на поле боя, майор заметил, что полк Бернера, перестроившись в шеренги, замер напротив подходящих к нему бунтовщиков. Остальные полки пришли в движение, охватывая фланги противника на манер клещей. Однако катящиеся рядом с бунтовщиками возы остановились, возле них тут же завозилась обслуга, готова артиллерию к атаке.

Между тем неизвестно откуда во фланг 7-го полка врезался отряд конницы, сминая опешивших солдат.

«Да что они там, совсем ослепли, что ли?! – с паникой подумал Прохор, судорожно пытаюсь понять, почему так получилось. – Стоп! Делай свое дело, майор, и не смотри туда! Старший брат сам знает, как лучше поступить!»

Но как ни старался Прохор не обращать внимания на происходящее, все равно украдкой поглядывал в сторону сражающихся полков. К огромному облегчению командира витязей, линии выдержали и понемногу стали выравниваться, отбиваясь от лихого наскока казачьего отряда, к которому спешила часть бунтовщиков, до этого штурмовавших стены Азова.

Посмотрев назад, Прохор увидел готовящийся к атаке эскадрон драгун, спешно перезаряжающих свои карабины. Минута – и последний драгун из эскадрона занимает свое место.

– Господин майор! Может, поможем нашим?

Прохор повернулся в сторону говорившего и увидел, что наши полки отошли назад, уходя из зоны поражения пушек бунтовщиков. А за полками по пятам шли ряды восставших, приготавливаясь дать залп. Между тем булавицы пересекли невидимую линию недолета снарядов 12-фунтовых пушек.

– По центру, всеми орудиями, – приказал майор, всматриваясь в подозрную трубу.

Артиллерийские расчеты подправили наводку орудий...

– Огонь!

Шеренги казаков в центре будто косою срезало, в неровных рядах атакующих образовалась большая брешь. Увидев это, два полка спешно выровняли ряды и дали залп. И пускай он был произведен с чрезмерной дистанции и не был даже наполовину столь результативным, как могло быть, но восставшие, за несколько минут лишившиеся чуть ли не трети войска, встали на месте, потеряв былое рвение. А через минуту в их ряды влетели драгуны, сминая перед собой дезертиров и вчерашних крестьян.

Внезапно сквозь шум сражения Прохор услышал знакомые звуки горна.

«В атаку!» – тут же перевел мозг витязя сигнал трубы.

Оглядев своих братьев-кадетов, майор увидел, что и они услышали приказ генерал-майора.

– Горнист, труби «схему пять», – тут же приказал он стоящему за собой горнисту.

Короткая трель – и стоящие витязи, разбившись повзводно и выведя в середину построения легкие пушки, приготовились к маршу.

– Вперед шагом м-арш!

Сотни сапог ударили по кровавой траве, ступая по ручейкам крови, кое-где уже впитавшимся на склоне бугра. В центре сотен витязей, окруженный со всех сторон, идет знаменосец, держа на чуть вытянутых руках знамя с бурым медведем на зеленом фоне.

Витязи шагали в сторону небольшого отряда, спешащего на подмогу конным казакам, по воле случая оказавшимся окруженными двумя полками.

«Давайте, давайте», – зло подумал про себя майор, внимательно наблюдая за сокращающейся дистанцией между его братьями и бунтовщиками.

– Стой! – крикнул Прохор.

Но пока еще юношеский тенор командира витязей утонул в надвигающейся волне ора восставших. Протяжный звук горна на миг прервал шум сражения, и сразу же вслед за этим батальон замер на месте.

– Повзводно, без команды, пли!

Витязи тут же разбились на взводы, раскрывая перед собой находящиеся до поры до времени в окружении трехфунтовые орудия. Короткая остановка – и в спешащий к воинам отряд булавицев унесли гранаты, взрываясь у них перед самым носом. Новый приказ – и каждый взвод, действуя на пару с ближайшим собратом, бегом бросился вперед. Еще один приказ – и первая шеренга встает на колени, а вторая замирает над первой.

Выстрел! Часть бунтовщиков падают на землю, остальные же выстраиваются в линию, подносят фузеи к плечу, и... десяток взрывов сметает оставшихся казаков и дезертиров, буквально настигнув их картечью из взорвавшихся в их рядах гранат. Чтобы остаться в живых, оставшаяся часть нападающих отступила, бросая по пути свое оружие. Их никто не преследовал. Бой продолжался...

Проخور отвлекся от командования своим батальоном, чтобы оценить обстановку на поле боя, и заметил, что стык двух полков, до этого с успехом отражавший нападающих булавинцев, еле-еле держится. И самым паршивым было то, что помощи им ждать неоткуда, так как остальные силы завязли в битве с основной массой бунтовщиков, не желавших отступить на свои позиции.

– Труби «Не плачьте об уходящих!»³ – хмуро приказал командир витязей, прекрасно понимая, что в случае прорыва линии полков его воинам придется очень жарко.

Повинуясь приказу, батальон спешно перестроился, оставив первую сотню на позиции, с которой она должна была отойти сразу, как только сотник решит, что ушедший отряд перестроился и уже выдвинулся к новой цели. Разумная инициатива очень необходима в армии, жаль, что она только нарабатывается, да и то пока лишь в рядах витязей...

– Вестовой! – крикнул майор, глядя, как мимо него проносятся драгуны, заходящие в тыл отряда казаков.

– Да, господин майор!

Молодой новобранец, только недавно поступивший на службу, замер перед Прохором по стойке смирно.

– Скачи к капитанам и передай, чтобы они направляли своих людей между полками. Быстро!

– Есть! – тут же запрыгнув на коня, ответил вестовой, уносясь вперед, к сотникам.

– Ну, братья, не подведите, – тихо попросил Проخور, едва шевеля губами.

Но, не выдержав ожидания, молодой майор вскочил на стоящего рядом коня и пустил его галопом вслед за уходящими сотнями своих братьев. «Ну и пусть разжалует, мне все равно, если мы проиграем», – зло подумал Проخور, догоняя витязей.

Дело в том, что тактика витязей отличается от тактики обычных регулярных полков не только схемами построений и боевых порядков сражений, но и предписанным местом командира в бою. Взводные у витязей не идут в первых рядах, их место примерно в центре своей формации. Старшие же офицеры, начиная от командира батальона, и вовсе должны наблюдать за полем боя чуть сзади своего отряда, действуя как младшие координаторы.

Поэтому и получалось, что, бросаясь в сечу, Проخور нарушал Устав витязей, за что вполне мог получить не только порицание от Старшего брата, царевича Алексея, но и понижение в должности. Вот только майор витязей не знал, что наследник России внимательно следил за его действиями, успевая отдавать приказы вестовым, тут же передающим их полковникам. И на вызов Прохора уставу в данном случае только одобрительно хмыкнул, отмечая про себя, что и сам готов сорваться, броситься в гущу сражения, где сейчас гибнут его люди.

Но все это было неизвестно Прохору, с упоением и боевым азартом мчащемуся к своим собратям. Они успели вовремя, как раз в тот момент, когда последняя полусотня 5-го полка уже отошла настолько, что еще десяток саженей, и остатки конницы казаков смогли бы ворваться в тыл 7-го полка, отражающего успешно атакующее появившееся подкрепление противника, что она и собиралась сделать. Вот только два винтовочных залпа с расстояния в полсотни метров остановили прорыв казаков, делая его невозможным.

³ *Не плачьте об уходящих!* – команда-мелодия, используемая в случае незапланированного отступления с оставлением пятой части войск для сдерживания противника в случае его контратаки.

Видящий это Прохор нашел глазами горниста, неотступно следующего за своим командиром, и приказал ему сыграть «схему-1», применяемую только в обороне, в силу своей сплоченности и малой маневренности, но открывающей большие возможности для удерживания позиций на открытой местности, когда нет времени для строительства даже малых редутов.

Суть данной схемы в том, что солдаты выстраиваются полукругом, в центре встают четыре взвода, по бокам – по два. Остальные воины должны стоять за спинами своих товарищей, ожидая приказа для вступления в бой или полной развертки в каре. В Уставе витязей прописано, что контратака может проводиться воинским соединением численностью не менее роты, с участием полевой артиллерии, предварительно обработавшей участок атаки. При этом каждый командир, решившийся на оный маневр, должен быть уверен, что его действия не приведут к окружению или удару в тыл его стоящих рядом собратьев.

Командиры двух полков, видя, что к ним подошло подкрепление, отдали приказ отойти на позиции, находящиеся ближе к тому островку временного спокойствия, который образовался вокруг только что подошедших витязей. Но не успели 5-й и 7-й полки завершить маневр, как впереди, за спинами Донского войска, возникли прапоры и знамена ушедших в Азов отрядов. Не в силах сдержаться, многие солдаты с криками «ура!» бросились на доселе с успехом сражавшегося с ними противника, теперь попавшего под фланговый огонь возникших из ниоткуда царских солдат, увидевшего, что он почти окружен, и начавшего общее отступление.

Но отступление, как это часто бывает, превратилось в паническое бегство, которому поддались даже ветераны-казаки, с горечью осознавшие, что пришел их конец, пусть даже он откладывается на неопределенное время, причем явно очень недолгое, ведь бунты на Руси никогда не прощали, а в нынешнее время и подавно...

Глава 6

Сентябрь 1708 года от Р. Х.

Рязань

Алексей Петрович

Лето прошло столь быстро, что мне порой кажется, что его и не было, вот только память о тех минутах сражений, когда кровь лилась ручьями, не давала забыть его просто так.

После сражения под Азовом крах Донского войска стал лишь делом времени. А когда 9 июля 1708 года близ урочища Кривая Лука погиб отряд Драного, угодивший в окружение царских войск под предводительством Василия Долгорукого, брата погибшего Юрия Долгорукого, то стало ясно, что конец восстания близок. Одновременно с этим потерпел поражение отряд Беспалого под местечком Тор на Северном Донце.

Видя, что дела совсем плохи, старшины казаков решили «сгладить углы» и предали своего лидера Булавина, в ночь с 10 на 11 июля убив его в Черкасске, куда он прибыл с остатками разбитого под Азовом Донского войска. Но их ожидания не оправдались: донскому казачеству пришлось дорого заплатить за свое восстание.

Василий Долгорукий, получивший от Петра наказ «не жалеть строптивцев и примерно наказать их», выполнил его просто превосходно, развесив сотни простых казаков на деревьях. В дополнение к этому, как свидетельство своего усердия, он отправил в подарок царю десятков голов старшин, стоявших изначально в первых рядах восстания, а теперь возжелавших замориться.

В моей истории, насколько я помню, восставшие отделались более мягкими санкциями, а часть восставших вообще смогли уйти на Кубань. Здесь же, при меньших потерях со стороны царских войск и губернаторств, при меньших разрушениях, наказание донских казаков было более жестким. Репрессии, начавшиеся сразу же после разгрома последнего отряда булавинцев, в середине августа достигли своего апогея отменой почти всех вольностей казаков, а также пожизненной ликвидацией права невозврата беглого люда.

После всех этих сообщений стало окончательно ясно, что история, которую я наблюдаю, идет вразрез с той, какая мне была известна, ведь теперь есть фактор, очень сильно влияющий на ее ход. И этот фактор – я сам...

Но задумываться о проблемах мне, к счастью, не дали насущные дела и... Юля. Иначе я даже не знаю, до чего бы додумался, наверное, до сумасшествия точно.

Вернувшись в Рязань, в свою резиденцию, возведенную полстолетия назад рядом с Соборной площадью, я тут же был завален ворохом разнообразных бумаг, начиная с разбирательств между людом и заканчивая подписанием новых смет для города и производства в Петровке. И вот эти последние меня немного настораживали, ибо, понимая, что никто из моих соратников никогда не стал бы воровать, прекрасно зная мое отношение к данному делу и помня показательные казни воров на центральной площади, среди которых был и именитый боярин, еще на заре наместничества, я в то же время, начав вместе с Николаем исподволь разбираться в повышении расходов, заметил, что на некоторые товары цены стали заметно выше. Порой их розничная стоимость была чуть не на треть ниже той, которая была указана в сметах.

Решением этой проблемы занялся Николай. Не торопясь и не выказывая лишнего интереса, он начал потихоньку следить и добывать сведения о махинациях, обещая в скором времени предоставить мне информацию во всей ее полноте.

Как бы то ни было, у меня, слава богу, появилось время, пускай и немного, которое я мог проводить с чудесной кареглазой девушкой, забравшей мое сердце. Вот только как мало было этих прелестных мгновений...

А могло быть еще меньше, если бы Юля не предложила мне свою помощь. Да-да, именно помощь! В чем? Если честно, я был немного ошарашен услышанным, чувствуя себя дураком из-за того, что сам не подумал об этом. Медицина – та самая область, в которой мне и стала помогать Юля, взяв для обучения двух девушек и двух юношей, ранее занимавшихся сим делом у травников. Конечно, если бы не согласие епископа Иерофана и не его поддержка моей немного странной просьбы о благословении травников как Божьих людей... Да, многое могло бы не получиться, но все же добро на воспитание первых медиков для корпуса Русских витязей было получено.

Становление процесса обучения находилось под моим неусыпным контролем, но все же было одно но: Юля сама преподавала, отдавая все свои знания ученикам, и это ежедневно занимало не так уж и мало времени. Однако скоро зима, не самое лучшее время года для травников, так что занятий будет много меньше.

Честно говоря, меня немного смущает узкая специализация будущих медиков: хотелось бы, чтобы они владели хоть минимальными навыками хирургии. Тем более что в Москве два года назад открылась школа хирургии.

В 1706 году великий государь приказал построить за Яузой-рекой, против Немецкой слободы, «гошпиталь для лечения болящих людей; а у того лечения быть дохтуру Николаю Бидлоо». Думаю, что после обучения четверо травников смогут пройти малый курс и у доктора Бидлоо, как повышение квалификации. Но пока оставим эту идею до лучших времен. Тем более что появилась еще одна проблема, к которой я вместе со своими друзьями готовился особенно тщательно.

В скором времени, зимой, должен был состояться Торговый сбор под патронажем наместника земли Рязанской. Идея созыва оного пришла мне спонтанно, еще во время моих «блужданий» по югу Руси. Ведь именно для этого и были нужны те купцы, которых удалось прижать в недолгие дни стоянок возле крупных городов. Очень важно, чтобы первый сбор прошел без инцидентов. Да так, чтобы на нем были купчины не только из земель рязанских, но и из других закоулков России-матушки...

Сейчас же я стою в окружении друзей на трибуне перед вторым набором кадетов, которые приносят клятву верности царю и Отечеству. Молодые, лет четырнадцати-пятнадцати отроки произносили красивые слова, толком не понимая, для чего они это делают. Ничего, в скором времени поймут, обязательно поймут, тем более что у них перед глазами всегда есть пример.

Темно-зеленая форма кадетов заметно отличается от всех аналогов мира, ведь у нее две главных составляющих – удобство и комфорт. Сапоги блестят от лучей солнечного света, падающего на них и чуть не пускающего солнечных зайчиков в глаза, на плечах у кадетов батальона фузеи. Именно на них устремлены все взгляды новых кадетов – завистливые, полные сожаления о том, что они не могут пока быть в рядах своих старших товарищей.

Задумавшись, я почти пропустил момент, когда хор голосов сказал отцу Варфоломею: «Клянусь!» Поднимаю руку, и, после того как все успокоились и замерли в ожидании, говорю:

– Сегодня у нас праздник, братья! Так пусть же он начнется как можно скорее!

– Ура! – возопили десятки голосов разом.

В это время перед столовой ставили столы. Суетились слуги, выставляя незатейливую пищу, разливали по кувшинам квас. Готовился праздничный стол.

– Здравия желаю, ваше высочество! – откуда-то сбоку сказал знакомый голос.

– И тебе не хворать, Дмитрий.

– Хорошее пополнение? – спросил он.

– Орлы!

– И я так думаю. Хотел попросить вас, ваше высочество...

– О чем? – спросил я.

– Пару ребят хотел из первого набора к себе забрать, толковые они, много пользы принести могут.

– Ежели так, то забирай, конечно, но только тогда, когда они свои основные дела заканчивать будут.

– Как же они тогда мне помогать будут? – удивился конструктор.

– А вот так. Им доучиваться надо: в первую очередь они витязи, и только потом уже все остальное!

– Ясно, ваше высочество.

К предстоящей зиме всех кадетов необходимо было одеть во что-то теплое и по возможности недорогое. Пришлось изыскивать оптимальный вариант, коим и стали шинели. Почему это надо было сделать именно к этой зиме? Все очень просто: их производство в том году не было налажено, да и других проблем хватало. Поэтому витязям пришлось во время весеннего похода идти в сюртуках и кафтанах поверх основной формы. Однако форма есть форма, поэтому в ней необходимо единообразие, так что введение зеленого кафтана, шинели и бушлата с шапкойушанкой стало необходимой составляющей.

Сказать честно, не будь я единственным наследником грозного царя, вряд ли бы удалось все это подготовить вовремя для разросшегося личного состава корпуса. Затраты увеличились почти вдвое, не считая стоимости строительства новых зданий для всего корпуса в целом, ведь одними казармами и парой мастерских дело явно не обойдется. Но решать повседневные и возможные проблемы требовалось уже сейчас.

Вот тут-то нам и подвернулся один молодой суконный предприниматель, тесно общавшийся с Артуром на почве производства, – Илья Щеголин, имевший сто тридцать станков и семьсот пятьдесят рабочих. Итог вполне закономерен: он получил заказ, заметно снизив цену на производимый для корпуса Русских витязей товар.

Время за празднованием пролетело незаметно. А завтра вновь начнутся тяжелые и скучные будни наместника...

* * *

Декабрь 1708 года от Р. Х.

Рязань

Алексей Петрович

– Я за тобой пришел, ваше высочество! – появился откуда ни возьмись Михаил Лесной, держа под мышкой папку с бумагами.

– Ты ничего не путаешь? – удивился я, смотря на сидящую рядом со мной Юлю.

– Нет, а вот ты, похоже, забыл, что сегодня прибывают купчины на Торговый сбор, сам же сроки такие выставил. Так что извините меня, Юлия Сергеевна, но я вынужден забрать у вас его высочество, – виновато улыбнулся Миша.

– Конечно, только прошу вас скорее его вернуть, – улыбнулась мне Юля.

– Сразу же, как только я освобожусь, приду к тебе, моя прелесть! – пообещал ей.

Проходя по второму этажу к месту проведения сбора, я узнал от Михаила много полезной информации, большая часть которой поступила, можно сказать, в последние минуты. По возможности знать все и обо всех – прерогатива правителя, да и должность обязывает. Некоторые моменты оказались крайне важными для меня. Так, к примеру, на Торговый сбор прибыл один из московских купцов – Евреинов, у которого на его шелковых фабриках работало до тысячи пятисот человек, что чуть ли не на порядок больше, чем в мастерских у Артура.

Так что придется мне отнестись к нашей затее посерьезней, а то ведь я считал, что первые два-три года сборы эти будут, даже при сильном внимании с моей стороны, немного кон-

сервативными по причине того, что этот первый Торговый сбор толком не регламентирован и о нем мало кому известно. Разве что подневольных купцов удастся затащить, да и только. Оказывается, мои суждения об этом проекте оказались неверными, каюсь, сказались стереотипы моего времени.

Что ж, я сам этого хотел, так будь что будет! Будем стараться, а там как фишка ляжет.

– Кто уже на месте? – спрашиваю Михаила.

– Николай, Артур и Кузьма прибывших купцов в Малый зал провели, ждут ваше высочество.

– Хорошо.

Сердце в груди начало биться чаще, словно я иду не к купцам, а на врага.

– У тебя все получится, не может не получиться! Ведь все, что мы сделали, это только благодаря тебе! Да и всего этого так много, что у других людишек просто голова кругом идет. Так неужели Господь нас оставит? Нет! Не бывать этому! – сказал Миша, и в его глазах на миг мелькнули фанатичные огоньки, угасшие в ту же секунду.

– Ты, как всегда, прав. Ну, с богом! – улыбнулся я ему, толкая дверь.

Хочешь не хочешь, а мне все-таки пришлось встречаться с купцами. Не со всеми, конечно, а только со сливками, прибывшими на Торговый сбор. А они все – калачи тертые, их просто так не пробьешь, хотя пара тузов в рукаве у меня, конечно, припрятаны.

– Ваше царское высочество, – поклонились мне в пояс все купцы.

– Здравствуйте, торговые люди! – вежливо поздоровался я, улыбаясь всем сразу. – Прошу садиться, – показал я на кресла возле стола, подходя к своему месту с малым российским гербом на спинке. – В ногах, как известно, правды нет.

Подождав, пока я сяду, купцы сами начали усаживаться, медленно и чинно, словно президенты на светском рауте.

«В бой, герой, иди, когда покой и дом оставлен в прошлом золотом... – сказал я себе, перед тем как начать беседу, больше похожую на битву, точнее, на первое сражение с купцами. – Жаль только, что мои очные договоренности с некоторыми рязанскими торговыми людьми ограничиваются нуждами корпуса и парой совместных товариществ».

Как и отец, я собирался всячески поддерживать купцов и помогать им в их объединениях, вот только не хотелось для этого давать им денег на развитие и обустройство. Я хотел, наоборот, чтобы они вкладывали свои сбережения в развитие моих предприятий, благо полномочия, дарованные мне царем, были на порядок выше, нежели у обычных губернаторов.

– Судари, перед тем как начать нашу, безусловно, занимательную беседу, я хотел бы узнать, как вы добрались до города? Не мешали ли разбойнички по дороге?

– Добрались хорошо, ваше высочество, спасибо. Но мы ехали большим караваном, так что сказать о том, есть ли на дорогах лихие люди, или нет, мы не можем, – ответил за всех самый старший, крепкий седовласый мужичок среднего роста, с длинной бородой.

– И что, вы все ехали по одной дороге? – удивился я.

Все же на сбор были приглашены купцы с разных областей России, и, по сути, они все должны были ехать с разных сторон, ведь в Рязань-то ведет явно не одна дорога.

– Мы случайно встретились под Касимовом, ваше высочество, – ответил другой купец, только вступивший в тот возраст, когда о делах уже можно заботиться меньше, чем о своем здоровье.

– Как удачно получилось. Ведь вам же повезло: теперь можно часть вопросов решить в считанные минуты! – улыбнулся я им.

– Почему же, ваше высочество? – спросил все тот же старик, уже с интересом смотрящий на меня.

– Если вы ехали вместе, то наверняка уже много о чем поговорили, а это, согласитесь, сможет помочь нам в будущей беседе. Некоторые ваши вопросы я могу выслушать и сразу на них ответить, если, конечно, они не слишком сложные, – спокойно ответил я.

– О как! – не сдержал возглас молодой купец с холодными голубыми глазами, больше подходившими моряку, чем торговому человеку.

– Это, конечно, хорошо, что вы, ваше высочество, задумались о том, чтобы помочь нам в решении наших мелких проблем, но позвольте спросить: какой вам от этого барыш? – задал один из самых насущных для купцов вопросов все тот же седой старик.

– Если у вас дела будут идти хорошо, то, значит, и развивать свое хозяйство вы будете быстрее и лучше, а следовательно, я думаю, вы и сами догадаетесь, какой барыш перепадет государству, – ответил я купцу.

– Это, конечно, хорошо, но, я думаю, не в этом основная идея нашего сбора? – вновь спросил он меня.

– Немного не так: это одна из основных идей этого сбора, – поправил я его. – А вот какие еще у нас возникли мысли, вам сейчас расскажут мои помощники.

Николай встал с кресла, подошел к планшету и откинул кусок полотна, закрывающий холст, на котором были изображены ряды разноцветных столбов, идущих один за другим, и рядом с ними внизу были пояснительные слова, какой столбец к чему относится.

– Судари, все мы люди, знающие цену деньгам и, главное, нашему личному времени, которого всегда не хватает, – начал Николай, привычно войдя в свою колею «денег и возможной прибыли». – И именно из-за понимания всего этого я не хотел бы попусту тратить слова на ничего не значащие истины. Под руководством его высочества, – кивок головы в мою сторону, – мы подготовили несколько предложений, даже, скорее, взаимовыгодных договоренностей, и сейчас я наглядно покажу вам на планшете, в чем их суть. После этого вы сможете хорошо обдумать их и дать ответ не позднее пятницы, то есть послезавтра. Но что-то я увлекся, приступим, пожалуй...

Я сидел и про себя аплодировал Николаю. Все-таки воспитание у купеческого сына было отличное, да и смекалкой природа его явно не обделила.

Все проекты, как с моей подачи начали называть разработанные нами договоренности и схемы взаимодействия с людьми, были поделены на две части. В первую часть входили сами договоры, а во второй были наши давние наброски по регулировке сборов налогов и податей, а также судебная часть торговых и личных договоров. Для Николая, подошедшего к планшету, логично было бы начать с первой части, пообещать с три короба и так далее, но, будучи купцом, он отлично понимал, что перед ним сидят умные и практичные люди, для которых слова остаются только словами. Но вот если им показать, что эти слова могут стать действительностью, и при этом приносящей хорошую прибыль...

Таким образом, Николай, с моего молчаливого согласия, начал говорить о некоторых послаблениях, касающихся податей и пошлин. Правда, пока это касалось только рязанских земель, подвластных мне. Казалось бы, что в этом такого? Подумаешь, вместо одной пятой от дохода платить девятнадцать сотых – невелика разница. Но это было только начало, и купцы, почувствовавшие что-то важное, сразу насторожились, с лиц многих из них слетело выражение скуки. Как говорится, копейка рубль бережет, а в этом вопросе купцы сэкономили явно не по одному рублю.

Но как бы радостно мне ни было, я не имел права показывать это сейчас, ведь тогда старания нашего «министра финансов» могли сойти на нет. Итог – я сижу в кресле и молчу, внимательно вглядываясь в лица купчин, сейчас больше похожих на гончих, почуявших добычу.

– Это, конечно, правильные слова, молодой человек, – прервал разошедшегося Николая один из трех наиболее старых купцов, поглаживающий свою бороду. – Но вот скажите нам:

какая выгода от этого наместнику, точнее, его царскому высочеству? Ведь чем больше подать и пошлина, тем больше барыша попадет в казну к государю, храни его Господь.

– Выгода та самая, о которой говорил его высочество. Более того, мы намереваемся в течение пяти лет сократить имеющиеся пошлины на одну треть от нынешних, тем самым давая возможность появиться новым торговым людям.

– Красиво говоришь, любо-дорого послушать. Но кое-что не упомянул. Откуда появятся эти самые новые купцы, судя по вашим словам, должны вести торг в одной лишь губернии? – задал вопрос все тот же купец.

– А вот об этом мне не дали сказать, но теперь, я думаю, меня выслушают и не станут перебивать, – ответил спокойным, повелительным голосом Николай, давая понять, что сидящие здесь купцы на ранг, а то и больше, ниже его.

– Что же, мы слушаем тебя.

– На чем я закончил? Ах да, так вот, из-за того, что с каждым годом все тяжелей и тяжелей вести торговые операции с большим количеством товаров, да и перевоз большой казны тоже труд немалый...

– Это почему же? – удивленно перебил один из молодых купцов.

– А как же постоянная охрана караванов? – задал встречный вопрос Николай. – Так вот, вам, господа купцы, с повеления нашего наместника, его высочества Алексея Петровича, предлагается основать первый банк России на следующих условиях. Во-первых, все операции банка будут предварительно согласованы с назначенным на должность наблюдателя банка нашим государем или же его наследником, – вновь небольшой кивок головы в мою сторону. – Во-вторых, руководство банка будет осуществляться выборными для этого людьми из числа заинтересованных лиц количеством до семи человек, не считая наблюдателя, имеющего право вето на любую сделку, но при этом целиком и полностью берущего всю ответственность за это на себя. В-третьих, треть всего банка будет принадлежать государству, остальное же распределится между людьми, сделавшими наибольшие вложения в него: то есть чем больше ты вложил в его создание, тем большее влияние имеет твое мнение на решения банка. И в-четвертых, все сделки банка *никогда* не должны осуществляться в ущерб государству!

Горизонты возможностей купцов, открывающиеся этой идеей, были заоблачные, а если ко всему прочему поручителем будет государство...

Но было одно но, о котором Николай не сказал купцам: сам государь еще не знает об этой моей инициативе. Хотя я сам прекрасно понимаю, в какую игру влезаю, но ставки стали слишком высокими, чтобы сбрасывать карты. Ждать десятилетия я просто не имею права, а тут просто золотая жила может появиться. Купцы же, подумав обо всем обстоятельно, наверняка себе все жилы порвут ради создания банка. Дело оставалось за малым – выбить у отца разрешение на создание банка. Хотя, по моим подсчетам, для того чтобы собрать нужную сумму без ущерба для своих торговых дел, купцам потребуется чуть больше полугода.

Итого в моем распоряжении есть почти шесть месяцев, в ходе которых мне предстоит помочь отцу в битве при Полтаве и, пройдя по грани лезвия, получить разрешение на создание, а главное, курирование первого российского банка. Весело, ничего не скажешь, но увы, другого пути просто-напросто нет! Для поднятия России одних войн мало, нужны деньги, и деньги немалые. К счастью, отец это понимает, и это вселяет в меня большую надежду на успех нашей затеи. Но это пока подождет, сейчас главное – доступно объяснить купцам, что рот необходимо держать на замке.

Странно, вроде бы думал и рассуждал чуть ли не полчаса, а времени прошло всего пара минут. Все еще слегка заторможенное выражение на лицах купцов окончательно развеяло мои сомнения, и я встал, перехватывая инициативу, дабы окончательно решить столь важный вопрос.

– Господа купцы, сегодня мы с вами имеем возможность создать настолько большую компанию, что все остальные, имеющиеся на данный момент в России, будут выглядеть как недельные щенки по сравнению с матерым волком. Но увы, это еще не все. В бочку меда может упасть ложка дегтя, и тогда вся наша затея может оказаться пустой тратой времени. Из-за чего, спросите вы? Я вам отвечу, хотя вы и так знаете о причинах, а именно – о зависти. Именно она может послужить тем камнем преткновения, который обрушится на нас, если эта идея станет известна раньше положенного срока. Поэтому я хотел бы попросить вас никому не говорить об этом, а все дела по созданию банка вести с Николаем, который сейчас вам обо всем этом рассказал.

Сказав, я сел на свое место, давая купцам время спустить пары эмоций самым простым и быстрым способом – шквалом вопросов, ответы на которые друзья порой не успевали давать.

Хотя я и ожидал, что на эту идею у торгашей будет высокий спрос, но такого ажиотажа все-таки не предусмотрел. Быть может, это даже и лучше. Вот только под эйфорией не сболтнули бы господа купцы чего лишнего. Хотя чего это я? Купцы ведь звери матерые. Да и стараясь-то не для себя, а для Родины! Но береженого Бог бережет...

Люди они понимающие, вертятся в болоте под названием «торговля и предпринимательство» не по одному десятку лет и лучше меня все понимают, но все-таки какой-то червячок внутри меня не дает до конца успокоиться – можно сказать, заставляет всегда ожидать какого-то подвоха. И я просто вынужденно начал к нему прислушиваться, ведь в моей жизни, для кого-то короткой, а для кого-то и нет, такое бывало только два раза, и оба раза ничего хорошего не случилось.

Один раз, когда мне было лет десять, меня чуть не сбил грузовик. Я переходил дорогу на зеленый свет, но, почувствовав что-то внутри себя, резко остановился, и буквально через секунду из-за поворота вылетел МАЗ, пронесшийся буквально в полуметре от меня. Было бы мне лет двадцать, я наверняка остался бы с седой головой.

Второй раз я почувствовал такое же беспокойство месяца за два до самого события. Точнее, даже не так: плохое настроение, гнетущее состояние на душе с каждым днем все усиливались и усиливались. В одну из ночей, когда я подрабатывал охранником на складе, одна из балок, держащая металлический навес, под которым стояла легкая фанерная будка, предназначенная для отдыха охраны, сломалась и раздавила эту конуру, из которой я вышел секунд за пять до происшествия. Опять же, чисто случайно получилось: пошел проверять склад, хотя собирался идти только минут через двадцать...

И вот теперь опять...

– Чертовщина какая-то, – чуть слышно сказал я сам себе.

Но сидящий рядом со мной Кузьма все же услышал и вопросительно глянул на меня. Я только махнул рукой: мол, ничего страшного, все в порядке.

– Судари, я думаю, теперь вам есть над чем подумать, – сказал я собравшимся в Малом зале купцам, вставая со своего места.

– А почему не до завтра? – спросил один из купцов. Кажется, его звали Петр Иванович Тимохин.

– Потому что завтра будет пир по случаю созыва Торгового сбора, – ответил я, улыбнувшись. – Доброй ночи, – пожелал я купцам. – Надеюсь, вам уже выделили комнаты?

– Да, ваше высочество, и вам доброй ночи, – вразнойой ответили вставшие купцы, тут же поспешившие в свои комнаты.

– Молодцы, отлично подготовились! – похвалил я оставшихся в зале товарищей.

– Не мы одни все это делали, скорее уж тебе надо памятник ставить! – с улыбкой ответил Николай, глядя на меня.

– Это почему же? – поинтересовался я у него.

– Так идея-то твоя была. Или уже забыл? – ответил Николай.

– Так исполнение-то ваше было, так что спасибо вам всем! Жаль только, не все здесь сегодня собрались. Но, думаю, как только они появятся здесь, так сразу получают достойную награду, – сказал я друзьям.

– А кстати, что же это за награда такая? Позволь нам узнать, а то говоришь о ней чуть ли не неделю, а мы так толком ничего и не узнали... – с подозрением спросил Кузьма.

– Всему свое время, Кузя! – усмехнулся я. – Кстати, как там дела у Ивана?

– Вовремя напомнил, Алексей, а то бы я забыл сказать, – хлопнул себя по лбу Николай. – Позовите Дмитрия Колпака!

На легкий окрик из-за двери раздался легкий перестук каблуков, и через пару минут в зал вошел чем-то сильно недовольный Дмитрий.

– Вот и он! Ты что такой хмурый? – тут же спросил Николай, первым разглядев недовольство на лице нашего изобретателя.

– Да все оттого же! – огрызнулся Дима. – Обточка стволов фузей слишком долго идет, времени много на нее уходит, и что делать с этим, не знаю!

– Так ты же токарь! – изумился Николай. – Неужели нельзя на станке что-нибудь придумать?

– Так в том-то и дело, что из-за станка и получается долгим сам процесс, – махнув рукой, ответил Дмитрий.

– А в чем проблема? – спросил я у него. – Ведь отцу уже отправили две сотни, он в восторге от них. Обещал при встрече о награде поговорить, для тебя в том числе.

– Это, конечно, хорошо, но мы эти стволы делали чуть ли не полгода.

– Это вместе с самой фузеей, не забывай...

– Да помню. Но все равно, долго делать дуло приходится. Ствол получается некачественным, его приходится дополнительно обтачивать, что, как вы понимаете, не совсем хорошо, – все так же хмуро ответил Дмитрий.

– Так, может, тогда стоит применить станок с водяной струей? – подал я ему идею.

– Да какая струя?! Хотя... Стоп! Да, точно! Как же я сам до этого не додумался?! – воскликнул Дмитрий и, развернувшись на каблуках, исчез за дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.